

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN (Online) 2949-5032

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

4/2024

ISSN (Online) 2949-5032

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Название журнала до сентября 2023 г.:
Вестник Московского государственного областного университета**

Основан в 2010 году

№ 4 / 2024

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки);
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).
 - 5.5.1. История и теория политики (политические науки);
 - 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
 - 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки).
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

ISSN (Online) 2949-5032

RUSSIAN SOCIAL AND HUMANITARIAN JOURNAL

**The name of the journal until September 2023:
Bulletin of Moscow State Region University**

Founded in 2010

№ 4 / 2024

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the
Higher Attestation Commission in the following groups of scientific specialties:**

- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences);
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences).
 - 5.5.1. History and theory of politics (political sciences);
 - 5.5.2. Political institutions, processes, and technologies (political sciences);
 - 5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences).
- 5.9.8. Theoretical, applied, and comparative linguistics (philological sciences).

Учредитель издания:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Издание выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Российский социально-гуманитарный журнал

основан в 2010 году (до сентября 2023 года журнал назывался «Вестник Московского государственного областного университета»).

Учредитель: Государственный университет просвещения.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-85734.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (RINC).

ISSN (Online) 2949-5032.

Главный редактор:

Абрамов А.В. — к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Государственный университет просвещения

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н.С. — д.псх.н., доц., проф., Государственный университет просвещения;
Левченко М.Н. — д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. — д.и.н., проф., Государственный университет просвещения;
Вилков А.А. — д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;
Егоров В.Г. — д.и.н., д.э.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ);
Комлева Н.А. — д.пол.н., проф., Академия геополитических проблем;
Манойло А.В. — д.пол.н., доц., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Маркаров А.А. — д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);
Мартынов М.Ю. — д.пол.н., проф., Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. — д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;
Соловьев А.И. — д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Федорченко С.Н. — д.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Шириянц А.А. — д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Бауэр Е.А. — д.псих.н., член-корреспондент РАО;
Карабанова О.А. — д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Скрипкина Т.П. — д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;
Суворова О.В. — д.псх.н., проф., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;
Цветкова Н.А. — д.псх.н., доц., Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. — д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
Иссерс О.С. — д.филол.н., проф., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;
Леденёва В.В. — д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;
Маркова Е.М. — д.филол.н., проф., Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);
Мокиенко В.М. — д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;
Никитин О.В. — д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;
Радченко М.В. — д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);
Симашко Т.В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);
Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Russian Social and Humanitarian Journal

Russian Social and Humanitarian Journal was established in 2010.

(The name of the journal until September 2023: Bulletin of Moscow State Region University).

Founder: Federal State University of Education.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № ФС77-85734.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RINC).

ISSN (Online) 2949-5032.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; State University of Education.

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education;
Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of State University of Education.

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of State University of Education;
Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;
Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Institute of Diaspora and Integration (Institute of CIS);
Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Associate Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University;
Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Academy of Geopolitical Problems;
Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. — Doctor of political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University;

Shirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences Lomonosov Moscow State University.

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Olga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Suvorova Olga V. — Doctor of psychological Sciences, Professor Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences, Professor of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education, Cyril and Methodius University in Trnava, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvati);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Khukhuni Georgiy T. — Doctor of Philology, Professor of State University of Education.

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru

КОНТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@vestnik-mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

Саркисов В. Э.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ КРИЗИСНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ 8

*Абрамов А. В., Алексеев Р. А., Бычкова Н. С., Ежов Д. А.,
Емельянова Н. Н., Осипова Н. А.*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ
В РОССИИ (II) 42

Кузь С. И.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ХАРАКТЕРИСТИК МУНИЦИПАЛЬНЫХ ДЕПУТАТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО
АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА ГОРОДА МОСКВЫ (НА ПРИМЕРЕ
ВЫБОРОВ 2017 И 2022 ГГ.) 83

Семаева О. В., Киева А. Н.

ПОСЛЕДСТВИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ
НА УКРАИНЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ОЦЕНКИ
ПОЛИТОЛОГОВ 103

Черняховская Ю. С.

БУДУЩИЕ ИМПЕРИИ: ВАРИАНТЫ, КОНФИГУРАЦИИ, ЛИНИИ
РАСКОЛОВ В ВЕДУЩИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФИЛОСОФСКОЙ
ФАНТАСТИКИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ. 119

Шавеко Н. А.

МОДЕЛИ СОВЕЩАТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ
НОРМАТИВНОГО ОБОСНОВАНИЯ 135

Шияпова Е. А.

РОССИЯ КАК ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 159

ПСИХОЛОГИЯ

Нестерова А. А., Шукина О. Г.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ РЕВНОСТИ,
ОСЛОЖНЯЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПАРЕ 173

Ромашева Ж. Ж.

СВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ С ЭМИГРАЦИОННЫМИ УСТАНОВКАМИ МОЛОДЁЖИ	194
--	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Боронин А. А.

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЛИМИТАЦИЯ КУЛЬТУРНО- ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ.....	210
--	-----

Левченко М. Н., Захарова М. Ю.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АЛГОРИТМ ТИПА ТЕКСТА ФЭНТЕЗИ.....	228
--	-----

POLITICS

<i>Sarkisov V. E.</i> PRACTICAL ASPECTS OF CRISIS POLITICAL COMMUNICATION MANAGEMENT	8
<i>Abramov A. V., Alekseev R. A., Bychkova N. S., Ezhov D. A., Emelyanova N. N., Osipova N. N.</i> TOPICAL ISSUES OF POLITICAL COMPARATIVE STUDIES IN RUSSIA (II)	42
<i>Kuz S. I.</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIAL-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF MUNICIPAL DEPUTIES OF THE CENTRAL ADMINISTRATIVE DISTRICT OF MOSCOW (BASED ON THE ELECTIONS OF 2017 AND 2022)	83
<i>Semaeva O. V., Kieva A. N.</i> CONSEQUENCES OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE FOR THE MODERN WORLD: ASSESSMENTS OF POLITICAL SCIENTISTS	103
<i>Chernyakhovskaya Yu. S.</i> FUTURE EMPIRES: VARIANTS, CONFIGURATIONS, AND LINES OF SPLIT IN THE LEADING WORKS OF PHILOSOPHICAL SCIENCE FICTION OF THE LATE 20TH–BEGINNING OF THE 21ST CENTURIES .	119
<i>Shaveko N. A.</i> MODELS OF DELIBERATIVE DEMOCRACY: THE MAIN WAYS OF NORMATIVE JUSTIFICATION.	135
<i>Shiyapova E. A.</i> RUSSIA AS A STATE-CIVILIZATION IN MODERN POLITICAL DISCOURSE	159

PSYCHOLOGY

<i>Nesterova A. A., Shchukina O. G.</i> SOCIAL-PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF JEALOUSY DESTROYING COUPLE RELATIONSHIPS.	173
---	-----

Romasheva Zh. Zh.

THE CONNECTION OF PERSONALITY TRAITS WITH EMIGRATION

ATTITUDES OF YOUTH 194

LINGUISTICS

Boronin A. A.

LINGUOAXIOLOGICAL DELIMITATION OF A CULTURAL-LINGUISTIC

COMMUNITY 210

Levchenko M. N., Zakharova M. Yu.

PERSONAL ALGORITHM OF THE "FANTASY" TEXT TYPE 228

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ КРИЗИСНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ

Саркисов Вартан Эрнестович

- e-mail: vartan1809@gmail.com;
аспирант кафедры политологии и прикладной политической работы;
Российский государственный социальный университет
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1,
Российская Федерация

Для цитирования

Саркисов В. Э. Практические аспекты управления кризисной политической коммуникацией // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 22.09.2024
- Статья размещена на сайте 01.12.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Введение

Кризисная политическая коммуникация. Основные понятия и определения

Этапы управления кризисной политической коммуникацией

Этап 1. Получение и анализ информации

Этап 2. Подготовка и принятие решений

Этап 3. Организация выполнения принятых решений

Этап 4. Контроль, оценка результатов

Этап 5. Внесение коррективов

Заключение

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать современные практические аспекты управления кризисной политической коммуникацией, дать определение феномена кризисных коммуникаций и основные базовые сценарии реализации антикризисного управления.

Процедура и методы. Для достижения поставленной цели автором был выполнен обзор существующих исследований управления кризисной политической коммуникацией, созданных российскими и зарубежными учёными. В основном исследователи кризисных политических коммуникаций описывают взаимодействие акторов на макроуровне (глав государств, правительственных ведомств и т. д.). В свою очередь, автор данной статьи сфокусировался на изучении кризисных коммуникаций на российском региональном уровне. Полученный материал структурировался для создания матрицы управления политическими коммуникациями и детализации этапов управления кризисной политической коммуникацией. Основными методами, используемыми в работе, выступали аналитический и описательный.

Результаты. В процессе исследования проанализированы этапы управления кризисной политической коммуникацией: 1. Получение и анализ информации. 2. Подготовка и принятие решений. 3. Организация выполнения принятых решений. 4. Контроль и оценка результатов. 5. Внесение коррективов. Описаны также особенности вариантов устранения или нивелирования проблем, возникающих на каждом из этих этапов. Один из ключевых выводов исследования касается эффективности кризисных коммуникаций, а именно – кризисные коммуникации максимально эффективны, когда позволяют превратить кризис в поле возможностей для всех оппонирующих сторон.

Теоретическая и/или практическая значимость. Впервые проведён разносторонний анализ современных практических аспектов кризисной политической коммуникации. Детализированы основные этапы управления кризисной политической коммуникацией. Полученные результаты могут быть задействованы на практике при выработке стратегии управления кризисной коммуникацией на федеральном и региональном уровнях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

коммуникация; кризисная коммуникация; управление политическими коммуникациями

ВВЕДЕНИЕ

Поиск оптимальных алгоритмов сохранения стабильности, предсказуемости и управляемости в наибольших сферах человеческой жизнедеятельности в условиях серьёзных политических, социально-экономических, технологических, культурных трансформаций, событий и обстоятельств становится сегодня повседневной реальностью.

Ключевую роль в достижении вышеописанной задачи играет эффективная реализация политических коммуникаций, или передача информационного сигнала от доноров политической коммуникации к потребителям (реципиентам) информационного сигнала через каналы коммуникации, релевантные как содержанию коммуникации, так и её целевым аудиториям.

Каждый из субъектов сложно сочленённого политико-коммуникативного пространства обладает широким арсеналом инструментов реализации собственных общественно-политических амбиций. Каждый актор самостоятельно определяет главные цели реализации собственных политических коммуникаций, которые нередко конфликтуют с целями других участников политического коммуникационного ландшафта, что зачастую приводит к увеличению энтропии разноректорного влияния на умы и сознание граждан страны, что может послужить причиной формирования зон социально-политической напряжённости и, как следствие, привести к серьёзной турбулентности общественно-политической ситуации в стране в целом или в отдельных её регионах.

Подобные обстоятельства придают особое значение процессу управления политическими коммуникациями. От того, насколько точно обозначены цели и задачи коммуникации, определены её целевые аудитории, релевантны каналы доставки информации, насколько корректно определено ресурсное обеспечение, насколько правильно сформулированы ключевые показатели эффективности и описаны этапы управления коммуникацией, в конечном итоге зависит общая эффективность политической коммуникации.

Различные аспекты практических аспектов управления политическими коммуникациями были раскрыты в ряде

публикаций [1; 2; 3; 4]. В частности, описание пяти этапов управления политическими коммуникациями в разрезе шести видов политических коммуникаций было представлено в статье «Управление политическими коммуникациями. Практические аспекты управления стратегической политической коммуникацией» [2, с. 139–150]. В настоящей статье автор анализирует общую матрицу управления политическими коммуникациями и раскрывает особенности управления кризисной политической коммуникацией.

Краткое описание процессов кризисной политической коммуникации представлено в таблице 1. Далее по тексту мы подробно опишем этапы управления данной коммуникацией, обращая внимание на наиболее важные её процессы и возможные «проблемные места».

Американский политолог Б. Бозман считает, что до последнего времени «общая», ориентированная в основном на корпорации область антикризисной коммуникации и антикризисного управления и изучение тех же процессов в правительствах и организациях государственного сектора были отдельными направлениями [12, р. 169–188].

КРИЗИСНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Кризисная коммуникация как инструмент взаимодействия политического актора с обществом появилась в начале XX в. одновременно с институциональным оформлением дисциплины «связи с общественностью» и к 1950-м гг. утвердилась как область практики данного научного направления [24, р. 39–56]. Начиная с 1980-х гг., учёными проводилась важная работа в смежных областях, включая менеджмент и социологию, и в меньшей степени – в политологии, антропологии, психологии и т. д. [24, р. 39–56].

И тем не менее специалисты, изучавшие кризис через корпоративное направление, внесли огромный вклад в теоретизацию «общих» понятий [35, р. 317–331]. Для того, чтобы изучать кризисную политическую коммуникацию, необходимо рассмотреть само явление кризиса.

Таблица 1 / Table 1

Матрица управления политическими коммуникациями / Political Communication Management Matrix

		Этапы управления политическими коммуникациями				
Виды политических коммуникаций	Базовые	1.Получение и анализ информации	2. Подготовка и принятие решений	3. Организация выполнения принятых решений	4. Контроль, оценка результатов	5. Внесение коррективов
	1	*	*	*	*	*
	2	*	*	*	*	*
	3	*	*	*	*	*
	4	*	*	*	*	*
	5	*	*	*	*	*
6	Кризисная коммуникация (КК)	6.1 Мониторинг кризисного инфополя, проведение специальных исследований и т. п.	6.2 Подготовка основных параметров, событийного каркаса и КРИ КК, материалов КК (медиааналитика и рекомендации)	6.3 Реализация контрпропагандистской и антикризисной коммуникаций, проведение специальных тренингов	6.4 Контроль за ходом реализации мероприятий КК, оценка релевантности цифровых площадок, анализ достижений ключевых КРИ КК	6.5 Внесение коррективов в планы-графики, сюжеты, каналы донесения, рекламно-информационные материалы кризисной коммуникации и пр.

Источник: [2].

Российский исследователь Д. П. Гавра считает, что западная теория кризисных коммуникаций предлагает «две теоретико-методологические традиции, по-разному понимающие онтологию кризиса» [5, с. 153–155]:

Объективистское направление считает кризисом событие, которое «произошло в реальности и породило трудности и опасности для организации. При этом имеет место объективная, т. е. реализуемая в сфере общественного бытия негативная динамика важнейших показателей функционирования данного социального субъекта». Одним из известных представителей данного направления является К. Фирн-Бэнкс, согласно которой кризис – это «крупное событие с потенциально негативными последствиями, влияющими на организацию, компанию или отрасль, а также на общественность, продукты, услуги или доброе имя» [17].

Субъективистское направление постулирует субъективистскую онтологию кризиса. Ярким представителем этого подхода является Т. У. Кумбс, который определяет кризис как «событие, которое является непредсказуемым, серьёзной угрозой, которая может оказать негативное воздействие на организацию, отрасль или заинтересованные стороны, если с ней справиться неправильно» [14, р. 289–303].

Сам же Д. П. Гавра считает, что «кризис объективен, поскольку порождает угрозы как социальному субъекту, так и его стейкхолдерам в сфере реального бытия. В то же самое время кризис субъективен, поскольку только люди – собственники, менеджмент, персонал, внешние стейкхолдеры – могут определить сложившуюся конфигурацию объективных условий как кризисную, и, соответственно, запустить контур кризисного реагирования» [5, с. 153–155].

Автор данной статьи под кризисной ситуацией подразумевает обстоятельства, возникновение и развитие которых может нести *увеличение рисков* публичного проявления общественного недовольства (в этом случае в кризисе чётко определены как минимум две стороны) и нанесение ущерба репутации (имиджу) субъекта коммуникации либо утраты доверия к нему (в таком случае, как правило, есть только одна, «пострадавшая» сторона), что требует оперативных мер реагирования. То, что фактически любая жизнедеятельность (хозяйственная, общественно-политиче-

ская, культурная и т. п.) всегда связана с вышеописанными рисками, определяет *особую роль* кризисной политической коммуникации, которая, несомненно, может быть отнесена к категории *базовых коммуникаций*, без реализации которых трудно представить функционирование и развитие общества в целом. В большом «антикризисном оркестре», где, подобно музыкальным инструментам, каждая из других видов политических коммуникаций (см. табл. 1) самостоятельно ведёт свою «мелодию», лишь их слаженное совместное «звучание» создаёт ту коммуникационную «симфонию», которая возвращает конфликтную ситуацию в состояние относительного равновесия, успокаивает волатильность общественных настроений и не даёт разрушительной энергии кризиса стать источником серьёзных социальных потрясений.

Можно также выделить несколько основных моделей развития кризиса:

Трёхэтапная модель Т. Л. Селлноу и М. У. Сигера разбивает кризис на три стадии: а) предкризисную; б) кризисную; в) посткризисную [31].

Четырёхэтапная модель С. Финка сравнивает кризис со стадиями хронического заболевания: а) продромальная (между инкубационным периодом и болезнью); б) острая; в) хроническая; г) стадия разрешения [18].

Существуют различные основания для типологизаций кризисов:

- по уровню распространения последствий кризиса: макроуровень (факторы, над которыми пострадавшие организации практически не имеют контроля) и микроуровень (аспект антикризисного контроля смещается в центр внимания пострадавшей организации, которая имеет некоторый контроль над последствиями кризиса) [36];
- по уровню умышленности: преднамеренные (например, подделка продукта) и непреднамеренные (например, стихийные бедствия, отказ продукта) [33];
- по уровню проявления кризиса: Х. Хульберг Саломонсен и Р. Т'Харт разделяли кризисы на «острые» или «ползучие», а также по степени «глубины» – на ситуационные или институциональные [21, р. 439–460].

Исследования кейсов применения правительствами кризисных коммуникаций чаще всего концентрируются на: чрезвычайных ситуациях природного характера (пожары, наводнения) [22, р. 1–22; 7, с. 695–707], международных конфликтах [38, р. 251–267] и эпидемиях [30]. Так как именно на этих примерах можно наиболее явно показать процессы антикризисного управления государственными учреждениями.

Определения процесса кризисной коммуникации также зачастую исходят из «общей» теории изучения кризисов. Так, например, А. Ю. Питерова понимает под кризисными коммуникациями – «коммуникации, направленные на управление сложной ситуацией, устранение рисков и неопределённостей, позволяющие контролировать нежелательные для компании процессы» [8, с. 21–24]. Такое определение достаточно легко интерпретировать в политологическом контексте, заменив «компании» на «политических акторов». Однако данное определение, на наш взгляд, является излишне инструменталистским и не учитывает особенностей функционирования политических систем.

Важной составляющей управления кризисной ситуацией в политике является то, что правительство (один из главных акторов) рассматривает кризисную коммуникацию как «упражнение в выработке общественного смысла под давлением», т. е. предоставление эмоционально возбуждённой общественности авторитетных отчётов о том, что происходит, почему это происходит, каковы его последствия и как отдельные лица и члены сообщества должны думать и действовать в связи с текущим кризисом [21, р. 439–460]. Т. е. управление кризисной ситуацией в политике состоит не просто в «устранении рисков и неопределённостей», но и в том числе в управлении «эмоциями общественности», что придаёт данному процессу совершенно другой «политический» контекст.

Автор статьи, синтезируя «инструменталистское» определение (в конечном итоге управление – это набор действий) с политологическими представлениями о кризисе, определяет термин «кризисная политическая коммуникация» (далее – КПК) как механизм *взаимодействия между субъектами политической коммуникации и получателями информации,*

осуществляемый по офлайн- и онлайн-каналам в процессе *реагирования на кризисные ситуации* и имеющий целью минимизировать негативные последствия кризиса или утери доверия к субъекту коммуникации либо же нивелировать ущерб, нанесённый его репутации.

В качестве механизмов оперативного реагирования на возникновение кризисных ситуаций используются все инструментальные виды политических коммуникаций: медийная, цифровая, рекламная и PR-коммуникация (см. табл. 1).

В процессе теоретизации «кризисной политической коммуникации» исследователи выделяют субъекты, задействованные в ней:

- государственные учреждения [34] в т. ч. бюрократия выделяется как самостоятельный актор [32, р. 692–706].
- политические лидеры [11; 25].
- НКО / профсоюзы / благотворительные организации [27, р. 379–505].
- общественность / граждане [34].

Основным последствием политического кризиса является угроза *снижения легитимности* элит и / или политических институтов [15, р. 952– 972], что в конечном счёте приводит к *утрате доверия* в обществе к акторам коммуникации [23, р. 1174–1196; 37, р. 46–67]. Другими последствиями являются:

- ухудшение имиджа / репутации / рейтингов [26; 6, с. 257–263].
- угрозы стратегическим целям акторов [20, р. 109–118].
- нарушение нормального функционирования политической системы [28, р. 59–76].
- распространение ложной информации [19, р. 523–541].

Несмотря на то, что политические кризисы, по выражению К. Ауэр, «являются слепым пятном в исследованиях кризисной коммуникации» [9, р. 119–132], политическая наука продвинулась в исследовании эффективности кризисных политических коммуникаций, но результаты являются ограниченными. Так, например, О. Эйзеле, П. Толочко и Х. Г. Бумгаарден определили четыре параметра, по которым можно оценивать публичную политическую антикризисную

коммуникацию: а) доступность; б) потенциал для развеивания страхов; в) учёт озабоченности общественности; г) передаваемая в ней политическая ориентация [15, р. 952–972].

Одним из важнейших инструментов для обеспечения эффективной публичной антикризисной коммуникации (с помощью которых можно добиться результата в соответствии с четырьмя параметрами, приведёнными выше) являются социальные медиа, хотя исторически классические СМИ во время кризисных ситуаций играли главную роль, служа каналом для передачи информации от официальных лиц к широкой общественности [29]. При этом социальные медиа не выступают однородным явлением с единой согласованной ролью в исследованиях и практике кризисного управления и коммуникации [16, р. 198–208]. Одни социальные сети могут использоваться для установления контактов и обмена мнениями с семьёй и друзьями, а другие воспринимаются как платформы для обмена важной информацией и выстраивания отношений с властями и другими общественными деятелями во времена кризиса (например, на Западе такой является платформа X – экс-Twitter¹).

Другое исследование показывает, что в кризисных ситуациях социальные сети в основном используются для поиска эксклюзивной «инсайдерской информации» и поддержания контактов с друзьями и семьёй. При этом традиционные СМИ, которые обладают более высокой степенью достоверности, в основном используются для сбора фактов и предоставления информации о кризисной ситуации [10, р. 188–207].

ЭТАПЫ УПРАВЛЕНИЯ КРИЗИСНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ

Т. У. Кумбс выделяет три этапа антикризисного управления: а) докризисный этап (профилактика, подготовка); б) кризисное реагирование (в т. ч. первоначальный ответ, мероприятия по восстановлению репутации при необходимости); в) посткризисный этап (продолжение информационного обмена и мероприятий по восстановлению репутации,

¹ Заблокирован на территории РФ.

а также анализ для улучшения системы антикризисного реагирования) [13].

Приведённые выше этапы антикризисного управления актуальны для всех трёх базовых сценариев реализации КПК, перечисленных далее:

- Коммуникация, направленная на *предотвращение* острой фазы кризисной ситуации, купирование и *недопущение* развития её катализирующих факторов. Данный сценарий может быть назван «предкризисной коммуникацией» или же «плановой кризисной коммуникацией».
- Коммуникация, направленная на *минимизацию* негативных последствий развития *активной фазы* кризисной ситуации. Данная коммуникация может быть названа «реактивной кризисной коммуникацией».
- Коммуникация, направленная на *управляемое развитие* кризисной ситуации, используемой в качестве средства направления общественного внимания и отвлечения его от иных актуальных негативных обстоятельств. Данный сценарий иногда называют «управляемым кризисом».

Необходимо сразу оговориться, что данная статья и рассматриваемые в ней процессы и определения в подавляющем большинстве описывают первые два сценария. Технология управляемого кризиса, *совпадая* почти полностью в инструментальном смысле с «классическим» кризисом, *отличается в корне* от него в смысле целеполагания, обстоятельств и условий реализации и определения показателей его эффективности. Причём применяться она может как параллельно с развитием «классического» кризиса, играя роль этакого «встречного огня», так и совершенно автономно, в этом случае фактически являясь наряду с другими одной из самостоятельных *технологий достижения целей* политической коммуникации.

Перечень процессов КПК и этапы управления для всех сценариев *идентичны*, различаются лишь содержание и перечень информационных продуктов.

Перейдём к рассмотрению этапов управления и процессов, реализуемых на каждом из них, представленных в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Этапы управления кризисной политической коммуникацией* / Stages of crisis management of political communication

Этап 1. Получение и анализ информации	Этап 2. Подготовка и принятие решений	Этап 3. Организация выполнения принятых решений	Этап 4. Контроль, оценка результатов	Этап 5. Внесение коррективов
6.1.1 Подготовка мониторинга информационного поля в контексте кризисной коммуникации	6.2.1 Определение ключевых субъектов коммуникации, основных ЦА, технологий и инструментов реализации, главных месседжей и ключевых сообщений	6.3.1 Реализация кризисной коммуникации	6.4.1 Мониторинг изменения тональности информационного поля кризисной коммуникации	6.5.1 Внесение коррективов в планы, графики, смысловые парадигмы и сюжеты кризисной коммуникации
6.1.2 Анализ открытых источников информации в контексте кризисной коммуникации	6.2.2 Описание событийного каркаса коммуникации	6.3.1.1 Реализация событийного ряда коммуникации в соответствии с планом-графиком	6.4.2 Осуществление контроля над работой персонала инфоцентров	6.5.2 Внесение коррективов в содержание и графики работы инфоцентров
6.1.3 Организация и проведение количественных социологических исследований	6.2.3 Формирование плана-графика коммуникации	6.3.1.2 Производство и размещение специальных информационных материалов на всех типах онлайн- и офлайн-площадок (СМИ, интернет, мессенджеры, соцсети)	6.4.3 Анализ достижения ключевых КРП эффективности реализации кризисной коммуникации	6.5.3 Внесение коррективов в кадровый состав персонала инфоцентров

Продолжение Таблицы 2 / Table 2.

6.1.4 Организация и проведение качественных социологических исследований	6.2.4 Формирование ключевых KPI эффективности кризисной коммуникации	6.3.1.3 Производство и размещение видео- / аудиоконтента	6.4.4 Оценка релевантности площадок, выбранных для размещения рекламных материалов информационных материалов кризисной коммуникации	6.5.4 Внесение коррективов во все виды рекламных материалов кризисной коммуникации
6.1.5 Обеспечение получения инсайдерской информации	6.2.5 Подбор и обучение персонала	6.3.1.4 Реализация специальных проектов со СМИ	6.4.5 Оценка эффективности работы инфоцентров, проведение анкетирования посетителей	6.5.5 Внесение коррективов в список площадок для размещения рекламных информационных материалов кризисной коммуникации
6.1.6 Формирование конфликтной карты кризисной коммуникации	6.2.6 Подготовка материалов кризисной коммуникации	6.3.1.5 Разработка, производство и распространение специальных полиграфических (рекламных) материалов	6.4.6 Анализ эффективности проведения согласительных процедур	6.5.6 Коррекция пула экспертов кризисной коммуникации
	6.2.6.1 Подготовка ежедневной медианалитики СМИ и цифровых площадок	6.3.1.6 Организация размещения (посева) материалов антикризисной коммуникации на цифровых площадках	6.4.7 Проведение качественных и качественных исследований	6.5.7 Коррекция организационных согласительных процедур

Продолжение Таблицы 2 / Table 2.

	6.2.6.2 Выработка рекомендаций по реагированию на кризисные ситуации: содержание материалов, площадки размещения	6.3.1.7 Работа с экспертным сообществом	
	6.2.7 Формирование пула экспертов для реализации комментарийной программы в СМИ	6.3.1.8 Планирование и реализация контрпропагандистских акций и мероприятий	
	6.2.8 Формирование пула отраслевых (тематических) блогеров	6.3.1.9 Реализация антимикризисной коммуникации официальных лиц и организаций	
	6.2.9 Подбор релевантных информационных площадок и каналов для ведения кризисной коммуникации	6.3.2 Организация работы информационных центров	
	6.2.10 Подготовка работы информационных центров коммуникации	6.3.2.1 Организация комплекса информ	

Окончание Таблицы 2 / Table 2.

		ционно-разъяснительных мероприятий в инфоцентрах		
	6.2.10.1 Подбор и оборудование помещений для размещения инфоцентров	6.3.2.2 Производство и распространение информационно-разъяснительных материалов		
	6.2.10.2 Подбор и обучение персонала инфоцентров	6.3.2.5 Организация медийного и рекламного сопровождения работы инфоцентров		
	6.2.10.3 Формирование пула экспертов для работы в инфоцентрах	6.3.3 Сбор и обработка инсайдерской информации		
	6.2.10.4 Разработка и тестирование информационно-разъяснительных материалов	6.3.4 Проведение специальных тренингов с хедлайнерами коммуникации (тренинг сложных вопросов и т. п.)		
	6.2.11 Разработка контролпропагандистских материалов	6.3.5 Организация проведения согласительных процедур		

ЭТАП 1. ПОЛУЧЕНИЕ И АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИИ

Главная задача первого этапа управления КПК – максимально точное определение потенциально конфликтных зон, в которых с высокой степенью вероятности возможно *возникновение социального напряжения*; обеспечение постоянного мониторинга динамики развития событий в них для оперативного кризисного реагирования в случае необходимости.

Как правило, выделяют четыре возможных группы причин потенциального возникновения кризисных ситуаций:

а) *Территориальные*. Конфликты (нанесение ущерба репутации), возникающие в связи с принятием властями локальных хозяйственных решений, ущемляющих интересы отдельных групп населения (размещение полигонов для утилизации мусора, строительство транспортных магистралей, возведение либо снос зданий и т. п.).

б) *Отраслевые*. Конфликты (нанесение ущерба репутации), возникающие в результате деятельности хозяйствующих субъектов (разливы и утечки углеводородов, пожары, техногенные катастрофы и т. п.).

в) *Общественные*. Конфликты (нанесение ущерба репутации), инициированные общественно-политическими организациями и объединениями жителей (протестные кампании и акции, стихийные митинги, политические протесты, электоральные «войны» и т. п.).

г) *Персонифицированные*. Конфликты (нанесение ущерба репутации либо *утрата доверия к актору коммуникации*), вызванные общественно-порицаемыми действиями акторов или их представителей.

Указанные группы могут пересекаться и *смыкаться между собой*, образуя сложный конфликтогенный «клубок».

Прогнозирование потенциальных причин возникновения кризисных ситуаций или выявление обстоятельств развития конфликтов реализуется с помощью *регулярного мониторинга* медиапространства и открытых источников информации, а также организации качественных и количественных социсследований целевых аудиторий. Необходимо учитывать, что в развитии каждого кризиса значительную (иногда

решающую) роль могут играть обстоятельства, сложившееся случайным образом. Этот факт определённо может отражаться на точности прогноза. В таких ситуациях на первый план выходит опыт сотрудников, отвечающих за данное направление. Важно учитывать и то обстоятельство, что сам факт изучения общественного мнения по определённой теме порой является катализатором возникновения напряжения среди респондентов и, как следствие, – возникновения конфликтоёмких слухов. По этой причине инструментарий исследований (гайды² фокус-групп и анкеты количественного опроса) должны *тщательно проверяться* на корректность и максимальную обобщённость формулировок.

Наличие возможностей (иногда связанных с рисками юридического и репутационного характера) для получения инсайдерской – через альтернативные источники – информации в контексте реализуемой кризисной коммуникации зачастую определяющим образом влияет на эффективность и проактивность кризисных коммуникаций. На данном этапе анализируются такие потенциальные возможности и планируется работа по их практической реализации.

Вся полученная информация сводится в *кризисную карту региона (отрасли)*, которая представляет собой перечень всех активных и потенциальных конфликтных ситуаций с указанием основных причин, главных действующих лиц, руководителей и составов протестных групп (если таковые уже сформированы), событийной динамики развития конфликта, перечень экономических или политических требований, выдвигаемых участниками конфликта, с указанием числа жителей региона (работников отрасли), которых данный конфликт затрагивает. Вся информация в кризисной карте *регулярно актуализируется* в зависимости от динамики развития событий и текущей ситуации.

ЭТАП 2. ПОДГОТОВКА И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ

Главные задачи второго этапа управления – определение наиболее важных параметров кризисной коммуникации (целевые аудитории, ключевые сообщения, каналы

² Руководства по эксплуатации (прим. ред.).

трансляции), формирование планов-графиков событийного каркаса коммуникации, ключевых показателей её эффективности, подбор и обучение персонала, содержательная разработка и подготовка к производству всех видов информационных материалов коммуникации. В таблице 2 достаточно подробно описаны основные процессы этапа, здесь мы остановимся на наиболее важных из них:

- **Организация оперативного реагирования** на информационные угрозы – один из ключевых процессов, без которого фактически невозможна эффективная кризисная коммуникация. Для его реализации необходимы *круглосуточный мониторинг* традиционных СМИ и всех видов цифровых информационных площадок, оперативная аналитика для выявления потенциальных угроз и организация кризисного реагирования на релевантных площадках. При организации мониторинга важно максимально корректно *сформулировать поисковые запросы*, чтобы, с одной стороны, не «утонуть» в массе неактуальной поисковой выдачи, а с другой – не пропустить сообщения, несущие потенциальную информационную угрозу. Такая технология позволяет как осуществлять реакцию на уже *развивающийся кризис*, так и прогнозировать потенциальные угрозы для *опережающего* реагирования.

- **Формирование и обучение пула отраслевых (тематических) блогеров.** Одна из часто возникающих проблем при развитии кризисной ситуации – *отсутствие публичной экспертной позиции* для ведения в реальном режиме времени аргументированной дискуссии и оппонирования при необходимости по основным тематическим линиям, представляющим информационную угрозу для субъекта коммуникации. Проблема решается формированием пула блогеров, представляющих наиболее конфликтогенные отрасли хозяйства. Такими отраслями в действительности являются прежде всего социальная отрасль (здравоохранение, образование, социальная помощь), строительство и ЖКХ. Именно они чаще всего входят в топ-5 проблем практически любого российского региона, поэтому непосредственно в них накапливается потенциал кризисных проявлений. Действующие специалисты, сотрудники учреждений и организаций указанных отраслей проходят специальное обучение основам

блогинга и ведения социальных сетей и выступают в качестве авторитетных экспертов: *оперативно комментируют* и ведут оппонированные дискуссии в социальных сетях, высказывают *альтернативную точку зрения* на причины и следствия возникновения и развития конфликтных ситуаций.

• **Организация работы информационных центров.**

Одна из основных причин, ведущих к возникновению и развитию кризисных ситуаций, – *отсутствие публичной объективной информации* по теме, представляющей потенциальную (или реальную) информационную угрозу. Это всегда приводит к появлению и быстрому распространению массы *непроверенной информации и слухов*, катализирующих кризисные явления. Эффективный способ устранения подобных причин – создание *временных информационных центров*, распространяющих официальную информацию на всех типах информационных площадок (онлайн и офлайн), организующих регулярную разъяснительную работу с протестующими активистами, производящих все виды информационно-рекламных материалов по конфликтным темам. Технология *одинаково эффективна* и для плановой, и для реактивной кризисной коммуникации.

Именно на втором этапе управления у специалистов, планирующих и реализующих кризисную коммуникацию, как правило, возникает принципиальная дискуссия: в каком месте амфиболии *«информировать нельзя молчать»* поставить запятую? Другими словами, заблаговременное, априорное распространение объективной официальной информации по потенциально конфликтной теме купирует возможный кризис или же, наоборот, провоцирует его? Сторонники обеих точек зрения высказывают достаточное количество убедительных аргументов, однако автор убеждён, что риски возникновения кризиса вследствие дефицита у целевых аудиторий коммуникации проверенной информации, своевременно доведённой до них по релевантным информационным каналам, *многократно выше* потенциальных угроз провоцирования кризиса, вызванных её распространением. Мы определённо ставим знак препинания после слова «информировать».

ЭТАП 3. ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРИНЯТЫХ РЕШЕНИЙ

Реализация кризисной коммуникации – возможно, *самый сложный* вид политических коммуникаций. Он требует у организаторов максимально высокой *профессионально-содержательной* подготовки, тонкого владения всеми методами и технологиями *распространения* информации на площадках, релевантных целевым аудиториям вне зависимости от их типа, умения принимать быстрые, часто нестандартные решения, находясь под психоэмоциональным давлением и исходя из оперативно меняющихся сценариев развития кризиса. Организация и ведение *согласительных процедур* с целью максимально возможного сближения позиций конфликтующих сторон – ещё одна ключевая компетенция, необходимая для успешного ведения кризисной коммуникации.

Кризисный штаб – это, как правило, большой динамичный механизм, состоящий из специалистов различных направлений: райтеров, креаторов, дизайнеров, аналитиков, медийщиков и PR-специалистов, социологов, психологов, экспертов, подрядчиков, полевых сотрудников. Умение организовать и координировать их эффективное взаимодействие для выполнения как запланированных антикризисных мероприятий, так и оперативной реакции на возникающие вызовы – *критически важная компетенция* организаторов кризисных коммуникаций.

Все главные технологические процессы, реализуемые на третьем этапе управления, приведены в таблице 2, ниже мы дадим наиболее важные и необходимые комментарии к ним.

Процедуры, выполняемые на данном этапе, можно условно разделить на следующие группы:

1. **Мониторинг и оперативная аналитика** информационной активности оппонизирующих сторон и реакции целевых аудиторий. Это блок исключительно аналитической работы, главный *продукт деятельности* которого – регулярные (при плановой работе – чаще всего ежедневные, в острых фазах кризиса – практически постоянные) рекомендации по со-

держанию, формам и методам реагирования на возникающие информационные угрозы.

2. Организация плановой кризисной коммуникации и реактивного реагирования на информационные угрозы, включающих в себя:

- организацию работы информационного центра. Традиционно его деятельность осуществляется в отдельных помещениях, в которых в постоянном режиме специально подготовленные консультанты вместе с отраслевыми экспертами ведут информационно-разъяснительную работу с представителями целевых аудиторий коммуникации;
- реализацию событийного плана кризисной коммуникации;
- реализацию медиапланов событийной коммуникации на всех видах информационных площадок;
- производство и размещение (распространение) всех видов информационно-рекламных материалов (полиграфия, видео, аудио, инфографика и т. п.). Кризисный штаб становится постоянно действующей «фабрикой контента», производящей информационные продукты как в плановом порядке, так и реагируя на оперативно изменяющиеся сценарии развития кризисной ситуации;
- организацию работы пула отраслевых (тематических) экспертов и блогеров;
- организацию количественных и качественных социологических исследований, частота проведения которых всегда зависит от сценария развития кризиса. Как правило, качественные исследования (чаще всего ими являются фокус-группы) проводятся на регулярной основе для проведения оперативного анализа закрепления в сознании целевых аудиторий коммуникации требуемых смысловых парадигм или же нивелирования смысловых паттернов, распространяемых оппонирующими сторонами конфликта;
- организацию специальных тренингов персонала и хедлайнеров коммуникации. Обычно подобные тренинги проводятся специалистами-психологами или экспертами по медийным коммуникациям;
- организацию оперативного реагирования на информационные вызовы и угрозы на всех видах коммуникационных площадок. Данный вид работ логически продолжает

мониторинг информационного поля, описанного в п. 1 данной главы;

- организацию согласительных процедур, которые могут проходить как в публичной плоскости, как правило, путём создания согласительных комиссий, так и в непубличной – путём организации переговорного процесса между оппонирующими сторонами кризиса.

Стоит отметить, что при возникновении кризиса, связанного с *нанесением ущерба репутации либо угрозой утраты доверия*, перечень процессов кризисной коммуникации может отличаться от приведённых выше. В таких случаях, как правило, коммуникация *не выходит за рамки* информационных площадок, чаще всего – цифровых, в отдельных случаях используются традиционные СМИ. Заметим, что в подобных ситуациях перед организаторами коммуникации также встаёт дилемма, подобная описанной нами чуть выше. В данном случае мы сформулируем её как *«реагировать нельзя молчать»*. Необходимо признать, что ответ на вопрос, в каком месте этого предложения поставить запятую, зависит от большого количества порой весьма чувствительных нюансов и обстоятельств. В практике реальной работы специалисты кризисных коммуникаций, видимо, соглашаясь с известной русской поговоркой «Слово – серебро, молчание – золото», часто приходят к выводу, что *любые формы реагирования* в подобных ситуациях приводят к *увеличению аудитории* коммуникации и, соответственно, усилению негативного эффекта, а не наоборот. Нельзя не отметить, что на принятие решения о вреде или же полезности кризисного реагирования могут в значительной степени оказывать влияние *этнокультурные традиции и менталитет* целевых аудиторий коммуникации. К примеру, в однотипных конфликтных ситуациях, происходящих, скажем, в республиках Северного Кавказа или же российского Севера, скорее всего, предпринятые действия будут радикально отличаться.

Если же в силу разных обстоятельств принимается решение, что отсутствие реакции наносит репутации *больший урон*, чем её наличие, то события, как правило, перемещаются в юридическую плоскость, а главными хедлайнерами коммуникации становятся правоохранительные органы или судебные инстанции.

Чаще всего подобное происходит при развитии кризисов вокруг *корпоративных структур* и их руководителей или владельцев. В связи с этим нельзя не упомянуть организацию кризисного реагирования экс-мэра Москвы Ю. М. Лужкова (для чиновников такого ранга – скорее как исключение из правила), который был известен тем, что не оставлял без ответа (в юридической или же медийной плоскостях) попытки нанести урон его политической репутации.

ЭТАП 4. КОНТРОЛЬ, ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ

Главное отличие кризисных коммуникаций от остальных своих коммуникационных «сестёр» (см. табл. 1) заключается в *наличии главного* и легко детерминируемого критерия их эффективности. Таковым является *снижение потенциала* кризисной ситуации, *нивелирование причин*, катализирующих угрозу возобновления кризиса либо же *полное затухание* конфликта, вызванного кризисом. О данном снижении чаще всего судят по:

- снижению **динамики количества** информационных сообщений либо любого другого контента по теме кризисной ситуации или изменению тональности подобных сообщений и контента на всех видах информационных площадок;
- снижению **динамики проведения** акций (мероприятий) по теме кризисных ситуаций;
- позитивной **динамике общественного мнения** в контексте кризисной ситуации.

Инструментами контроля служат регулярный мониторинг информационного поля и социологические исследования (количественные и качественные).

Важно отметить, что при реализации сценария **управляемого кризиса** (см. выше) показатели эффективности коммуникации чаще всего прямо *противоположны* приведённым. Однако управление таким сценарием *гораздо сложнее*, требует более тонкого текущего мониторинга общественных настроений и принятия оперативных решений. С одной стороны, сценарий управляемого конфликта *не должен выйти* из-под контроля и начать развиваться по самостоятельной траектории. С другой – в случае развития сценария, требу-

ющего прекращения использования данной технологии, у организаторов коммуникации в руках должны быть все инструменты *оперативного снижения его потенциала* с перспективой полного завершения конфликта.

ЭТАП 5. ВНЕСЕНИЕ КОРРЕКТИВОВ

Исходя из вышеупомянутой информации, главным показателем эффективности кризисной коммуникации является **снижение угрозы** (вплоть до нуля) рецидива (возобновления) развития кризисной ситуации. Если после проведения контроля над ходом коммуникации становится ясно, что *этого не происходит*, возникает необходимость внесения коррективов в технологические процессы коммуникации.

Самыми распространёнными ошибками, требующими коррекции, как правило, бывают:

- Отсутствие **релевантности** площадок (форм, методов) распространения информационных (рекламных) материалов целевым аудиториям коммуникации. Это приводит к тому, что аудитории, информационное воздействие на которые и есть главная задача коммуникации, просто «не встречаются» с информационными сигналами, для них предназначенными. *Причинами* таких ситуаций чаще всего бывают: несовпадение типа площадки распространения (онлайн либо офлайн) с привычными для целевых аудиторий каналами потребления информации; неправильное таргетирование целевых аудиторий при использовании онлайн-каналов; ошибки в локациях мест распространения информационных офлайн-материалов; неправильный подбор временных интервалов распространения офлайн-материалов; ошибки персонала, отвечающего за распространение офлайн-материалов.

- **Низкие качественные характеристики** информационных материалов, не соответствующие запросам и ожиданиям целевых аудиторий. Это приводит к тому, что информация, даже будучи доведённой до конечных потребителей, остаётся непонятной и, как следствие, не вызывает у них интереса. Предварительное *тестирование* информационных материалов (когда это позволяет делать скорость развития кризиса) в большей части ситуаций позволяет избежать

подобных ошибок. Проблемным полем также может быть низкое качество *работы пула экспертов*, сопровождающих кризисную ситуацию в публичном поле. В этом случае или проводятся специальные тренинги и занятия с экспертами, или осуществляется замена отдельных из них.

- **Низкое качество организации** согласительных процедур, не обеспечивающее сближения позиций конфликтующих сторон. Справедливости ради необходимо заметить, что согласование интересов сторон конфликта – сложная и многофакторная задача. Для её решения зачастую, кроме высокой квалификации переговорщиков, требуется и немалая толика удачи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, говоря о кризисной коммуникации, важно отметить, что работа с конфликтами – достаточно тонкая и чувствительная тема, часто совмещённая с неожиданными сюжетными поворотами, труднопредсказуемыми обстоятельствами и сложно учитываемыми нюансами. Однако главным её результатом, ведущим к реальному снижению градуса «общественной температуры», часто является не достижение превосходства одной из сторон конфликта над другой (в случаях, когда явно определены подобные стороны), а *формирование ситуации win-win*, когда каждая из сторон противостояния достигает определённого прогресса в удовлетворении своих требований либо отстаивании своей точки зрения. Другими словами, кризисная коммуникация тогда особенно эффективна, когда позволяет превратить кризис *в поле возможностей* для всех оппонирующих сторон. Нахождение подобных сложных компромиссов – и есть цель, на которую направляются усилия как субъектов коммуникации, так и привлекаемых к решению таких задач специалистов.

В случае, когда в кризисе обозначена лишь **одна сторона** (она по определению в подобной ситуации является стороной пострадавшей, чаще всего с сильно «подмоченной» репутацией либо же серьёзным кризисом доверия вплоть до полной утраты его), трансформировать кризисную ситуацию в зону новых возможностей – на порядок сложнее. Это

не означает, что реализация кризисной коммуникации в подобных коллизиях не имеет смысла, но периоды времени, необходимые для полного преодоления кризиса (в случаях, когда подобное в принципе возможно) всегда значительно больше, чем в «классическом» противостоянии конфликтующих сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев Дж. Ф., Саркисов В. Э. Практические аспекты управления медийной политической коммуникацией // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. №1. С. 107–122.
2. Алиев Дж. Ф., Саркисов В. Э. Управление политическими коммуникациями. Практические аспекты управления стратегической политической коммуникацией // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. №4. С. 139–150.
3. Алиев Дж. Ф., Саркисов В. Э. Управление политическими коммуникациями. Практические аспекты управления политической PR-коммуникацией // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. №1. С. 21–38.
4. Алиев Дж. Ф., Саркисов В. Э. Управление политическими коммуникациями. Практические аспекты управления цифровой политической коммуникацией // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. №2. С. 116–134.
5. Гавра Д. П. Ситуационно-перцептивная матрица как инструмент кризисных коммуникаций // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: сборник материалов Международного научного форума: в 2 т. Т. 1. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. С. 153–155.
6. Голуб О. Ю. Кризисная коммуникация власти и общества в социальных медиа: определение проблемных зон // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. №20. С. 257–263.
7. Панова Е. В. Место кризисных коммуникаций в экологической повестке // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. №11. С. 695–709.
8. Питерова А. Ю. Тенденции и динамика развития российского рынка PR-услуг // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2016. №4. Р. 21–24.
9. Auer C. Conceptualizing Political Crisis and the Role of Public Diplomacy in Crisis Communication Research // The Handbook of International Crisis Communication Research / ed. A. Schwarz, M. W. Seeger, C. Auer. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2016. P. 119–132.

10. Austin L., Liu B. F., Jin Y. How Audiences Seek Out Crisis Information: Exploring the Social-Mediated Crisis Communication Model // *Journal of Applied Communication Research*. 2012. №40. P. 188–207.
11. Boin A., 't Hart P., Stern E., et al. *The Politics of Crisis Management: Public Leadership Under Pressure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 196 p.
12. Bozeman B. What Organization Theorists and Public Policy Researchers Can Learn from One Another: Publicness Theory as a Case-in-Point // *Organization Studies*. 2013. №34. P. 169–188.
13. Coombs W. T. *Crisis Management and Communications* // Institute for Public Relations. 2007. №4. P. 1–14.
14. Coombs W. T. The internet as potential equalizer: New leverage for confronting social irresponsibility // *Public Relations Review*. 1998. №24. P. 289–303.
15. Eisele O., Tolochko P., Boomgaarden H. G. How do executives communicate about crises? A framework for comparative analysis // *European Journal of Political Research*. 2022. №61. P. 952–972.
16. Eriksson M., Olsson E.-K. Facebook and Twitter in Crisis Communication: A Comparative Study of Crisis Communication Professionals and Citizens // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2016. №24. P. 198–208.
17. Fearn-Banks K. *Crisis Communications: A Casebook Approach*. New York: Routledge, 2010. 400 p.
18. Fink S. *Crisis management: Planning for the inevitable*. New York: American Management Association, 1986. 245 p.
19. Hagen L., Keller T., Neely S., et al. Crisis Communications in the Age of Social Media: A Network Analysis of Zika-Related Tweets // *Social Science Computer Review*. 2018. №36. P. 523–541.
20. Hills A. Revisiting Institutional Resilience as a Tool in Crisis Management // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2000. №8. P. 109–118.
21. Houlberg Salomonsen H., 't Hart P. Communicating and managing crisis in the world of politics // Frandsen F., Johansen W. *Crisis Communication*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2020. P. 439–460.
22. Houston J. B., Hawthorne J., Perreault M. F., et al. Social media and disasters: a functional framework for social media use in disaster planning, response, and research // *Disasters*. 2015. №39. P. 1–22.
23. Jennings W., Stoker G., Valgarðsson V., et al. How trust, mistrust and distrust shape the governance of the COVID-19 crisis // *Journal of European Public Policy*. 2021. №28. P. 1174–1196.

24. Lachlan K. A., Spence P. R., Seeger M., et al. Crisis communication in context: History and publication trends // *Journal of the Association for Communication Administration*. 2019. №38. P. 39–56.
25. McLean H., Ewart J. *Political Leadership in Disaster and Crisis Communication and Management*. Palgrave Macmillan Cham, 2020. 203 p.
26. Mitroff I. I. *Crisis Leadership: Planning for the Unthinkable*. New York: John Wiley and Sons, 2004. 144 p.
27. Ozanne L. K., Ballantine P. W., Mitchell T. Investigating the Methods and Effectiveness of Crisis Communication // *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*. 2020. №32. P. 379–405.
28. Pearson C. M., Clair J. A. Reframing Crisis Management // *The Academy of Management Review*. 1998. №23. P. 59–76.
29. Pechta L., Brandenburg D., Seeger M. Understanding the Dynamics of Emergency Communication: Propositions for a Four-Channel Model [Электронный ресурс] // *Journal of Homeland Security and Emergency Management*. 2010. №7. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.2202/1547-7355.1671/html> (дата обращения: 08.09.2024).
30. Schnabel J., Anderson P., De Francesco F. Multilevel governance and political leadership: crisis communication in Germany, Italy, and the United Kingdom during the COVID-19 pandemic // *Journal of European Public Policy*. 2023. №2. P. 2719–2747.
31. Sellnow T. L., Seeger M. W. *Theorizing crisis communication*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2013. 280 p.
32. Stark A. Bureaucratic Values and Resilience: An Exploration of Crisis Management Adaptation // *Public Administration*. 2014. №92. P. 692–706.
33. Ulmer R. R., Seeger M. W., Sellnow T. L. *Effective crisis communication. Moving from crisis to opportunity*. New York: Sage Publications, 2017. 240 p.
34. Upadhyay S., Upadhyay N. Mapping crisis communication in the communication research: what we know and what we don't know // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. №10. P. 1–19.
35. Valackienė A., Virbickaitė R. Conceptualization of crisis situation in a company // *Journal of Business Economics and Management*. 2011. №12. P. 317–331.
36. Voges T. S., Yan Jin, Buckley C., et al. A new framework for managing “crisis spillover” as a type of sticky crisis: Initial insights from a crisis communication expert panel [Электронный ресурс] // *Public Relations Review*. 2024. №50. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0363811124000031> (дата обращения: 09.09.2024).

37. Zahariadis N., Petridou E., Exadaktylos T., et al. Policy styles and political trust in Europe's national responses to the COVID-19 crisis // Policy Studies. 2023. №44. P. 46–67.
38. Zillich A. F., Göbbel R., Stengel K., et al. Proactive crisis communication? News coverage of international conflicts in German print and broadcasting media // Media, War & Conflict. 2011. №4. P. 251–267.

ARTICLE INFORMATION

Author

Vartan E. Sarkisov

- e-mail: vartan1809@gmail.com,
Postgraduate Student, Department of Political Science and Applied
Political Work,
Russian State Social University
ul. Vilgelma Pika 4str1, Moscow 129226, Russian Federation

For citation

Sarkisov V. E. Practical aspects of crisis political communication management. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To analyze modern practical aspects of crisis political communication management, to define this phenomenon of crisis communications and the main basic scenarios of crisis management implementation.

Methodology. In order to achieve the set goal, the author performed a review of existing studies of crisis political communication management created by Russian and foreign authors. Basically, the researchers of crisis political communication describe the interaction of actors at the macro level (heads of state, government agencies, etc.). In turn, the author of this article focused on the study of crisis communications at the Russian regional level. The obtained material was structured to create a matrix of political communication management and to detail the stages of crisis political communication management. The main methods used in the work were analytical and descriptive.

Results. In the process of the study, the stages of crisis political communication management were analyzed: 1. Obtaining and analyzing information. 2. Preparation and decision making. 3. Organization of the implementation of the decisions made. 4. Control and evaluation of results. 5. Making corrections. The specifics of the options for eliminating or leveling the problems arising at each of these stages are also described. One of the key conclusions of the study concerns the effectiveness of

crisis communications, namely, crisis communications are maximally effective when they allow turning the crisis into a field of opportunities for all opposing parties.

Research implications. For the first time a versatile analysis of modern practical aspects of crisis political communication has been conducted. The main stages of crisis political communication management are detailed. The obtained results can be used in practice in the development of crisis communication management strategy at the federal and regional levels.

Keywords

communication; crisis communication; political communication management

References

1. Aliev Dzh. F., Sarkisov V. E. [Practical aspects of media political communication management]. In: *Grazhdanin. Vyborny. Vlast'* [Citizen. Elections. Power], 2024, no. 1, pp. 107–122.
2. Aliev Dzh. F., Sarkisov V. E. [Political Communication Management. Practical aspects of strategic political communication management]. In: *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Management. Academic Notes], 2023, no. 4, pp. 139–150.
3. Aliev Dzh. F., Sarkisov V. E. [Management of political communications. Practical aspects of political PR-communication management]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Tula State University. Humanities], 2024, no. 1, pp. 21–38.
4. Aliev Dzh. F., Sarkisov V. E. [Management of political communications. Practical aspects of digital political communication management]. In: *Grazhdanin. Vyborny. Vlast'* [Citizen. Elections. Power], 2024, no. 2, pp. 116–134.
5. Gavra D. P. [Situational-perceptual matrix as a tool for crisis communications]. In: *Media v sovremennom mire. 58-e Peterburgskie chteniya: sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. T. 1.* [Media in the Modern World. 58th Petersburg Readings: Collection of materials of the International Scientific Forum. Vol. 1]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2019, pp. 153–155.
6. Golub O. Yu. [Crisis communication of power and society in social media: identification of problem zones]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Saratov

- University News. New Series. Series: Sociology. Politologiya], 2020, no. 20, pp. 257–263.
7. Panova E. V. [The place of risk communication in the environmental agenda]. In: *Voprosy teorii i praktiki journalistiki* [Questions of theory and practice of journalism], 2022, no. 11, pp. 695–709.
 8. Piterova A. Yu. [Tendencies and dynamics of Russian PR-services market's development]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Vestnik of Tambov University. Series: Social Sciences], 2016, no. 4, pp. 21–24.
 9. Auer C. Conceptualizing Political Crisis and the Role of Public Diplomacy in Crisis Communication Research. In: Schwarz A., Seeger M. W., Auer C., eds. *The Handbook of International Crisis Communication Research*. Hoboken, Wiley-Blackwell, 2016, pp. 119–132.
 10. Austin L., Liu B. F., Jin Y. How Audiences Seek Out Crisis Information: Exploring the Social-Mediated Crisis Communication Model. In: *Journal of Applied Communication Research*, 2012, no. 40, pp. 188–207.
 11. Boin A., 't Hart P., Stern E., et al. *The Politics of Crisis Management: Public Leadership Under Pressure*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 196 p.
 12. Bozeman B. What Organization Theorists and Public Policy Researchers Can Learn from One Another: Publicness Theory as a Case-in-Point. In: *Organization Studies*, 2013, no. 34, pp. 169–188.
 13. Coombs W. T. Crisis Management and Communications. In: *Institute for Public Relations*, 2007, no. 4, pp. 1–14.
 14. Coombs W. T. The internet as potential equalizer: New leverage for confronting social irresponsibility. In: *Public Relations Review*, 1998, no. 24, pp. 289–303.
 15. Eisele O., Tolochko P., Boomgaarden H. G. How do executives communicate about crises? A framework for comparative analysis. In: *European Journal of Political Research*, 2022, no. 61, pp. 952–972.
 16. Eriksson M., Olsson E.-K. Facebook and Twitter in Crisis Communication: A Comparative Study of Crisis Communication Professionals and Citizens. In: *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 2016, no. 24, pp. 198–208.
 17. Fearn-Banks K. *Crisis Communications: A Casebook Approach*. New York, Routledge, 2010. 400 p.
 18. Fink S. *Crisis management: Planning for the inevitable*. New York, American Management Association, 1986. 245 p.
 19. Hagen L., Keller T., Neely S., et al. Crisis Communications in the Age of Social Media: A Network Analysis of Zika-Related Tweets. In: *Social Science Computer Review*, 2018, no. 36, pp. 523–541.

20. Hills A. Revisiting Institutional Resilience as a Tool in Crisis Management. In: *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 2000, no. 8, pp. 109–118.
21. Houlberg Salomonsen H, 't Hart P. Communicating and managing crisis in the world of politics. In: Frandsen F., Johansen W. *Crisis Communication*. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, 2020, pp. 439–460.
22. Houston J. B., Hawthorne J., Perreault M. F., et al. Social media and disasters: a functional framework for social media use in disaster planning, response, and research. In: *Disasters*, 2015, no. 39, pp. 1–22.
23. Jennings W., Stoker G., Valgarðsson V., et al. How trust, mistrust and distrust shape the governance of the COVID-19 crisis. In: *Journal of European Public Policy*, 2021, no. 28, pp. 1174–1196.
24. Lachlan K. A., Spence P. R., Seeger M., et al. Crisis communication in context: History and publication trends. In: *Journal of the Association for Communication Administration*, 2019, no. 38, pp. 39–56.
25. McLean H., Ewart J. *Political Leadership in Disaster and Crisis Communication and Management*. Palgrave Macmillan Cham, 2020. 203 p.
26. Mitroff I. I. *Crisis Leadership: Planning for the Unthinkable*. New York, John Wiley and Sons, 2004. 144 p.
27. Ozanne L. K., Ballantine P. W., Mitchell T. Investigating the Methods and Effectiveness of Crisis Communication. In: *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*, 2020, no. 32, pp. 379–405.
28. Pearson C. M., Clair J. A. Reframing Crisis Management. In: *The Academy of Management Review*, 1998, no. 23, pp. 59–76.
29. Pechta L., Brandenburg D., Seeger M. Understanding the Dynamics of Emergency Communication: Propositions for a Four-Channel Model. In: *Journal of Homeland Security and Emergency Management*, 2010, no. 7. Available at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.2202/1547-7355.1671/html> (accessed: 08.09.2024).
30. Schnabel J., Anderson P., De Francesco F. Multilevel governance and political leadership: crisis communication in Germany, Italy, and the United Kingdom during the COVID-19 pandemic. In: *Journal of European Public Policy*, 2023, no. 2, pp. 2719–2747.
31. Sellnow T. L., Seeger M. W. *Theorizing crisis communication*. Hoboken, Wiley-Blackwell, 2013. 280 p.
32. Stark A. Bureaucratic Values and Resilience: An Exploration of Crisis Management Adaptation. In: *Public Administration*, 2014, no. 92, pp. 692–706.
33. Ulmer R. R., Seeger M. W., Sellnow T. L. *Effective crisis communication. Moving from crisis to opportunity*. New York, Sage Publications, 2017. 240 p.

34. Upadhyay S., Upadhyay N. Mapping crisis communication in the communication research: what we know and what we don't know. In: *Humanities and Social Sciences Communications*, 2023, no. 10, pp. 1–19.
35. Valackienė A., Virbickaitė R. Conceptualization of crisis situation in a company. In: *Journal of Business Economics and Management*, 2011, no. 12, pp. 317–331.
36. Voges T. S., Yan Jin, Buckley C., et al. A new framework for managing “crisis spillover” as a type of sticky crisis: Initial insights from a crisis communication expert panel. In: *Public Relations Review*, 2024, no. 50. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0363811124000031> (accessed: 09.09.2024).
37. Zahariadis N., Petridou E., Exadaktylos T., et al. Policy styles and political trust in Europe's national responses to the COVID-19 crisis. In: *Policy Studies*, 2023, no. 44, pp. 46–67.
38. Zillich A. F., Göbbel R., Stengel K., et al. Proactive crisis communication? News coverage of international conflicts in German print and broadcasting media. In: *Media, War & Conflict*, 2011, no. 4, pp. 251–267.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ В РОССИИ (II)

Абрамов Андрей Вячеславович

- e-mail: abram-off@mail.ru;
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной
политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Алексеев Роман Андреевич

- e-mail: alekseev.r555@mail.ru;
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной
политики факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Бычкова Нина Сергеевна

- e-mail: nsbychkova@mail.ru;
специалист по учебно-методической работе факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Ежов Дмитрий Александрович

- e-mail: president@lenta.ru;
кандидат политических наук, доцент Департамента политологии факультета
социальных наук и массовых коммуникаций;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2, Российская Федерация

Емельянова Наталья Николаевна

- e-mail: nemelyanova86@mail.ru;
кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры
сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Осипова Наталья Александровна

- e-mail: 080862@bk.ru;
аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Актуальные вопросы политической компаративистики в России (II) / А. В. Абрамов, Р. А. Алексеев, Н. С. Бычкова, Д. А. Ежов, Н. Н. Емельянова, Н. А. Осипова // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 30.11.2024
- Статья размещена на сайте 28.12.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация

Ключевые слова

Вступительное слово (А. В. Абрамов)

Кросскультурные и кросснациональные исследования в парадигмах современности (Н. Н. Емельянова)

Сравнительно-исторический метод в политической компаративистике (А. В. Абрамов)

Электоральное цунами – 2024: выборы в зеркале политической компаративистики (Д. А. Ежов)

Сравнение межгосударственной политики КНР, Индии и США в сфере здравоохранения (Н. С. Бычкова)

Конституционные реформы политических систем Молдовы и Украины: сравнительный анализ (Р. А. Алексеев)

Группы давления в России и на Украине: вопросы классификации (Н. А. Осипова)

Заключительное слово (А. В. Абрамов)

Литература

Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить дискуссионные проблемы современной сравнительной политологии и презентовать научному сообществу мини-исследования по некоторым из дискуссионных вопросов политической компаративистики.

Процедура и методы. В ходе продолжения круглого стола (начало опубликовано в №3 2024 г.), состоявшегося в Московском универси-

тете при поддержке Российского социально-гуманитарного журнала, были обсуждены актуальные вопросы методологии политической компаративистики (возможности цивилизационной парадигмы при проведении кросскультурных и кросснациональных политологических исследований, применение в политической компаративистике сравнительно-исторического метода), а также представлены результаты сравнительного анализа современных политических институтов и процессов в некоторых странах дальнего и ближнего зарубежья.

Результаты. Установлено, что наиболее перспективными для сравнительной политологии являются использование цивилизационного подхода как методологии компаративистики, а также применение качественных методов научного исследования. Наибольший интерес для сравнительного анализа представляют выборы 2024 г. в странах Европы, межгосударственная политика Китая, США и Индии в области здравоохранения, а также политические процессы и институты в постсоветских странах.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть интересны учёным-политологам, специализирующимся в области политической компаративистики, теории и методологии, исследования международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сравнительная политология, компаративные исследования, цивилизационный подход, сравнительно-исторический метод, выборы, межгосударственная политика в здравоохранении, постсоветские страны, лоббизм

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Абрамов А. В.

В продолжении публикации размышлений об актуальных проблемах политической компаративистики¹ мы сконцентрируем своё внимание на двух аспектах.

Во-первых, как и в прошлый раз, необходимо уделить внимание методологии сравнительных исследований. Здесь ключевыми проблемами, которые нам предстоит обсудить, являются возможность и эффективность применения цивилизационно-культурного подхода в политической компаративистике. Какие возможности и проблемы создаёт применение такой методологии? Другой вопрос – возможность и перспективность

¹ Начало см.: [4].

использования заимствованного в исторической науке сравнительно-исторического метода для анализа политических явлений и процессов.

Во-вторых, пользуясь возможностью, представим вниманию читателя результаты изучения отдельных актуальных кейсов, не нашедших в силу своей незавершённости фундаментального осмысления: выборы 2024 г. в странах Запада («электоральное цунами»), межгосударственное взаимодействие крупных стран в области здравоохранения, а также сравнение конституционных процессов и института лоббизма в постсоветских странах.

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ И КРОССНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПАРАДИГМАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Емельянова Н. Н.

Перед непосредственным обращением к парадигмам современности следует остановиться на концептуальном понимании категории «культура», её соотношении с такими понятиями, как «цивилизация» и «цивилизационная идентичность».

Культура – это не только универсум артефактов, но и, если говорить метафорично, особые невидимые нити общества, которые сшивают, объединяют социальный организм, скрепляют его поливариативность. Цивилизация, в свою очередь, представляет собой более объёмное понятие, которое интегрирует в себя множество локальных культур, объединяя их под эгидой доминантной культуры. Таким образом, понятия «цивилизация» и «культура» взаимосвязаны, но не тождественны [9].

Конечно, мы можем исследовать различные культурные идентичности, локальные культурные идентичности в сравнительной перспективе. Но такого рода исследования будут иметь продуктивное значение в антропологическом плане, а не в политологическом.

В политологическом измерении нас интересует сравнительная национально-цивилизационная перспектива. Конечно, в западной политологии категория «нация» и категория «цивилизация» разделены. Однако стоит ли отказываться от сопряжения этих категорий? Возможно ли существование нации без обращения к цивилизационной идентичности или её поиску: без осознания ценностного каркаса, способного цементировать общество, формировать в нём минимальный консенсус,

стабилизировать его развитие, задавать параметры разговора внутри нации-цивилизации на одном ценностном языке? Положительные ответы на эти вопросы дают государству инструменты для того, чтобы выстраивать мосты идентичности для будущих поколений.

Далее. Если в методологическом плане мы задаём национально-цивилизационные координаты сравнительным кросс-культурным и кросснациональным исследованиям, резонно возникает вопрос о том, как стоит оценивать государства и цивилизации с точки зрения развития – корректно ли вообще использовать при их оценке категории лучшего или худшего, передового или отстающего развития? С точки зрения одно-векторных теорий модернизационного развития (К. Маркс, О. Конт, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Алмонд, Д. Пауэлл, Д. Эптер, С. Айзенштадт и др.), где есть только один универсальный путь общественно-политического развития, такие универсальные шкалы оценивания возможны. Ведь в одновекторных теориях задаются универсальные категории политического порядка, общественно-политического устройства, социально-экономического и технологического развития.

Но с позиций парадигмы множественности современностей (Й. Фабиан, Т. Асад, Р. Пребиш, А. Г. Франк, И. Валлерстайн и др.) определяющее значение имеет степень преемственности социального и социокультурного опыта, который обеспечивает прочность невидимых нитей общества. Поэтому единственным водоразделом в развитии государства является не переход от менее развитого к более развитому состоянию, а частичная утрата или полная потеря этой преемственности, что в конечном счёте может привести к потере социокультурной и, шире, цивилизационной идентичности. При этом важно отметить, что в парадигме множественности современностей параметры технологического развития не исчезают полностью [20]. Итак, каким же образом можно сравнивать государства в национально-цивилизационных координатах? Поскольку, как было отмечено выше, государство опирается на ценностный каркас в целях достижения минимального общественного консенсуса, по основным ценностным параметрам этого каркаса в триаде Человек-Общество-Государство и стоит проводить сопоставительные исследования, учитывая не только контекст тех или иных ценностей, но и их иерархическое многообразие и трактовки. К примеру, счастье, свобода, успех или обществен-

ное благо могут абсолютно по-разному истолковываться в различных ценностно-цивилизационных парадигмах.

В разрезе «Человек» к соответствующим ценностям можно относить такие ценности, как воспитание, семья, религия, моральные принципы, дружба, любовь, уважение, доверие, успех и др. В категории «Общество» наиболее распространёнными для сравнения ценностями могут быть ответственность, права, обязанности, правовое регулирование, основные принципы социальной иерархии и др. И, наконец, в случае с категорией «Государства» таковыми ценностями могут быть власть, принципы управления, идеалы государственного устройства, государственный контроль, порядок, безопасность, развитие и др. Все ценности этой триады, как известно, взаимовлияют и взаимообуславливают друг друга. На корректном сравнении и понимании этих ценностей в различных национально-цивилизационных трактовках можно выстраивать продуктивные отношения равноправного межгосударственного диалога и партнёрства.

Национально-цивилизационная перспектива кросскультурных и кросснациональных исследований задаёт необходимые основания для человека в поисках смысла, «которого так ждёт современность, чтобы выйти из тупиков технической цивилизации» [6, с. 153]. Более того, уход от технологических характеристик развития государства в определении цивилизованности даёт нам возможность не только сопоставительного ценностно-культурного анализа, но и рассмотрения существующих в настоящее время цивилизационных идентичностей как особых интеграционных платформ, которые предлагают собственное видение, сценарии и варианты ответов на вопросы о глобальном будущем.

Важно отметить, что дискуссии относительно возможности одного сценария современности по типу технологической цивилизации универсализирующего стандартизирующего формата и множественности современностей, ориентированной на уважение и поощрение многообразия различных сценариев развития, лежат на двух противоположных полюсах. Но если принять то условие, что современные государства, ориентированные на сохранение национально-цивилизационной идентичности, параллельно работают и над технологическим развитием, как было отмечено ранее, то получается, что в определённой степени эти государства уже пошли по пути поиска

золотой середины между тотальной унификацией и предельной дифференциацией.

В похожем методологическом ключе размышляет в своих исследованиях японский политолог мирового уровня, главный редактор «Азиатского журнала сравнительной политологии» Инугоги Такаси, обозначая в качестве стратегической задачи современной сравнительной политологии не поиск границ между западной и незападной школами исследований, а стремление гармонизировать стандартизирующий и дифференцирующий подходы [31].

В завершение выступления мне бы хотелось ещё раз кратко, тезисно обозначить основные рассуждения, которые были мной представлены.

Во-первых, национально-цивилизационные координаты для сравнительных кросскультурных и кросснациональных исследований дают возможность анализировать ценностные каркасы и ценностные языки, благодаря которым в государстве формируется минимальный общественный консенсус.

Во-вторых, такая исследовательская парадигма позволяет уходить от оценок развития государств исключительно с позиций лучшего или худшего, передового или отстающего развития.

В-третьих, одна из ключевых задач современных сравнительных исследований в области политологии может быть обозначена как поиск баланса между тотальной унификацией и стандартизацией и предельной дифференциацией.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКЕ

Абрамов А. В.

В политической компаративистике используются не только кросс-национальные (межстрановые), но и кросс-темпоральные (межвременные) приёмы анализа. Наиболее известным среди них является сравнительно-исторический метод.

Специфика сравнительно-исторического метода заключается в том, что в его структуру включён не только пространственный (один или несколько случаев), но и временной аспект исследования. Иначе говоря, изучается не какое-либо одно состояние объекта, а те видоизменения, которые он претерпевает за

время своего развития. Таким образом, приём «является сравнительным методом, так как основан на сравнении нескольких родственных фактов или ряда этапов развития одного и того же явления. Эти два элемента сравнительно-исторического метода взаимосвязаны. Задачей метода и является нахождение сходства и различия в различных состояниях объекта или у родственных объектов» [17, с. 107].

Движение объектов во времени значительно усложняет саму процедуру сравнения, поскольку, как отмечает нидерландский компаративист П. Мэйр, «страны с течением времени изменяются, и поэтому в дополнение к головоломкам о вариантах межгосударственных различий учёным необходимо иметь в виду временные различия, когда страна *A* периода *X* может заметно отличаться от страны *A* периода *Y* подобно тому, как страна *A* отличается от страны *B* одного и того же периода *X*» [18, с. 321].

Сравнительно-исторический метод базируется на двух основаниях: во-первых, на принципе историзма, предписывающем рассматривать феномены в динамике, в закономерном историческом развитии и связи с конкретно-историческими условиями среды. Во-вторых, на использовании аналогии – умозаключения, в котором на основе сходства объектов по каким-то одним параметрам делается вывод об их подобии и по другим параметрам. Формула аналогии выглядит так: если объект *A* имеет признаки *a, b, c, d*, а объект *B* имеет признаки *a, b, c*, то, скорее всего, объекту *B* присущ и признак *d*.

Аналогия позволяет установить тождество (подобие) объектов. С учётом того, что важнейшими характеристиками объектов служат прежде всего их форма и содержание, явления могут быть признаны тождественными (их содержание и форма совпадают), скорее тождественными (содержание изучаемых случаев совпадает, но формы различаются), скорее нетождественными (формы одинаковы, но содержание явлений различно) и совершенно нетождественными (и формы, и содержание явлений не совпадают). Если отбросить первый вариант (никогда в человеческой истории не было двух абсолютно похожих событий) и последний (два не совпадающих ни в чём случая невозможно сравнить), при организации сравнительно-исторических исследований мы заключаем, что имеем дело с частично подобными друг другу политическими феноменами.

Частичное подобие одних сравниваемых случаев другим обусловлено тем обстоятельством, что сопоставляемые кейсы – исторические события, процессы или явления – могут быть охарактеризованы, с одной стороны, как случаи общие и периодически происходящие, а с другой стороны, – как события уникальные и в полной мере никогда не повторяющиеся.

Указанное обстоятельство породило в общественной науке дискуссию о *цели сравнительно-исторического исследования*: служит ли оно выявлению общего или единичного в событиях?

Своими корнями данный спор уходит в XIX в., в спор позитивистов и антипозитивистов. Первые (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм) провозгласили своей целью создание новой социальной науки, которая бы базировалась на эмпирических данных и потому была бы подобна точным и естественным знаниям. Позитивисты видели в сравнении прошедших событий подобие научно-технического эксперимента. С помощью сравнительного изучения истории, полагали они, можно получить универсальные выводы о характере общественных процессов. Иначе говоря, выявленные в ходе сравнения повторяющиеся связи между феноменами будут свидетельствовать о наличии у всех обществ единых закономерностей и этапов развития.

Сторонником такого мнения, что «историко-сравнительный метод более заботится об установлении сходства, чем о выделении черт различия» [13, с. 13], являлся и российский историк, социолог и правовед М. М. Ковалевский. В специально посвящённой компаративному анализу работе «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и проблемы изучения истории права» М. М. Ковалевский приходил к заключению, что «задача сравнительного метода в том смысле, в каком мы понимаем его, сводится к тому, чтобы, выделив в особую группу сходные у разных народов на сходных ступенях их развития обычаи и учреждения, дать тем самым материал для построения истории прогрессивного развития форм общежития» [12, с. 19].

Сравнительно-исторические исследования привели к выводу об общих закономерностях социального развития человечества и родоначальников антропологии Ф. Клемма, Э. Тайлора, Л. Моргана, Дж. Фрэзера. Однако если умозаключения позитивистов носили преимущественно абстрактный характер, то антропологи, опираясь на тщательное сопоставление деталей быта, религиозных верований и культурных практик разных

народов, создавали предельно конкретную картину социально-культурной эволюции человечества. Под влиянием идей эволюционизма оказались и марксисты. Так, Ф. Энгельс, во многом опираясь на выводы антропологов и широко применяя сравнительно-исторический подход, изложил своё универалистское видение истории первобытного общества в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [27].

Иной точки зрения на цель сравнительно-исторического исследования придерживались историки Д. Герхард и Д. Элтон, полагавшие, что сравнительный анализ выделяет единичное. Исследователи отстаивали эмпиризм, описательность и скептически относились к обобщениям в истории.

Отрицали продуктивность применения сравнения для поиска общих закономерностей и философы-неокантианцы. Так, по мнению В. Виндельбанда, все науки следует разделить на номотетические (законоустанавливающие) и идеографические (описательные). Первые – это науки о природе, вторые – об истории. «Одни из них суть науки о законах, другие – науки о событиях, первые учат тому, что всегда имеет место, последние – тому, что однажды было». Таким образом, попытки позитивистов выявить с помощью сравнения универсальные закономерности развития общества, по мнению В. Виндельбанда, – это старание «сделать из истории естествознание», что привело к «двум-трём тривиальным обобщениям, которые допустимы только при добросовестной оговорке об их многочисленных исключениях». Мнение В. Виндельбанда разделял и другой неокантианец, Г. Риккерт. Позитивистская наука, основанная на сравнении, полагал он, не может заменить истории, поскольку в поисках универсальных законов развития обществ «насиловательно связывает в мертвящую общность» то, что обладает жизнеспособностью только как раздельное [10, с. 90–91].

Разные точки зрения по поводу цели сравнения (выявление общего или единичного) демонстрировали не только сторонники и противники позитивизма, но даже приверженцы одного локально-исторического, или цивилизационного подхода. Так, родоначальник направления Н. Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» выражал сомнение в наличии единых и универсальных для всех обществ законов развития. По мнению мыслителя, с помощью сравнения можно выявить лишь национальную специфику экономической, политической и социо-

культурной жизни разных народов. «Теоретическая политика или экономия так же невозможна, как невозможна теоретическая физиология или анатомия, – писал Н. Я. Данилевский, – Все эти науки и вообще все науки, за исключением трёх вышеупомянутых, могут быть только сравнительными... Все явления общественного мира суть явления национальные, и как таковые только и могут быть изучаемы и рассматриваемы. Они, конечно, могут и должны быть сравниваемы между собою, и из такого сравнения могут проистекать правила для более или менее обширной группы политических обществ, но никогда политическое или экономическое явление, замечаемое у одного народа и там уместное и благодетельное, не может считаться уже по одному этому уместным и благодетельным – у другого» [8, с. 160].

Несколько иначе смотрел на проблему автор многотомного труда «Постижение истории» А. Тойнби. Выделив на основании определённых критериев 21 цивилизацию, историк пришёл к заключению о сходных этапах их генезиса: рост, надлом, разложение. «Если провести эмпирическое исследование фактов человеческой жизни, отражённых в истории цивилизации, – заключал А. Тойнби, – то обнаружится регулярность и повторяемость их, что открывает возможность использовать для анализа сравнительный метод» [21, с. 95].

Цель сравнения как поиска общего или индивидуального послужила основой для выделения двух типов *сравнительно-исторических исследований*: сравнительно-генетического и сравнительно-типологического.

Суть *сравнительно-генетических исследований* заключается в установлении генезиса (греч. *genesis* – происхождение, становление) изучаемых событий – определении их происхождения, этапов (стадий) формирования. Широкое применение сравнительно-генетический метод нашёл в лингвистике. Сопоставляя современные языки, принадлежащие одной языковой группе, филологи предпринимают попытки реконструировать «праязык», лежавший в основе современных родственных наречий. Довольно эффективно применял сравнительно-генетический метод российский филолог и историк академик А. А. Шахматов. Сравнивая различные варианты («списки») «Повести временных лет», исследователь сделал вывод о существовании нескольких этапов и источников формирования древнейшей русской летописи.

Сторонники *сравнительно-типологических* исследований, концентрируя внимание на различиях сравниваемых явлений, с одной стороны, и их сходствах, с другой, стремятся объединить анализируемые явления в группы – типологизировать их.

Сопоставление событий, расположенных в пространственно-временном континууме, предполагает реализацию одной из двух стратегий проведения сравнительно-исторического исследования: синхронной или диахронной.

Синхронное сравнение предусматривает параллельное рассмотрение событий, происходящих одновременно в различных пространственных зонах. При таком сравнении фактор времени определяется как одинаково действующий на изучаемые явления и процессы и потому не имеющий большого значения.

С *диахронным* (разновременным) сравнением всё намного сложнее. Оно предполагает исследование одного или нескольких случаев в их развитии, выделение в этом развитии этапов, фаз, эпох с целью установления тенденций или закономерностей в протекающих процессах.

Профессор Московского университета И. Д. Ковальченко выделял три основных варианта применения диахронного сравнения. Первый выявляет такие характеристики процессов, как продолжительность, частота разных событий, длительность пауз между ними и т. д. Такой вариант анализа является простейшим, дающим представление преимущественно о внешних характеристиках процесса. Второй вариант диахронного анализа направлен на раскрытие внутреннего временно-го строения процесса. Выделяются качественно определённые стадии, или фазы, в его развитии, а также однотипные события, образующие функционирующие в нём подсистемы. Как отмечал И. Д. Ковальченко, это наиболее широко распространённый вариант диахронного исследования. Наконец, третий вариант диахронного анализа заключается «в выявлении динамики отдельных систем или их совокупности на фоне развития более широкой системы, по отношению к которой исследуемая система выступает как подсистема... Это наиболее сложный вид структурно-диахронного анализа в его динамическом варианте. Вершиной такого анализа является построение динамических моделей исторических систем» [14, с. 192–193].

В современных трудах по политической компаративистике можно найти множество примеров синхронного сравнения и единичные случаи диахронного. К числу последних следует от-

нести работу Б. Мура «Социальные корни диктатуры и демократии», результирующей частью которой стало выделение различных моделей модернизации, и книгу Т. Скочпол «Государства и социальные революции», в которой сопоставлялись три великих революции (французская, русская и китайская) с целью установления общих тенденций разворачивания революционных событий.

Другой способ организации сравнительно-исторического исследования предложил в своей книге «Большие структуры, большие процессы и громадные сравнения» американский историк и политолог Ч. Тилли. На основе сочетаний разного числа наблюдаемых случаев и их форм исследователь выделил четыре типа сравнений [37].

Индивидуализирующее сравнение позволяет выявить уникальность, неповторимость какого-либо события. Произошедший случай выступает только в одной, определённой форме. Наличие других случаев лишь подчёркивает, оттеняет особенность произошедшего события. Так, среди многочисленных составов английского парламента условия и обстоятельства созыва первого собрания в 1265 г. делают его уникальным, ни на что не похожим.

Универсализирующее сравнение используется в том случае, когда рассматриваются разные исторические события, являющиеся воплощением одной сущности. Такие сравнения использует, например, В. О. Ключевский, характеризуя в «Курсе русской истории» первых московских князей. «Московские великие князья являются в этих (исторических. — А. А.) памятниках довольно бледными фигурами, преемственно сменявшимися на великокняжеском столе под именами Ивана, Семёна, другого Ивана, Димитрия, Василия, другого Василия. Всматриваясь в них, легко заметить, что перед нами проходят не своеобразные личности, а однообразные повторения одного и того же фамильного типа. Все московские князья до Ивана III как две капли воды похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван и кто Василий... Наблюдателю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а, скорее, манекенами...» [11, с. 47].

Сравнение, выявляющее вариации, предполагает сопоставление событий с целью демонстрации множественности их форм. В отличие от универсализирующих сравнений, внимание исследователя сосредоточено здесь не на общих чертах

случаев, а на их существенных отличиях, обусловленных теми формами, в которых эти случаи выступают. Например, сравнительный анализ войн во многом определяется тем, являются ли сопоставляемые конфликты гражданскими или межгосударственными, захватническими или освободительными, морскими или сухопутными и т. п.

Наконец, *охватывающее сравнение* направлено на выявление множественности форм в составе одного события или одной системы. При таком сравнении сходство явлений объясняется принадлежностью их к одной системе (целому), а различие – той функциональной нагрузкой, которую они в системе выполняют. Иллюстрацией охватывающего сравнения может послужить сопоставление функций министерств, действующих в рамках одного правительства.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ЦУНАМИ – 2024: ВЫБОРЫ В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Ежов Д. А.

По состоянию на начало 2024 г. было запланировано проведение выборов в 64 странах мира, при этом общий процент избирателей, который потенциально мог принять в них участие, суммарно соответствовал количеству, сопоставимому с половиной населения планеты. Наличие национальных особенностей протекания электоральных процессов в совокупности с признанием определяющего значения результатов голосования как отправной точки для определения вектора политических изменений делают актуальным обращение к анализу соответствующих событий с позиций политической компаративистики, в особенности с учётом общеполитического фона проведения избирательных кампаний в государствах, лидеры которых определяют направление развития мировой политики.

Несмотря на кажущееся значительным внимание к президентским выборам в Российской Федерации (март 2024 г.) и в США (ноябрь 2024 г.), представляется некорректным нивелировать значение других избирательных кампаний, среди которых заметно выделяются состоявшиеся в период с 6 по 9 июня выборы в Европарламент, парламентские и президентские выборы в европейских государствах, выборы на территории отдельных государств постсоветского пространства. Результаты выборов в России и США, тем не менее, становятся темой для

дискуссии, в том числе по причине принципиальной разницы между двумя державами в вопросе видения контуров формируемого нового мирового порядка. Симптоматичным представляется контраст предвыборного фона в указанных государствах. Так, относительная стабильность ситуации в России в условиях президентской избирательной кампании на фоне роста доверия к главе государства В. В. Путину и мобилизации вокруг его фигуры в условиях СВО заметно контрастирует с внутривнутриполитическими проблемами в США, характеризовавшими ход кампании. В частности, они проявились в ставшей беспрецедентной замене кандидата от Демократической партии Дж. Байдена на К. Харрис, а также в серии покушений на кандидата от Республиканской партии Д. Трампа.

Состоявшиеся в июне 2024 г. выборы в Европарламент ознаменовали «правый поворот» в европейской политике, практически выраженный в усилении влияния правых и ультраправых сил, что стало фактическим ответом на политику, реализуемую на уровне Европейского союза, подчинённую конъюнктурным соображениям, но не отвечающую интересам входящих в его состав государств. Политическое значение итогов выборов в Европарламент заключается в фактической утрате полного контроля со стороны системных политических сил в лице христианских демократов, социалистов и правоцентристской «Европейской народной партии», несмотря на их совокупное численное доминирование. С исследовательской точки зрения, оценка результатов выборов в Европарламент открывает перспективы для сравнительного изучения партийно-политического ландшафта в европейских государствах в контексте его трансформации.

В указанном контексте наибольший интерес представляют прошедшие в апреле 2024 г. парламентские выборы в Хорватии, в июне 2024 г. – в Бельгии, в сентябре 2024 г. – в Австрии и Чехии, а также назначенные в июне 2024 г. внеочередные выборы в Национальное Собрание Франции. Внеочередные парламентские выборы во Франции следует рассматривать в качестве непосредственного отголоска «правого поворота» и результатов выборов в Европарламент, а его непосредственные результаты выразились в увеличении политического влияния правых и ультраправых сил, в некоторой степени ограничить которое стало возможно сугубо технологическим путём. Так, значительно усилила свои позиции партия «Национальное объ-

единение», которая вместе со своим союзником в лице Союза крайне правых получила 142 мандата. С точки зрения оценки трансформации национального партийно-политического ландшафта примечателен факт увеличения представительства правых во французском парламенте на 53 мандата в сравнении с результатами очередных выборов, прошедших двумя годами ранее, в то время как пропрезидентские силы заметно снизили свой потенциал. Так, политическая коалиция «Вместе за Республику!», включающая в себя партии «Возрождение», «Демократическое движение», «Горизонты», «Союз демократов и независимых» и «Радикальная партия», по итогам распределения мандатов получила всего лишь 159 мест, т. е. меньше на 89 мест, чем в предыдущем созыве Национального Собрания. Параллельно отмечается заметное усиление левых политических сил – так, избирательный блок «Новый народный фронт», созданный в противовес пропрезидентской коалиции и ультраправым, получил 180 мест, став фактическим лидером предвыборной гонки.

В целом результаты выборов в Национальное Собрание Франции отражают электоральные настроения, в структуре которых доминирующее положение занимают симпатии к оппозиционным политическим силам. Похожие тенденции характерны и для парламентских выборов, прошедших в 2024 г. в других европейских государствах. Так, на всеобщих выборах в Бельгии ожидаемо лидировали правые фламандские партии «Новый фламандский альянс» и «Вламс беланг» («Фламандский интерес»); Австрия стала одной из европейских стран, где ультраправые в лице Партии Свободы одержали победу, опередив правящую партию; выборы в Сенат Чехии выиграла известная своей евроскептической позицией популистская партия ANO А. Бабиша, ранее продемонстрировавшая уверенный результат по итогам региональных выборов. В случае же с Хорватией, несмотря на лидерство «Хорватского демократического содружества» во главе с прозападным премьер-министром А. Пленковичем, следует констатировать снижение уровня его поддержки на фоне улучшения позиций сил, выступающих в том числе и за умеренное сближение с Россией – в частности, Социал-демократической партии президента Хорватии З. Милановича.

Что касается выборов, запланированных к проведению на территории постсоветского пространства, отдельные из них

также отличаются высокой степенью поляризации и конфликтности. Столкновение прозападных и умеренных позиций по отношению к взаимодействию с Россией в наибольшей степени фиксируется в ходе кампаний по выборам в однопалатный парламент Грузии и президента Молдавии (оба события запланированы на октябрь 2024 г.²), что даёт основания для их рассмотрения в общем контексте, содержание которого сводится к определению траектории дальнейшего развития в существующих политических реалиях. Так, характерной чертой кампании по выборам в парламент Грузии стало противостояние лидера партии «Грузинская мечта», премьер-министра И. Кобахидзе и президента Грузии С. Зурабишвили по вопросу закона об иностранных агентах. В ходе выборов в Молдавии на фоне гонений на оппозицию инициирован референдум о вступлении страны в Европейский союз, что свидетельствует об усилении прозападного влияния на фоне существенного отрыва действующего президента М. Санду, занимающей откровенно проевропейскую позицию.

При учёте совокупности схожих и различных черт, характеризующих ход предвыборных кампаний и результаты голосования на выборах в государствах мира в 2024 г., констатируется повышенный уровень поляризации и конфликтности, в большинстве случаев ведущий к трансформации партийно-политического ландшафта и созданию внутриполитического дисбаланса, отражающего вектор изменения электоральных настроений и желание перемен, а также социальный запрос на содержательную коррекцию политического курса в прагматическом русле в поддержку национальных интересов. Исключением из упомянутых примеров является Российская Федерация, что объясняется фактором устойчивости системы перед давлением извне на фоне внешних обстоятельств.

СРАВНЕНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ КНР, ИНДИИ И США В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Бычкова Н. С.

В XXI в. вопросы, связанные со здравоохранением, стали неотъемлемой частью межгосударственных отношений. Если в более ранние периоды взаимодействие в медицинской сфере осуществлялось преимущественно представителями про-

² Дата актуальна на момент проведения круглого стола (прим. ред.).

фессионального сообщества: врачами, научными работниками, – то со второй половины прошлого столетия особое внимание вопросам здравоохранения стали уделять и дипломаты, поскольку данная сфера стала восприниматься через призму «мягкой силы» государства. Кроме того, эксперты стали обращать внимание на социальные, экономические и политические последствия, порождаемые кризисами в области здравоохранения.

Соединённые Штаты Америки – традиционный лидер в области развития медицинской дипломатии, который привык действовать в глобальном масштабе.

Современная стратегия США в области здравоохранения преследует три цели: защиту и укрепление здоровья американских граждан, обеспечение международного лидерства в медицинской сфере, продвижение интересов государства в обозначенной области³. Исходя из этих целей, выстраивается дальнейшая политика Вашингтона в сфере охраны здоровья.

Основные направления международного сотрудничества США в сфере здравоохранения включают профилактику, обнаружение и реагирование на угрозы инфекционных заболеваний⁴.

Соединённые Штаты используют разнообразные формы и механизмы для развития межгосударственного сотрудничества в области здравоохранения. Среди них обмен информацией, трансфер технологий, сотрудничество в области науки и образования, финансовая поддержка медицинских программ и инициатив. Зачастую американские программы выходят за пределы сферы здравоохранения, поскольку на состояние здоровья влияют, в том числе, социальные детерминанты – условия, в которых живут и работают люди⁵.

В апреле 2024 г. администрацией президента США Дж. Байдена была опубликована «Глобальная стратегия правительства США в области безопасности здравоохранения»⁶, действие ко-

³ The Global Strategy of the U.S. Department of Health and Human Services [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hhs.gov/sites/default/files/hhs-global-strategy.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

⁴ U.S. Government global health security strategy 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/04/Global-Health-Security-Strategy-2024-1.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

⁵ The Global Strategy of the U.S. Department of Health and Human Services [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hhs.gov/sites/default/files/hhs-global-strategy.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

⁶ U.S. Government global health security strategy 2024 [Электронный ресурс].

торой рассчитано на пять лет. Ранее американскими властями были подготовлены «Национальная стратегия биологической защиты»⁷ и «Национальная стратегия безопасности в сфере здравоохранения на 2023–2026 гг.»⁸. Повышенное внимание со стороны властей США к межгосударственным отношениям в области здравоохранения стало одним из последствий пандемии COVID-19. Соединённые Штаты, несмотря на беспрецедентные возможности, показали не самую успешную модель борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции, обеспечения собственного населения необходимыми средствами защиты, лекарствами и вакцинами.

В Глобальной стратегии в области безопасности здравоохранения указано, что в период с 2021 по 2024 гг. США более чем в два раза увеличили объём партнёрских отношений с другими государствами⁹. В 2024 финансовом году финансирование международных инициатив в сфере здравоохранения в мировом масштабе со стороны США составило 12,3 млрд долларов США. 85% американской помощи на двусторонней основе оказывается африканским государствам, расположенным к югу от Сахары [34].

Следует отметить, что на сферу здравоохранения в полной мере распространяется традиционный для США подход, заключающийся в том, что безопасность государства обеспечивается на подступах к его границам. Это является основой для активного участия Соединённых Штатов в межгосударственном сотрудничестве в области здравоохранения.

Большая часть контактов США с зарубежными партнёрами приходится на двусторонние отношения. Многосторонние и наднациональные форматы играют, скорее, вспомогательную роль [30]. В 2024 финансовом году около 80% глобального бюджета здравоохранения США было выделено в рамках двусто-

URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/04/Global-Health-Security-Strategy-2024-1.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

⁷ National biodefense strategy and implementation plan [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Biodefense-Strategy-and-Implementation-Plan-Final.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

⁸ National Health Security Strategy 2023–2026 [Электронный ресурс]. URL: <https://aspr.hhs.gov/NHSS/National-Health-Security-Strategy-2023-2026/Documents/nhss-2023-2026-508.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

⁹ U.S. Government global health security strategy 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/04/Global-Health-Security-Strategy-2024-1.pdf> (дата обращения: 23.11.2024).

ронних программ. Остальная часть (около 20%) предоставляет-ся на многосторонней основе за счёт взносов США в междуна-родные учреждения и организации. При этом США призывают активнее использовать существующие механизмы, такие как Фонд борьбы с пандемией, G7 и G20, а также международные финансовые институты [34].

В настоящее время в экспертной среде дискуссионным остаётся вопрос, насколько новая администрация избранного президента Д. Трампа проявит преемственность в вопросах межгосударственного сотрудничества в области здравоохра-нения [28].

Наряду с США одним из лидеров современного межгосудар-ственного сотрудничества в области здравоохранения являет-ся *Китайская Народная Республика*.

Повышенное внимание китайских властей стало уделять-ся вопросам межгосударственного сотрудничества в области здравоохранения с 2003 г., когда государство столкнулось с не-обходимостью бороться со вспышкой атипичной пневмонии. За последующие два десятилетия Китай постепенно превратил-ся в незаменимого игрока в глобальном здравоохранении [33].

Экономический и промышленный потенциал, огромная чис-ленность населения, эпидемиологическая история – всё это легло в основу современной политики КНР в сфере медицин-ского сотрудничества. Китай фактически является глобальным лидером в производстве средств индивидуальной защиты, а также на долю КНР приходится практически 100% общемиро-вого производства активных фармацевтических ингредиентов, что ставит фармацевтическую промышленность других госу-дарств в зависимость от китайских поставок [33].

Одним из ключевых направлений современной внешнеполи-тической деятельности Китая в сфере здравоохранения являет-ся инициатива «Шёлковый путь здоровья», которая дополнила глобальный проект КНР «Один пояс, один путь». Эксперты отме-чают, что именно с запуска проекта «Шёлковый путь здоровья» можно говорить о начале продуманной, централизованной по-литики Китая в области межгосударственного сотрудничества в сфере здравоохранения. Пандемия новой коронавирусной инфекции придала дополнительный импульс внешнеполитиче-ской активности Китая в медицинской сфере [35].

В отличие от США, китайская политика в области здравоохра-нения в большей степени ориентирована на многосторонние фор-

маты на региональном и глобальном уровнях, однако двусторонние формы взаимодействия также активно используются.

Приверженность многосторонним форматам выражается в развитии инициативы «Шёлковый путь здоровья», а также в активизации диалога между Китаем и Всемирной организацией здравоохранения. Однако следует отметить, что, несмотря на то, что финансовый вклад Китая в деятельность ВОЗ увеличился, доля КНР невелика по сравнению со взносами западных государств и негосударственных доноров [33].

Приоритетными направлениями для Китая являются Африка и Латинская Америка, хотя КНР взаимодействует в области здравоохранения в разных формах практически со всеми регионами мира. Финансовая помощь сектору здравоохранения в африканских странах со стороны КНР увеличилась с 1,54 млрд долл. США в 2004–2008 гг. до 3,8 млрд долл. США в 2009–2013 гг., при этом большая часть средств направлялась на создание инфраструктуры, закупку оборудования, обеспечение работы медицинских бригад и обучение медицинского персонала. С 2010 по 2012 гг. почти 52% иностранной помощи Китая направлялось в Африку [32].

Китай придерживается принципа, что помощь в области здравоохранения должна предоставляться без условий, однако Пекин неоднократно обвиняли в том, что медицинская помощь используется в интересах «мягкой силы» для продвижения политических и экономических интересов КНР [33].

В отличие от США, предпочитающих вертикальные форматы межгосударственного взаимодействия в области здравоохранения, для КНР характерна приверженность горизонтальным формам сотрудничества, таким как обмен медицинским персоналом и информацией, строительство медицинских учреждений, обучение медицинского персонала [32].

В последние годы активным участником межгосударственного сотрудничества в области здравоохранения становится Индия.

Индийская внешняя политика в области здравоохранения, так же как и китайская, основывается на уникальных промышленных возможностях страны. Если Китай является фактическим монополистом в производстве активных фармацевтических ингредиентов, на долю Индии приходится значительная доля в общемировом выпуске дженериков и вакцин. Около 20% мирового экспорта дженериков приходится на Индию, а

доля страны на рынке вакцин в развивающихся странах составляет более 80%. Фармацевтический сектор Индии оценивается примерно в 50 млрд долл. США и занимает 3-е место в мире по объёму и 14-е по величине стоимости¹⁰.

Помимо промышленных возможностей, Индия динамично развивает свой научный потенциал. Наряду с Китаем особое внимание Индия уделяет продвижению своей традиционной медицины в глобальном масштабе.

Несмотря на то, что научные разработки в фармацевтической сфере являются дорогостоящими, в период пандемии новой коронавирусной инфекции Индия наряду с ЮАР выступала за временный отказ от действия нескольких разделов Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности в отношении продуктов и технологий, призванных бороться с COVID-19.

Политика Индии в области здравоохранения направлена прежде всего на государства «глобального Юга», хотя развитые страны Европы, а также США являются важными партнёрами¹¹.

В целом эксперты отмечают, что межгосударственное взаимодействие в области здравоохранения в последние годы стало одним из приоритетных направлений внешней политики Индии, динамично развивающимся и после завершения пандемии новой коронавирусной инфекции.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в современных реалиях США, КНР и Индия повышенное внимание уделяют своей межгосударственной политике в области здравоохранения. США предпочитают развивать двусторонние связи с зарубежными партнёрами, в то время как Китай и Индия активно участвуют в многосторонних форматах сотрудничества. При выстраивании своей политики КНР

¹⁰ EU-India cooperation on health U.S. Government global health security strategy 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/04/Global-Health-Security-Strategy-2024-1.pdf> (дата обращения: 23.11.2024); URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/747918/EPRS_ATA\(2023\)747918_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/747918/EPRS_ATA(2023)747918_EN.pdf) (дата обращения: 23.11.2024).

¹¹ EU-India cooperation on health U.S. Government global health security strategy 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/04/Global-Health-Security-Strategy-2024-1.pdf> (дата обращения: 23.11.2024); URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/747918/EPRS_ATA\(2023\)747918_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/747918/EPRS_ATA(2023)747918_EN.pdf) (дата обращения: 23.11.2024).

и Индия опираются на уникальный потенциал в области фармацевтической промышленности, а также на свою традиционную медицину, в то время как США используют свой экономический потенциал. Опора на национальные научные разработки характерна для всех трёх государств, хотя Индия параллельно охотно предоставляет свои промышленные мощности для производства по зарубежным технологиям.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Алексеев Р. А.

Предметом нашего сравнительного исследования является развитие политических систем Молдовы и Украины, т. е. тех стран, в которых после распада Советского Союза партийная элита сумела сохранить свою власть в конкурентной борьбе с националистическими силами, опирающимися на поддержку определённой части общества [3; 25].

Конституция *Молдавии* была принята в июле 1994 г., до этого момента действовала Конституция Молдавской ССР 1978 г. с внесёнными в неё поправками и дополнениями, характеризующими произошедшие в стране изменения, отразившиеся на её государственном устройстве. В соответствии с новой конституцией Молдова стала парламентской республикой, политическая система которой функционирует на основе тройственного разделения властей, идеологического многообразия и политического плюрализма, стремящейся к построению социального государства со стремительно развивающейся рыночной экономикой¹².

Центральным политическим институтом в аппарате публичной власти страны становится парламент, что подтверждается конституционным положением, закреплённым в четвёртой главе Конституции, которая идёт впереди главы, посвящённой главе государства. Парламент Молдовы является однопалатным, выступает в качестве законодательного органа власти, состоящего из 101 парламентария, избираемых путём прямых выборов на четырёхлетний период в соответствии с пропор-

¹² См.: Конституция Республики Молдова от 29.07.1994 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.10.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30390931 (дата обращения: 10.11.2024).

циональной системой. Неоднократно менялся избирательный барьер, необходимый для попадания партий в парламент страны, вплоть до 2008 г. он составлял всего 4%, тогда как в период с 2008 по 2009 гг. он повышался до 6%, затем понизился сначала до пяти, а с 2010 г. снова до четырёх процентов. За легислатурой Молдавской республики закрепляется большой спектр властно-управленческих функций: определение базовых направлений внешней и внутренней политики, введение военного, осадного и чрезвычайного положений, утверждение военной доктрины и ряд иных полномочий, которые, как правило, реализуются президентом, что наглядно демонстрирует конституционное положение о парламентской модели государственного устройства страны.

Президент Молдавской республики в соответствии с конституционными предписаниями выступает в качестве главы государства, отвечающего за единство государства и сохранение его территориальной целостности, гарантирует соблюдение его национальных интересов и госсuverенитета. На основании первой редакции Конституции страны глава государства вплоть до 2000 г. избирался на всенародных выборах [19, с. 138], однако после конституционных преобразований президент стал избираться квалифицированным большинством голосов (т. е. 3/5 депутатов) молдавских парламентариев. В случае, если ни один из претендентов на президентский пост не получал необходимого количества депутатских голосов, проводились второй и последующие туры голосования парламентариев вплоть до установленного в Конституции кворума голосов.

Данная избирательная практика главы молдавского государства просуществовала до весны 2016 г., когда были внесены поправки в Основной закон о признании подобной практики неконституционной. Это произошло после нескольких парламентских запросов о толковании положения, закреплённого в ст. 78 Основного закона страны, в Конституционный суд Молдавской республики. Президент стал избираться сроком на четыре года путём волеизъявления граждан при условии, что зарегистрированные кандидаты обладают пассивным избирательным правом, достигли возраста 40 лет, владеют государственным языком и не менее десяти лет проживают на территории Молдовы. Выборы проводятся с использованием мажоритарной системы абсолютного большинства голосов,

при необходимости может проводиться второй тур голосования, а результаты голосования должны быть признаны Конституционным судом.

Исполнительная власть в стране представлена правительством, которое формируется после консультаций с парламентским большинством главой государства. Данный политический институт отвечает за реализацию на практике внешней и внутренней политики и за руководство публичным управлением. Легислатура может оказать воздействие на правительство через вотум недоверия данной инстанции как в целом, так и в отношении отдельных членов кабинета.

Исходя из анализа конституционных реформ, проводящихся в стране в период с 2000 по 2016 гг., приходим к выводу о смешанном характере формы правления (парламентско-президентской), основанной на паритетном распределении властных полномочий между парламентом и президентом [5]. Несмотря на конституционные преобразования о введении прямых выборов ключевого властного актора (президента) и возврате системы пропорционального представительства на парламентских выборах, что способствует формированию многопартийной системы, с одной стороны, но приводит к частым правительственным и парламентским кризисам, с другой стороны, мы видим, что политическая система страны по-прежнему является нестабильной и находится в поиске идеальной для себя модели государственного устройства.

На *Украине* с 1989 по 1995 гг. продолжала действовать Конституция Украинской ССР, в текст которой было внесено большое количество поправок с целью реципирования западного опыта. По инициативе главы государства Л. Кучмы и спикера украинского парламента А. Мороза летом 1995 г. был подписан конституционный договор, который дополнял положения действующей на тот момент Конституции вплоть до принятия нового Основного закона. Подготовка проекта новой украинской Конституции началась сразу после провозглашения её независимости и создания парламентской комиссии, подготовившей проект, утверждённый Верховной Радой 28 июня 1996 г. [26, с. 44]. Конституцией Украины были закреплены основные права и свободы человека и гражданина, национальных меньшинств, основы многопартийной конкурентной политической системы и ряд иных демократических новаций¹³.

¹³ См.: Конституция Украины от 28.06.1996 №254к/96-ВР (с изменениями и до-

В украинскую конституцию неоднократно вносились поправки в период президентства Л. Кучмы, В. Ющенко, В. Януковича, П. Порошенко и В. Зеленского. Так, в 2000 г. стартовала кампания по конституционным преобразованиям, направленным на ослабление легислатуры и сокращение её полномочий в пользу президента Украины. Попытка реализации конституционной реформы 2007–2009 гг., проводимая прозападно ориентированным В. Ющенко, направленная на т. н. системное обновление Конституции, не нашла поддержки ни в элитарных кругах, ни в обществе. Тогда как конституционные преобразования 2004 г. (ставящие перед собой задачу превращения страны в парламентскую республику) и 2010 гг. (по отмене конституционных поправок 2004 г.) воздействовали на трансформацию политического режима Украины. Последующие за этим преобразования 2011 г. вызвали новый виток конституционных реформ, инициированный избранным на президентский пост В. Януковичем, результаты которых сохранились вплоть до очередных президентских выборов 2014 г. [15].

По инициативе действующего на тот момент президента П. Порошенко в 2015 г. были предложены поправки в Основной закон Украины, направленные на внедрение в стране новой системы территориальной организации публичной власти (т. е. на её децентрализацию). Данные поправки могли в будущем, по мнению ряда экспертов, способствовать приобретению ЛНР и ДНР особого статуса в составе Украины, но возможность федерализации страны напугала украинских националистов. Данный законопроект был принят лишь в первом чтении в Верховной Раде, тогда как во втором чтении против его принятия выступил ряд парламентских партий: Радикальная партия (под руководством О. Ляшко), Объединения «Свобода» и «Самопомощь», — что помешало внесению поправок в украинскую Конституцию.

По инициативе П. Порошенко в преамбулу украинской Конституции в 2018 г. вносятся поправки о «необратимости евроатлантического и европейского курса» и евроидентичности украинского народа, в соответствии с которыми президент наделяется полномочиями гаранта на реализацию внешнеполитического курса страны на вступление в ЕС и НАТО. После избрания в 2019 г. на пост главы государства В. Зеленского в

полнениями по состоянию на 03.09.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391155 (дата обращения: 10.11.2024).

ходе дальнейших конституционных преобразований наметился крен в сторону увеличения президентских полномочий, к числу которых можно отнести полномочия в области кадровой госполитики (назначение и отстранение от занимаемых должностей директоров Национального антикоррупционного бюро и Государственного бюро расследований). На основании проанализированных конституционных реформ, как одобренных, так и отклонённых украинским парламентом, приходим к выводу о нестабильности политической системы Украины в течение последнего двадцатилетия.

В соответствии с действующей редакцией Конституции Украины президент является не только главой государства и гарантом прав и свобод граждан страны, но и гарантом территориальной целостности, действующим от имени государства. Избрание президента осуществляется сроком на пять лет избирабельным корпусом страны, одно лицо не может занимать вышший пост в государстве более двух сроков. Очередные президентские выборы на Украине в соответствии с конституционными предписаниями должны были проводиться весной 2024 г., однако их сроки были перенесены на неопределённый период действующим на тот момент президентом под предлогом действующего на территории страны военного положения (хотя положение об отмене выборов главы государства в случае введения военного положения отсутствует в тексте украинской Конституции, такие ограничения действуют только в отношении выборов в Верховную Раду). Среди требований, необходимых для занятия президентского поста на Украине, устанавливаются возрастные ограничения (достижение 35-летнего возраста), постоянное проживание на территории страны (не менее 10 лет непосредственно до проведения выборов) и владение государственным языком (т. е. украинским).

За реализацию законодательной власти в стране отвечает Верховная Рада (состоящая из 450 депутатов), парламентарии которой избираются прямыми выборами на пятилетний срок. Из-за возникшего осенью 2014 г. в стране политического кризиса (получившего название второго майдана) президент В. Янукович в обход конституционных предписаний был отстранён от занимаемой должности. Конституционный суд Украины принимает решение о проведении досрочных выборов в Раду и восстановлении действия положений Основного закона (редакция, действовавшая до конституционных изме-

нений 2004 г.), в соответствии с которой Украина позиционировала себя как смешанную (парламентско-президентскую) республику [1, с. 175].

Исполнительная власть в стране представлена Кабинетом министров Украины, за процесс формирования которого отвечают Верховная Рада и президент. Премьер-министра (т. е. главу Кабмина) по представлению главы государства назначает Рада, он несёт ответственность перед двумя сформировавшими его политическими институтами, что характерно для стран со смешанной моделью правления. В то же время вопрос об отставке Кабинета министров и формировании его нового состава является исключительно прерогативой парламента (Верховной Рады). В соответствии с действующей редакцией Конституции Украина продолжает «де-юре» оставаться смешанной республикой, однако в случае продавливания в Раде целого «пакета конституционных преобразований» со стороны В. Зеленского страна может со временем трансформироваться в президентскую республику.

Проанализировав конституционные преобразования на территории двух постсоветских государств (Молдовы и Украины), можно прийти к выводу о частой смене моделей формы правления, от парламентской к парламентско-президентской и наоборот, что вызвано как внутренней нестабильностью в политических системах рассматриваемых стран, так и копированием (без учёта национальной специфики) западных моделей, которые не являются универсальными для всех государств мирового сообщества.

ГРУППЫ ДАВЛЕНИЯ В РОССИИ И НА УКРАИНЕ: ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Осипова Н. А.

В политической компаративистике достаточно активно обсуждается тема институционализации лоббизма – важного и неотъемлемого процесса оказания давления на субъект принятия решения для достижения целей заказчика. Одними из действующих лиц, занимающихся лоббированием в прямых или косвенных формах, являются группы давления [7; 22].

Актуальность темы влияния групп давления на политические процессы на Украине и в России обусловлена рядом факторов. Во-первых, группы давления играют важную роль в

формировании политических решений и влияют на ход политических процессов в обеих странах. Во-вторых, группы давления оказывают влияние на стабильность политической системы, а также на взаимодействие государств на международной арене. В-третьих, лобби могут влиять на формирование общественного мнения, что крайне важно для поддержания уровня легитимности власти.

Для понимания специфики функционирования групп давления важно учитывать их разновидности. В своей работе «Типологизация групп интересов в современной политической науке» политологи Е. В. Мамонтова и О. О. Бондаренко выделяют два типа групп интересов: институциональные и анемичные [16]. В основе типологии лежат характер внутренней организации и широта лоббируемых целей.

Институциональные группы хорошо организованы и представляют собой формальные объединения с чёткой структурой, определёнными функциями и профессиональным кадровым составом. Они действуют целенаправленно и эффективно, имея широкий спектр целей, выходящих за рамки простого представительства интересов. Примерами таких групп могут служить различные профессиональные союзы. На Украине одним из наиболее крупных профсоюзов является «Федерация профсоюзов Украины»¹⁴, в России – «Федерация независимых профсоюзов России»¹⁵, которые занимаются защитой трудовых и социально-экономических прав и гарантий трудящихся.

Анемичные группы, напротив, возникают спонтанно как реакция на определённую ситуацию. Они не имеют чёткой и стабильной структуры, которая постоянно меняется и может создаваться заново, не наследуя черт предыдущих форм. У членов таких групп также нет организованных действий от имени всей группы. Недостаточная структурированность значительно снижает эффективность и способствует возникновению конфликтов внутри группы, где постоянно присутствует стремление к доминированию с применением силы. Примерами таких групп могут служить митингующие и бастующие.

Достаточно широко распространена в политической науке классификация французского социолога М. Дюверже, который выделяет такие группы давления, как массовые и традицион-

¹⁴ Федерация професійних спілок України [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fpsu.org.ua> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁵ Федерация независимых профсоюзов России [Электронный ресурс]. URL: <https://fnpr.ru> (дата обращения: 20.10.2024).

ные, продолжая логику своего же деления политических партий на массовые и кадровые [29]. В основе данной классификации лежит принцип численности и характера организации. Массовые группы давления многочисленны и имеют чёткую иерархическую структуру. Они стремятся объединить как можно больше людей, потому что сила группы зависит от её размера. К таким группам можно отнести уже упомянутые в предыдущей классификации институциональные группы, а именно: профсоюзы, объединения бизнеса в России и на Украине.

Традиционные группы, или элитарные, немногочисленны, потому что их члены представляют собой небольшую привилегированную прослойку общества. Они стремятся не к количеству, а к качеству членов, т. е. к их влиянию. Примерами таких групп могут служить элитные бизнес-клубы, союзы руководителей предприятий и университетские кружки.

Политолог О. Турчинов особое внимание уделяет финансово-промышленным группам, которые играют важную роль в политических процессах Украины. Чаще всего их появление связано со сращиванием бизнеса и политики, а потому в их состав могут входить как субъекты экономической деятельности, так и структуры криминального мира. В классификации О. Турчинова важны принципы территориального представительства и политической направленности. Исходя из этого, автор использует деление групп давления на центральные, региональные, отраслевые и иностранно-ориентированные [24].

Исследователь лобби и их трансформации в России Н. Абрадушкина предложила альтернативную классификацию групп давления с учётом 12 показателей и разных степеней градации. Политолог выделяет группы: 1) стабильные и непостоянные; 2) имеющие лобби и без таковых; 3) обязательные и факультативные; 4) институциональные и неинституциональные; 5) манипулирующие и игнорирующие общественное мнение; 6) легальные и криминальные; 7) легитимные и нелегитимные; 8) многочисленные и малочисленные; 9) закрытые и открытые для вхождения; 10) закрытые и открытые для контроля; 11) региональные и общенационального уровня; 12) стабилизирующие и дестабилизирующие [2].

Завершая обзор концепций, следует упомянуть и канадского теоретика Г. Скиллинга, выделявшего несколько видов групп давления в зависимости от основания их объединения и силы влияния: 1) правящие элиты – группы, которые оказыва-

ют наибольшее влияние на принятие решений; 2) официальные лица – представители, наделённые формальным статусом; 3) бюрократические структуры – организации, сформированные в системе власти; 4) интеллектуальные сообщества – объединения людей, разделяющих определённые доктрины; 5) социальные группы – сообщества граждан; 6) группы общественного мнения – объединения людей, выражающие определённые взгляды и позиции [36].

Проанализировав современные классификации групп интересов и давления, автор считает особенно важным учитывать принцип деления в зависимости от сферы деятельности. Опираясь на него, можно выделить профессиональные ассоциации, социальные движения, бизнес-структуры, религиозные общины, политические партии.

Кейсом эффективной деятельности профессиональной организации можно считать НГО «Национальное газовое общество Украины», которое участвовало в лоббировании тарифных предпочтений украинским промышленным предприятиям. «Союз нефтепромышленников России» активно продавливает увеличение государственного финансирования в профильное образование в условиях новых рисков для России.

Примером успешных социальных движений на Украине может послужить деятельность НГО «Екодія». Данная организация при поддержке международной коалиции неправительственных организаций, правительств и компаний, известной как «Powering Past Coal Alliance», активно продвигает идею отказа от использования угля в энергетике в пользу возобновляемых источников¹⁶. В России результатом экологического лоббизма можно считать перенос нефтяного трубопровода от озера Байкал на север, ставший результатом длительных обсуждений и протестов экологических организаций: Greenpeace и WWF¹⁷ (Всемирный фонд дикой природы) и т. п. [23].

Лоббизм бизнес-сообществ может быть проанализирован на примере деятельности торгово-промышленных палат, одним из основных направлений работы которых является продвижение интересов национального бизнеса как внутри страны, так и за рубежом. Например, президент ТПП России С. Ка-

¹⁶ Екодія. Що може запропонувати українським вугільним громадам Powering Past Coal Alliance? [Электронный ресурс]. URL: <https://ecoaction.org.ua/powering-past-coal-alliance.html> (дата обращения: 19.10.2024).

¹⁷ Greenpeace и WWF признаны нежелательными организациями на территории РФ (прим. ред.).

тырин регулярно принимает участие в комиссии Госсовета РФ по разным направлениям, таким как государственная поддержка национальных проектов «Промышленное обеспечение транспортной мобильности» и «Средства производства и автоматизации», вошедших в блок нацпроектов по обеспечению технологического лидерства¹⁸. Торгово-промышленная палата Украины активно способствует и лоббирует интересы украинских предпринимателей в ЕС и даже создала для этих целей отдельное подразделение – Европейский офис ТПП Украины¹⁹.

Все приведённые классификации освещают разные аспекты лоббизма и способствуют более глубокому анализу специфики его институционализации в разных странах. Стоит учитывать, что группы давления – сложный объект для изучения, так как они находятся в непрерывной динамике, а соответственно, их структура и способы деятельности могут меняться. При этом стоит отметить, что в целом в политической науке существует проблема недостаточного внимания к промежуточным формам групп давления, степени их организации и интеракции с другими элементами политической системы.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Абрамов А. В.

Поднятые в ходе обсуждения вопросы методологии, методики и техники сравнительных исследований, а также анализ разворачивающихся конкретных политических процессов и трансформирующихся политических институтов представляются (каждый по-своему) важными.

Очевидно, что сегодня политическая компаративистика России находится в состоянии мучительного поиска ответов на вопросы. Прежняя, преимущественно западная, методология оказывается малоэффективной, особенно в отношении исследования политической динамики. Одномерная модель политического развития, предполагающая измерение прогресса демократизации, свободы средств массовой информации и т. п., вступает в противоречие с реальностью, демонстрирует

¹⁸ Сергей Катырин принял участие в заседании комиссии Госсовета РФ по направлению «Промышленность» // Официальный сайт ТПП РФ. URL: <https://news.tpprf.ru/ru/news/6092876> (дата обращения: 19.10.2024).

¹⁹ Торгово-промышленная палата Украины [Электронный ресурс]. URL: <https://ucci.org.ua/advocacy/evropeiskii-ofis-pri-tpp-ukrayini> (дата обращения: 19.10.2024).

свою неэффективность и ангажированность. Однако предложить альтернативу пока довольно сложно.

В этой связи высказанная в ходе данного круглого стола идея о применимости в политической компаративистике цивилизационного подхода, предполагающего изучение социальных общностей, живущих по своим законам и в своём темпоритме, представляется довольно продуктивной. По крайней мере здесь не возникает вопроса о развитых, недоразвитых и неразвитых странах. Но методология цивилизационно-культурного анализа порождает иной вопрос: как возможно такое сравнение.

А пока ответа на этот вопрос не сформулировано, можно ограничиться анализом конкретных ситуаций, важность изучения которых для политической компаративистики также довольно значительна. Как представляется, отчёты о проделанных коллегами сравнительных исследованиях создают базу для будущих научных обобщений, концептов и теорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрадова Е. С. Формирование новой украинской идентичности в постмайданный период (2014–2018 гг.) // Власть. 2018. Т. 26. №5. С. 174–176.
2. Абрадушкина Н. Ю. Группы давления в трансформации политической власти в России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. 166 с.
3. Абрамов А. В., Алексеев Р. А. К оценке траекторий трансформаций постсоветских политических систем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. №3. С. 54–65.
4. Актуальные вопросы политической компаративистики в России / А. В. Абрамов, В. М. Капицын, О. Ю. Кокурина, Д. С. Популях, Сунь Чжици [Электронный ресурс] // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 02.10.2024).
5. Алексеев Р. А., Абрамов А. В. Конституционно-правовое оформление постсоветских политических систем: сравнительный анализ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. №4. С. 73–86.
6. Василенко И. А. Политическая философия. М.: Гардарики, 2004. 240 с.

7. Войтенко Э. М., Порфенчикова А. А. Лоббизм и GR: понятия, функции, инструменты. М.: Альпина PRO, 2023. 340 с.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
9. Емельянова Н. Н., Летняков Д. Э., Лисицкий А. В. Сколько на Земле цивилизаций? Универсализм vs мультицивилизационный подход // Человек. 2018. №4. С. 94–109.
10. История социологии в Западной Европе и США / отв. ред. Г. В. Осипов. М.: НОРМА, 2001. 576 с.
11. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 2. М.: Мысль, 1987. 446 с.
12. Ковалевский М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и проблемы изучения истории права. М.: Типография Ф. Б. Миллера, 1880. 73 с.
13. Ковалевский М. М. Очерки происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1896. 171 с.
14. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
15. Лазарева М. Н. Стабильность и динамизм Конституции Украины [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2014. №4. URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 07.10.2024).
16. Мамонтова Е. В., Бондаренко О. О. Типологизация групп интересов в современной политической науке // Web of Scholar. 2018. Т. 5. №1. С. 45–52.
17. Моргачёва Е. Н. Сравнительно-исторический метод: обзор подходов к классификации в общественных науках // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2016. №2. С. 102–114.
18. Мэйр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 309–329.
19. Нечаева-Юрийчук Н. В. Особенности формирования молдавской государственности после обретения независимости // Русин. 2010. №4. С. 136–144.
20. Смыслы Современности и модернизации на Востоке / Н. Н. Емельянова // Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии / сост., отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Наука: Восточная литература, 2022. С. 317–326.
21. Тойнби А. Дж. Постигание истории / пер с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.
22. Толстых П. А. Теория групп и теория лоббизма: соотношение научных концепций (часть 1) // Исторические, философские, поли-

тические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №1. С. 175–191.

23. Трапездников О. В. Практики экологического лоббизма в современной России // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. №5. С. 1425–1435.
24. Турчинов О. Особливості української олігархії // Політична думка. 2000. №3. С. 127–133.
25. Федорченко С. Н. Формирование новых идентичностей на постсоветском пространстве: между реальным и цифровым миром // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. №3. С. 3–15.
26. Хабриева Т. Я. Конституционная модернизация в странах СНГ: новые тенденции // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. №1. С. 40–49.
27. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Л. Г. Моргана. М.: Издательство политической литературы, 1982. 240 с.
28. Akpan N. "Compelled by Our Fears": RFK Jr. and Vaccine Doubt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thinkglobalhealth.org/article/compelled-our-fears-rfk-jr-and-vaccine-doubt> (дата обращения: 23.10.2024).
29. Duverger M. Party Politics and Pressure Groups. A Comparative Introduction. New York: Crowell, 1972. 168 p.
30. Fidler D. P. The New U.S. Strategy on Global Health Security [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thinkglobalhealth.org/article/new-us-strategy-global-health-security> (дата обращения: 23.10.2024).
31. Inoguchi T. Political Theory // International Encyclopedia of Political Science. 2011. №6. P. 2050–2063.
32. Killeen O. J., Davis A., Tucker J. D., et al. Chinese Global Health Diplomacy in Africa: Opportunities and Challenges [Электронный ресурс] // Global Health Governance. 2018. №12. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6447313/pdf/nihms-1011045.pdf> (дата обращения: 23.10.2024).
33. Lo C., van de Pas R. China's Global Health Diplomacy Possibilities and limitations for cooperation [Электронный ресурс]. URL: https://cris.maastrichtuniversity.nl/ws/portalfiles/portal/143732052/China_Global_Health_Diplomacy.pdf (дата обращения: 23.10.2024).
34. Oum S., Moss K., Kates J. The U.S. Government and Global Health [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kff.org/health-policy/101-the-u-s-government-and-global-health/?entry=table-of-contents-introduction> (дата обращения: 23.10.2024).

35. Rudolf M. China's global health diplomacy [Электронный ресурс]. URL: <https://asia.fes.de/news/chinas-global-health-diplomacy.html> (дата обращения: 23.10.2024).
36. Skilling H. G. Interest Groups and Communist Politics Revisited // World Politics. 1983. Vol. 36. №1. P. 1–27.
37. Tilly Ch. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. New York: Russell Sage Foundation, 1984. 176 p.

ARTICLE INFORMATION

Andrey V. Abramov

- e-mail: abram-off@mail.ru,
Cand. Sci. (Political Science), Assoc. Prof.,
Department of comparative politics, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Roman A. Alekseev

- e-mail: alekseev.r555@mail.ru,
Cand. Sci. (Political Science), Assoc. Prof.,
Department of public policy, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Nina S. Bychkova

- e-mail: nsbychkova@mail.ru,
specialist in educational and methodological work,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Dmitryi A. Ezhov

- e-mail: president@lenta.ru,
Cand. Sci. (Political Science), Assoc. Prof.,
Department of Political Science, Faculty of Social Sciences
and Mass Communications,
Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskii pr-t 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

Natalya N. Emelyanova

- e-mail: nemelyanova86@mail.ru,
Cand. Sci. (Political Science), Senior Researcher,
Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Natalya A. Osipova

- e-mail: 080862@bk.ru,
Postgraduate student, Department of Comparative Political Science,
Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Abramov A. V., Alekseev R. A., Bychkova N. S., Ezhov D. A., Emelyanova N. N., Osipova N. N. Topical issues of political comparative studies in Russia (II). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify controversial issues in contemporary comparative political science and present to the scientific community mini-studies on some of the controversial issues in political comparative studies.

Methodology. During the continuation of the round table (the beginning was published in No. 3 2024), held at Moscow University with the support of the Russian Social and Humanitarian Journal, topical issues of the methodology of political comparative studies were discussed (opportunities of the civilizational paradigm in conducting cross-cultural and cross-national political studies, use of the comparative historical method in political comparative studies), and the results of a comparative analysis of modern political institutions and processes in some countries of the near and far abroad were presented.

Results. It has been established that the most promising field for comparative political science is the use of the civilizational approach as a methodology of comparative studies, as well as the use of qualitative methods of scientific research. Of greatest interest for comparative analysis are the 2024 elections in European countries, the interstate policy of China, the USA and India in the field of health care, as well as political processes and institutions in post-Soviet countries.

Research implications. The results of the study may be of interest to political scientists specializing in the field of political comparative studies, theory and methodology, and the study of international relations.

Keywords

comparative political science, comparative studies, civilizational approach, comparative historical method, elections, international health policy, post-Soviet countries, lobbying

References

1. Abradova E. S. [Formation of a New Ukrainian Identity in the Post-Maidan Period (2014–2018)]. In: *Vlast'* [Authority], 2018, vol. 26, no. 5, pp. 174–176.
2. Abradushkina N. Yu. *Gruppydavleniya v transformacii politicheskoy vlasti v Rossii: dis. ... kand. polit. nauk* [Pressure groups in the transformation of political power in Russia: Cand. Sci thesis in Political sciences]. Moscow, 2000. 166 p.
3. Abramov A. V., Alekseev R. A. [Towards an assessment of the trajectories of transformations of post-Soviet political systems]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 3, pp. 54–65.
4. Abramov A. V., Kapytsyn V. M., Kokurina O. Yu., et al. [Current issues of political comparative studies in Russia]. In: *Rossiiskij social'no-gumanitarnyj zhurnal* [Russian Social and Humanitarian Journal], 2024, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 02.10.2024).
5. Alekseev R. A., Abramov A. V. [Constitutional and legal design of post-Soviet political systems: a comparative analysis]. In: *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik* [North Caucasian Legal Herald], 2022, no. 4, pp. 73–86.
6. Vasilenko I. A. *Politicheskaya filosofiya* [Political philosophy]. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 240 p.
7. Voitenko E. M., Porfenchikova A. A. *Lobbizm i GR: ponyatiya, funkcii, instrumenty* [Lobbying and GR: concepts, functions, tools]. Moscow, Alpina PRO Publ., 2023. 340 p.
8. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 574 p.
9. Emelyanova N. N., Letnykov D. E., Lisitskiy A. V. [How Many Civilizations Are There on the Earth? Universalism vs Multi-Civilizational Approach]. In: *Chelovek* [Human], 2018, no. 4, pp. 94–109.
10. Osipov G. V., ed. *Istoriya sociologii v Zapadnoj Evrope i SShA* [History of Sociology in Western Europe and the USA]. Moscow, NORMA Publ., 2001. 576 p.
11. Klyuchevsky V. O. *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1987. 446 p.

12. Kovalevsky M. M. *Istoriko-sravnitel'nyj metod v yurisprudencii i problemy izucheniya istorii prava* [Historical-comparative method in jurisprudence and problems of studying the history of law]. Moscow, Tipografiya F. B. Millera Publ., 1800. 73 p.
13. Kovalevsky M. M. *Ocherki proiskhozhdeniya i razvitiya sem'i i sobственности* [Essays on the Origin and Development of the Family and Property]. St. Petersburg, 1896. 171 p.
14. Kovalchenko I. D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 440 p.
15. Lazareva M. N. [Stability and dynamism of the Constitution of Ukraine]. In: *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Contemporary research in social problems], 2014, no. 4. Available at: www.sisp.nkras.ru (accessed: 07.10.2024).
16. Mamontova E. V., Bondarenko O. O. [Typology of interest groups in modern political science]. In: *Web of Scholar*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 45–52.
17. Morgacheva E. N. [Comparative-historical method: a review of approaches to classification in the social sciences]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education], 2016, no. 2, pp. 102–114.
18. Meir P. [Comparative Politics: General Problems]. In: Gudin R., Klingemann H.-D., eds. *Politicheskaya nauka: novye napravleniya* [Political Science: New Directions]. Moscow, Veche Publ., 1999, pp. 309–329.
19. Nechaeva-Yuriichuk N. V. [Peculiarities of the formation of Moldovan statehood after gaining independence]. In: *Rusin* [Rusin], 2010, no. 4, pp. 136–144.
20. Emelyanova N. N. [The Meanings of Modernity and Modernization in the East]. In: Stepanyants M. T., ed. *Sravnitel'naya filosofiya: ot sravnitel'noj k mezhekul'turnoj filosofii* [Comparative Philosophy: From Comparative to Intercultural Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publ., 2022, pp. 317–326.
21. Toynbee A. J. *A Study of History* (Rus. ed.: Zharkov E. D., transl. *Postizhenie istorii*). Moscow, Rolf Publ., 2001. 640 p.).
22. Tolstykh P. A. [Group Theory and Lobbying Theory: The Relationship of Scientific Concepts (Part 1)]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theoretical and practical issues], 2013, no. 1, pp. 175–191.
23. Trapeznikov O. V. [Environmental lobbying practices in modern Russia]. In: *Voprosy politologii* [Questions of political science], 2021, vol. 11, no. 5, pp. 1425–1435.

24. Turchinov O. [Features of the Ukrainian oligarchs]. In: *Politichna dumka* [Political opinion], 2000, no. 3, pp. 127–133.
25. Fedorchenko S. N. [Formation of New Identities in the Post-Soviet Space: Between the Real and Digital Worlds]. In: *Zhurnal politicheskij issledovanij* [Journal of Political Studies], 2021, vol. 5, no. 3, pp. 3–15.
26. Khabrieva T. Ya. [Constitutional Modernization in the CIS Countries: New Trends]. In: *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 88, no. 1, pp. 40–49.
27. Engels F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva v svyazi s issledovaniyami L. G. Morgana* [The Origin of the Family, Private Property and the State in Relation to the Researches of L. G. Morgan]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1982. 240 p.
28. Akpan N. "Compelled by Our Fears": RFK Jr. and Vaccine Doubt. Available at: <https://www.thinkglobalhealth.org/article/compelled-our-fears-rfk-jr-and-vaccine-doubt> (accessed: 23.10.2024).
29. Duverger M. *Party Politics and Pressure Groups. A Comparative Introduction*. New York, Crowell, 1972. 168 p.
30. Fidler D. P. The New U.S. Strategy on Global Health Security. Available at: <https://www.thinkglobalhealth.org/article/new-us-strategy-global-health-security> (accessed: 23.10.2024).
31. Inoguchi T. Political Theory. In: *International Encyclopedia of Political Science*, 2011, no. 6, pp. 2050–2063.
32. Killeen O. J., Davis A., Tucker J. D., et al. Chinese Global Health Diplomacy in Africa: Opportunities and Challenges. In: *Global Health Governance*, 2018, no. 12. Available at: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6447313/pdf/nihms-1011045.pdf> (accessed: 23.10.2024).
33. Lo C., van de Pas R. China's Global Health Diplomacy Possibilities and limitations for cooperation. Available at: https://cris.maastrichtuniversity.nl/ws/portalfiles/portal/143732052/China_Global_Health_Diplomacy.pdf (accessed: 23.10.2024).
34. Oum S., Moss K., Kates J. The U.S. Government and Global Health. Available at: <https://www.kff.org/health-policy/101-the-u-s-government-and-global-health/?entry=table-of-contents-introduction> (accessed: 23.10.2024).
35. Rudolf M. China's global health diplomacy. Available at: <https://asia.fes.de/news/chinas-global-health-diplomacy.html> (accessed: 23.10.2024).
36. Skilling H. G. Interest Groups and Communist Politics Revisited. In: *World Politics*, 1983, vol. 36, no. 1, pp. 1–27.
37. Tilly Ch. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York, Russell Sage Foundation, 1984. 176 p.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК МУНИЦИПАЛЬНЫХ ДЕПУТАТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА ГОРОДА МОСКВЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ 2017 И 2022 ГГ.)

Кузь Стелла Игоревна

- e-mail: ha4aturova.stella@ya.ru;
аспирант кафедры социологии и психологии политики;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская
Федерация

Для цитирования

Кузь С. И. Сравнительный анализ социально-демографических характеристик муниципальных депутатов Центрального административного округа города Москвы (на примере выборов 2017 и 2022 гг.) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 10.08.2024
- Статья размещена на сайте 28.12.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Теоретические основания исследования](#)

[Социально-демографический состав советов депутатов Центрального административного округа города Москвы, избранных в 2017 и 2022 гг.](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. На основе сравнительного анализа депутатского корпуса двух созывов выявить тенденции изменений социально-демографических характеристик депутатов Центрального административного округа г. Москвы и вывести социальный портрет муниципального лидера.

Процедура и методы. Исследование проведено методом сравнительного анализа на основе служебных материалов автора и открытых данных, содержащихся на официальных сайтах советов муниципальных депутатов, в СМИ и социальных сетях. База данных была составлена согласно следующим характеристикам: пол, возраст, специальность, сфера деятельности и занимаемая должность, семейное положение и партийная принадлежность.

Результаты. На основе изучения социально-демографических характеристик были сделаны выводы об изменениях в составе депутатских корпусов в 2022 г. по сравнению с 2017 г. (увеличение количества женщин, снижение участия в политике представителей молодёжи, рост числа представителей партии «Единая Россия», приоритет анализа депутатского корпуса двух созывов государственных учреждений и проч.), что в первую очередь, по мнению автора, связано с трансформациями в общественно-политическом контексте. Полученные данные позволили нам по модальным значениям описать социальный портрет депутата муниципального округа ЦАО.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты будут использованы автором в рамках масштабного исследования местного самоуправления в г. Москве и будут полезны в процессе концептуализации понятия муниципального лидерства. Данные послужат одним из оснований первого этапа анализа политико-психологических характеристик муниципальных лидеров Центрального административного округа и в дальнейшем могут быть использованы для прогнозирования электорального поведения и выстраивания избирательных кампаний на территории г. Москвы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

муниципальное лидерство, местное самоуправление, муниципальный депутат, совет депутатов, Центральный административный округ города Москвы

ВВЕДЕНИЕ

Российское общество в настоящее время переживает существенные трансформации в связи с постоянно меняющимся внутри- и внешнеполитическим контекстом. Выбор избирателем того или иного политического актора, будь то президент, политическая партия или депутат любого уровня, будет детерминирован общим политическим контекстом. Мы можем предположить, что в связи с изменениями во внешнем мире меняется и запрос на народных избранников, которым в рамках закона люди делегируют решение проблем нового мира.

Отличительной особенностью муниципального уровня власти является одновременно его зависимость от глобальных государственных вопросов и фокусирование на проблемах районного и окружного масштаба (капитальный ремонт, строительство, благоустройство, жилищно-коммунальное хозяйство, социальная поддержка незащищённых слоёв населения и проч.). Целью исследования является сравнительный анализ социально-демографических характеристик муниципальных депутатов Центрального административного округа г. Москвы в разрезе двух созывов: 2017 и 2022 гг. Достижение поставленной цели стало возможным при решении следующих задач:

- выделение основных социально-биографических характеристик, которые позволят сформировать базу данных;
- сбор данных в соответствии с выделенными характеристиками на основе служебной информации автора и открытых источников (официальных сайтов округов, предвыборных заявлений и социальных сетей депутатов и т. д.);
- формирование базы данных для дальнейшего сравнительного анализа и формулировки выводов.

Муниципальное Собрание, согласно п. 2 ст. 10 Закона г. Москвы «Об организации местного самоуправления в городе Москве»¹, является представительным органом местного самоуправления в столице и, согласно ст. 12, состоит из депутатов, избираемых на муниципальных выборах жителями муниципального образования на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании в соответствии с федеральными законами и законами г. Москвы. В состав Муниципального Собрания должно входить не менее

¹ Закон города Москвы от 06.11.2002 №56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/mgi/documents/view/52378220> (дата обращения: 01.05.2024).

10 депутатов. На практике, в зависимости от численности населения муниципального образования, количество депутатов составляет от 10 до 20 человек.

11 сентября 2022 г. в 125 из 146 муниципальных образований прошли выборы в советы депутатов г. Москвы². На тот момент прошло уже семь месяцев с момента объявления Специальной военной операции, внешняя политика претерпела существенные изменения в выборе союзников и приоритетных направлений, а социологические измерения показывали подъём патриотических настроений граждан³. По сравнению с 2017 г. повысился интерес к выборам как со стороны избирателей, так и со стороны желающих получить мандат (явка в 2022 г. по Москве составила 33,9% против 14,8% в 2017 г., кандидатами в 2022 г. себя заявили на треть больше людей, чем в 2017 г.)⁴.

Избрание конкретных людей в состав советов депутатов – это не просто комплекс пространственных и темпоральных факторов, влияющий на политические предпочтения граждан. Это сложная квинтэссенция объектных и субъектных факторов: от окружающего контекста до следствия резко изменившихся ценностных ориентаций избирателей [22, с. 12]. В 2022 г. прежние запросы на характеристики кандидатов утратили свою актуальность, и им на смену пришли предпочтения более консервативного, стабильного и патриотического толка.

Центральный округ г. Москвы всегда отличался разнообразием политических сил, повышенным интересом к окружным проблемам кандидатов на роль муниципальных лидеров и, безусловно, высокой степенью коммуникации власти и общества. Поэтому именно ЦАО находится в поле нашего внимания как уникальный пример муниципальной политики в действии.

Объектом исследования являются муниципальные лидеры Центрального административного округа города Москвы: депутаты муниципальных округов двух последних созывов (2017–2022 гг. и 2022–2027 гг.). Предметом исследования яв-

² Закон города Москвы от 06.06.2005 №38 «Избирательный кодекс города Москвы» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3660202> (дата обращения: 01.05.2024).

³ Официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moscow-city.vybory.izbirkom.ru/region/moscow-city> (дата обращения: 02.04.2024).

ляется процесс изменения особенностей социально-демографического портрета в результате муниципальных выборов в 2022 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическую значимость в рамках данной статьи представляют две группы исследований.

Муниципальная власть в качестве ключевого субъекта властных отношений на местном уровне рассмотрена в исследованиях: М. Н. Афанасьева [2], С. И. Барзилова [3], В. К. Белолипецкого [15], Н. М. Бибиной [4], Е. Е. Власенко [5], Р. В. Горнева [6], Д. В. Колесникова [9], И. А. Мельникова [10], К. Г. Меркуловой [11], И. В. Титовой [18], И. И. Теплякова [17], М. С. Шайхуллина [21]. В трудах этих авторов анализируются такие темы, как социoproфессиональный состав региональных и муниципальных элит, их институционализация, каналы их рекрутирования, взаимодействие экономических и политических образований, электоральная поддержка. Однако, несмотря на значительное число работ по вопросам осуществления муниципальной политики в отдельных сферах социальной жизни, комплексный анализ муниципальной политики в современных научных трудах в полной мере не представлен. «Человеческий капитал» муниципальной власти мало изучен, и имеет место дефицит полноценного анализа процессов, происходящих на местном уровне власти.

Вторая группа представлена исследованиями *муниципальной власти в г. Москве*: их количество довольно ограничено и, как правило, касается законодательства в области муниципального права или истории становления местного самоуправления в городе. Тем не менее мы ориентировались на некоторые заключения, представленные в работах Ю. М. Алпатова [1], А. В. Дерюгиной [7], В. М. Егоровой [8], А. В. Мироновой [12], О. С. Мишиной [13], А. А. Нестеровой [14], А. А. Савичева [16], О. В. Черновой [19], А. С. Черножукова [20].

Третья группа исследований находится в области *политической демографии* и сосредоточена на анализе политических процессов с точки зрения изучения социально-демографических характеристик их участников. В данном случае возможности анализа социально-демографических данных позволяют нам на примере конкретной категории граждан (муниципаль-

ных депутатов Москвы) на определённой территории (Центральный административный округ) сравнить два созыва и выявить предпочтительный для современного политического контекста социальный портрет народного избранника.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ОКРУГА ГОРОДА МОСКВЫ, ИЗБРАННЫХ В 2017 И 2022 ГГ.

Депутаты муниципальных округов – это прежде всего люди, которые в период избирательных кампаний привлекли электорат конкретными своими особенностями. В рамках закона именно им, людям, доверили представлять интересы избирателя, решать проблемы районного, окружного и городского уровня, погружаться в специфику территорий и ежедневно быть связующим звеном между властью и населением. Изучение политико-психологических характеристик депутатских корпусов двух последних созывов (2017–2022 гг. и 2022–2027 гг.) требует анализа динамики количественных и качественных составов, включая их социально-демографические характеристики, такие как пол, возраст, образование, семейное положение, особенности карьерного пути и т. д. Чтобы получить всеобъемлющую характеристику по этим и другим параметрам, нами была сформирована электронная база данных на основе открытых источников (официальные сайты муниципальных округов, материалы, опубликованные кандидатами в период предвыборных кампаний, ежегодные отчёты муниципальных депутатов и их социальные сети).

Для проведения анализа был выбран Центральный административный округ г. Москвы. Во-первых, центр Москвы всегда был и остаётся довольно разнообразным по политическим предпочтениям его жителей (зачастую оппозиционным). Данная территория отличается ярким составом советов депутатов, привлекательностью для организации протестных акций, политических дебатов и, по сути, является лакмусовой бумажкой политической жизни столицы. Во-вторых, ввиду того, что данные, приведённые в статье, являются частью обширного политико-психологического исследования, выбор ЦАО обусловлен возможностями автора практически избежать методов дис-

тантной диагностики личности депутатов в пользу контактной. Перспективы представить в дальнейшем результаты включённого наблюдения за работой муниципальных депутатов определили и территорию исследования социально-биографических характеристик представителей муниципальной власти.

Согласно Избирательному кодексу г. Москвы, численный состав совета депутатов устанавливается уставом муниципального округа⁵. В каждом из десяти районов Центрального административного округа (Арбат, Басманный, Замоскворечье, Красносельский, Мещанский, Пресненский, Таганский, Тверской, Хамовники и Якиманка) установлено число муниципальных депутатов от 10 до 12 человек. Таким образом, в 2017 г. в Центральном административном округе Москвы были избраны 116 депутатов, а в 2022 г. – 111. При этом 27 из них были переизбраны в очередной раз и сохранили свой мандат в новом созыве.

Увеличивающаяся тенденция представительства женщин на политических должностях⁶ обусловила необходимость анализа соотношения мужчин и женщин двух созывов. Несмотря на то, что временной промежуток между двумя созывами составляет всего пять лет, можно отметить тот факт, что в первом созыве их было 43 (47,3% от общего числа), а во втором – 53 (58,3% от общего числа). Объяснить это можно не столько расширением каких-либо возможностей для женщин (формально за пять лет в этой части не было никаких изменений в законодательстве), сколько увеличением запроса общества в первую очередь на развитие гуманитарных и социально-ориентированных проектов (руководителями которых, как правило, являлись женщины). Здесь необходимо отметить одну особенность: в созыве 2017–2022 г. лишь одна женщина являлась главой муниципального округа, в то время как в новом созыве главами являются уже пять. Это говорит о растущем авторитете женщин не только среди избирателей, но и среди коллег по депутатскому корпусу (именно коллеги принимали решение об избрании глав на первом заседании совета). Такое распределение женщин – муниципальных лидеров если не говорит об

⁵ Закон города Москвы от 06.06.2005 №38 «Избирательный кодекс города Москвы» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3660202> (дата обращения: 01.05.2024).

⁶ Women in politics: 2023 // Un Women: [сайт]. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2023/03/women-in-politics-map-2023> (дата обращения: 02.04.2024).

устоявшейся тенденции, то явно указывает на расширение их возможностей и влияния на районную повестку.

Важной частью анализа состава советов депутатов является изучение представительства возрастных групп. Это позволяет выявить, с одной стороны, степень отражения интересов всех возрастных групп населения и, с другой стороны, уровень политической активности молодёжи, представителей среднего и старшего возраста. Мы разбили депутатов на три группы: 21–25 лет, 25–45 лет, 45 лет и выше. По данному критерию составы советов депутатов схожи: доминирующей является категория 45 лет и выше, а молодёжь представлена слабо либо не представлена совсем. Средний возраст депутатов созыва 2017 г. – 49 лет, а 2022 г. – 48 лет (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Возрастные категории муниципальных депутатов / Age categories of municipal deputies

	Созыв 2017–2022 гг.	Созыв 2022–2027 гг.
21–25 лет	нет	1
25–45 лет	4	49
45 лет и выше	70	61

Согласно российскому законодательству все граждане независимо от социального положения, рода деятельности и образования могут быть избранными. Тем не менее эти характеристики являются качественным показателем, влияющим на эффективность и профессионализм народных избранников. Для решения задач управления муниципальным округом депутат должен обладать рядом определённых компетенций, которые помогут ему ориентироваться в разнообразных политических, экономических и социальных вопросах. Более того, депутат должен быть наделён не только умственными способностями и знаниями, но и опытом, «бытовым багажом», который определит его поведение в различных конфликтных и нетривиальных ситуациях. В созыве 2017 г. среднее и неоконченное высшее имели 4 депутата, в созыве 2022 г. – 5. Рассмотрим, как распределялись специальности (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Специальности муниципальных депутатов / Specialties of municipal deputies

Специальность	2017–2022 гг.	2022–2027 гг.
Инженерно-техническая	27	19
Медиа	0	9
Филологическая	2	1
Медицинская	11	7
Педагогическая	18	16
Политическая	9	0
Культура и искусство	4	13
Социологическая	5	12
Экономическая	13	12
Юридическая	23	17
Среднее и неоконченное высшее образование	4	5

Из интересных наблюдений можно отметить лидирующие позиции инженерно-технических специальностей (многие из них касаются строительного дела или жилищно-коммунального хозяйства), а также педагогических, юридических и экономических, что объясняется, скорее, универсальностью этих направлений. Примечательно, что в созыве 2017 г. не представлены специальности, связанные с рекламой, SMM и связями с общественностью, а в 2022 г. не было избрано ни одного депутата с политологическим образованием. Наблюдается также тенденция роста числа депутатов с образованием в области искусства и культуры (однако же все из них являются руководителями досуговых и культурных учреждений, что доказывает наличие у них опыта и эффективной работы во благо жителей).

Необходимо отметить тот факт, что второе образование на момент избрания в созыве 2017 г. имели 9 человек, а в созыве 2022 г. – 2 человека. Кроме того, учёную степень имели все-го 6 и 3 человека соответственно. Первое обусловлено тем, что

ввиду непосредственной работы в представительных органах власти депутаты столкнулись с необходимостью перепрофилироваться и получать образование в сфере государственного управления и политологии (если проследить специальности, полученные в качестве второго высшего образования, именно эта сфера является доминирующей). Непопулярность же научной деятельности среди муниципальных депутатов сложно объяснить, однако можно предположить, что «работа на земле» не требует такого уровня знаний и является для депутатов факультативной.

Представим распределение по сферам деятельности (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3		
Сферы деятельности муниципальных депутатов / Fields of activity of municipal deputies		
Сфера	2017–2022 гг.	2022–2027 гг.
Некоммерческие организации	15	7
Коммерческие организации	45	23
Образование	14	20
Здравоохранение	6	4
Культура	3	8
Социальная сфера	5	15
Органы гос. власти	18	23
Пенсионеры	6	5
Безработные	4	6

По сравнению с предыдущим созывом ныне действующий отличается высоким процентом людей, занимающих руководящие должности в здравоохранении, образовании, культуре и социальных организациях (73% против 26% в прошлом созыве). Здесь важно не только проанализировать формальную принадлежность к различным сферам, но и углубиться в проектную деятельность избранных депутатов, а также в направления работы их организаций. В созыве 2017 г. достаточно высок процент тех, кто занимается урбанистикой, модными

тенденциями в области дизайна, свободными профессиями, маркетингом и связями с общественностью в разных их проявлениях, при этом выражая порой либеральные, даже оппозиционные взгляды. Политический контекст выборов 2022 г. резко уменьшил представительство этой категории, заменив их на людей, занимающихся благотворительностью, социальной помощью, оказывающих поддержку в рамках СВО. Каждый второй избранный депутат во время избирательной кампании в той или иной форме декларировал позицию безвозмездной помощи, консолидации общества и патриотизма (например, кандидаты от Якиманки Антон Азерников и Пресненского района Сергей Одинцов на постоянной основе организовали поездки на фронт с гуманитарной помощью, кандидат от Мещанского района Наталья Домрачева оказывала помощь роддомам товарами первой необходимости и медикаментами, кандидаты Красносельского района Ольга Пасько, Елена Качнова и Елена Щетнева открыли гуманитарный «магазин» для помощи новым территориям). Это был новый формат взаимодействия с избирателем: люди не просто собирались в актовом зале школы, чтобы поговорить «про всё хорошее», но объединялись под флагом общего дела. Они сортировали склады гуманитарной помощи, писали письма солдатам, ездили в горячие точки, и даже районные праздники носили благотворительный характер. На этой волне острой и непредсказуемой общественно-политической повестки свою популярность потеряли всякого рода фрилансеры и популисты, зачастую декларировавшие взгляды левого толка. Это и отразилось потом в избирательном бюллетене, определив расстановку политических сил в округе на ближайшие пять лет. Категория «безработные» в данном случае является малоинформативной, потому что может указывать как на отсутствие места работы, так и на нежелание кандидата прописывать его в бюллетене, что является распространённой практикой. Велико и количество занятых в сфере малого и среднего бизнеса (это зрелые состоявшиеся люди, которым важно разбираться в инфраструктуре района для ведения своего дела).

Важной представительской характеристикой депутатского корпуса является и партийная принадлежность. В данной статье нет цели проанализировать способы продвижения кандидатов, рычаги давления на их оппонентов и политический курс современности, поэтому достаточно сказать, что созыв

2022 г. отличается партийной гомогенностью и лояльностью к действующей власти: 96 депутатов из 110 были выдвинуты партией «Единая Россия», самовыдвиженцами были три человека, а также 7 человек избирались от «КПРФ», 3 человека – от «Справедливой России» и 1 человек – от партии Яблоко. Состав 2017 г. был более «разношёрстным» и оппозиционно настроенным к действующей власти: 45 депутатов от «Единой России», 26 – самовыдвижение, 1 – «КПРФ», 43 – партия «Яблоко» и 1 – «Справедливая Россия». Ключевым поворотным событием в Центральном округе стала утрата лидирующих позиций оппозиционными кандидатами сразу в нескольких районах. Если раньше в Тверском районе был всего один депутат от «Единой России», то теперь весь совет, кроме одного депутата – Кетевана Хараидзе, – представляет партию власти. Такая же ситуация наблюдается в Красносельском, Хамовниках и Якиманке. Ныне оппозиционные депутаты и главы районов сменились более лояльными к власти кандидатурами. Укрепление и ранее существенного влияния «Единой России» произошло также в Арбате, Замоскворечье, Мещанском и Пресненском районах.

При анализе семейного положения депутатов двух созывов не прослеживается существенных изменений. Можно отметить рост количества тех, кто имеет зарегистрированный брак: в 2017 г. – 50 человек, а в 2022 г. – 68. Многодетные семьи имели в обоих составах по 9 человек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав социально-демографические характеристики муниципальных депутатов двух последних созывов в Центральном административном округе г. Москвы, отметим наиболее интересные наблюдения:

- Непредсказуемость и острый характер изменений общественно-политической ситуации в стране в 2022 г. обусловили увеличение явки вдвое и количества кандидатов на одну треть по сравнению с 2017 г.

- Увеличение количества женщин в советах депутатов при неизменных нормах законодательства говорит не столь о трансформации их положения в обществе, сколько об изменении запросов избирателей в сторону мягкой власти, приоритета социальной поддержки и благотворительности, духовного единения, взаимопомощи и доброты. Помимо количества де-

путатов, увеличилось и число женщин в статусе глав муниципальных округов. Объяснить это можно тем, что у женщин есть база поддержки, свой электорат, им проще работать с пенсионерами. Кроме того, от муниципальных выборов нередко ждут полезность и заботу, а к женщинам свойственно обращаться за помощью, и это выигрышный вариант с точки зрения избираемости.

– Средний возраст депутатов прошлого созыва – 49 лет, в 2022 г. – 48 лет. Жители явно отдают предпочтение представителям среднего и старшего возраста, полагаясь на их опыт и стабильное мышление, особенно в рамках современных государственных реалий.

– Несмотря на примерно схожее распределение по специальностям, можно отметить непопулярность гуманитарных направлений в 2022 г., особенно отсутствие в качестве основного образования по политологии и государственному управлению (их получили немногие, и то в качестве переподготовки или дополнительного образования). Научная деятельность оказалась невостребованной избирателями, что объясняется требованиями уровня муниципальной власти работать «на земле» с конкретными проблемами округа.

– Наблюдается рост числа депутатов, являющихся руководителями государственных учреждений в области здравоохранения, образования, социальной сферы и культуры (досуговой деятельности). Отличительной чертой в сравнении с прошлым созывом стало то, что избиратель, скорее, ориентировался не на запись в трудовой книжке кандидата, а на фактическую деятельность его структуры. Представители коммерческих структур теперь оценивались не с точки зрения уровня профессионализма в своей сфере, а с точки зрения включённости в политическую повестку дня (например, владелица салонов красоты в Якиманке Елена Павлова устраивала бесплатные мастер-классы для женщин-беженцев, а главный редактор глянцевого журнала Марина Дэмченко в Мещанском районе – благотворительные показы мод при поддержке Московского дома моды Вячеслава Зайцева). Ничего подобного от представителей коммерческих структур в 2017 г. нельзя было представить. Таким образом, всплеск патриотизма и стремление к взаимопомощи напрямую повлияли на то, как выстраивали свои избирательные кампании кандидаты и как потом откликнулись на это жители.

– С точки зрения расстановки политических сил в ЦАО в 2022 г. произошли существенные изменения: некогда полностью оппозиционные районы (Тверской, Хамовники, Якиманка) заняли депутаты от партии «Единая Россия» или самовыдвиженцы, в других же районах партия власти ещё более уверенно укрепила свои позиции. Здесь надо вернуться к предыдущему пункту и отметить более «тонкое» наблюдение: жители проголосовали за тех представителей оппозиции, которые, несмотря на своё критичное отношение к существующему строю, всё равно подготавливали свои предвыборные тезисы и программы так, чтобы ответить на новые вызовы общества.

Таким образом, полученные данные позволяют нам по модальным значениям охарактеризовать социальный портрет депутата муниципальной округа ЦАО. Это человек (мужчина или женщина) в возрасте около 50 лет, имеющий преимущественно техническую специальность, работающий в государственных или окологосударственных структурах (преимущественно в социальной сфере), являющийся руководителем и ведущий проектную деятельность, отвечающую современной общественно-политической повестке. Несмотря на предпочтительную принадлежность партии «Единая Россия», приоритетами являются, скорее, суть деятельности депутата и его направленность на гуманитарную помощь, патриотизм и всеобщую консолидацию.

Данные, приведённые в статье, являются частью полноценного политико-психологического анализа представителей муниципальной власти Москвы. Выявленные изменения, произошедшие в советах депутатов в 2024 г. по сравнению с прошлым созывом, не только могут служить почвой для концептуализации понятия муниципального лидерства, но и станут практическим ориентиром для тех, кто, в том или ином статусе, будет влиять на формирование дальнейшей муниципальной повестки столицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов Ю. М. Организация местного самоуправления в городах федерального значения. М.: ЮРКОМПАНИ, 2009. 529 с.
2. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 320 с.

3. Барзилов С. И. Российская провинция как политический феномен. Саратов: ПАГС, 2004. 109 с.
4. Бибина Н. М. Деятельность местных советов в социальной сфере в условиях реформ 1953–1964 гг. (на материалах Мордовской АССР): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2019. 234 с.
5. Власенко Е. Е. Конституционные основы институционализации и функционирования муниципальной власти в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2020. 218 с.
6. Горнев Р. В. Взаимодействие органов местного самоуправления и общественных объединений: правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020. 199 с.
7. Дерюгина А. В. Развитие и организация местного самоуправления города Москвы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 198 с.
8. Егорова В. М. Актуальные проблемы реализации государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации: на примере города Москвы: дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. 169 с.
9. Колесников Д. В. Формирование социально ориентированных стратегий муниципалитетов в регионе: дис. ... канд. экон. наук. Курск, 2020. 237 с.
10. Мельников А. И. Развитие института местного самоуправления в условиях становления гражданского общества в России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2019. 157 с.
11. Меркулова К. Г. Политические условия институционализации местного самоуправления в процессе муниципальных реформ в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 195 с.
12. Миронова А. В. Становление и развитие муниципальной политики Москвы в 1991–2005 годы: исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 182 с.
13. Мишина О. С. Социальное здоровье жителей муниципальных образований: совершенствование системы управления: на материалах внутригородских муниципальных образований города Москвы: дис. ... канд. социол. наук. М., 2018. 173 с.
14. Нестерова А. А. Деятельность князя А. А. Щербатова на посту московского городского головы (1863–1869): дис. ... канд. ист. наук. М., 2023. 216 с.
15. Профессиографический анализ деятельности региональных административно-политических элит (на примере Южного федерального округа) / В. К. Белолипецкий, В. Г. Игнатов, А. В. Понедельков, А. М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки Северо-Кавказской академии государственной службы. 2003. №2. С. 43–44.

16. Савичев А. А. Городское самоуправление Москвы и Санкт-Петербурга в середине XIX – начале XX века: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 225 с.
17. Тепляков И. И. Вопросы местного значения как предмет ведения органов местного самоуправления: история, теория, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 226 с.
18. Титова И. В. Верховный совет Чувашии (1938–1994 гг.): формирование, состав, основные направления деятельности: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2005. 303 с.
19. Чернова О. М. Правовые и организационные основы непосредственной демократии при формировании государственных и муниципальных органов власти в городе Москве: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 212 с.
20. Черножуков А. С. Сотрудничество и противостояние местного самоуправления и администрации в конце XIX – начале XX веков (на примере Московского региона): дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2021. 229 с.
21. Шайхуллин М. С. Конституционно-правовые гарантии развития местного самоуправления в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020. 515 с.
22. Шестопал Е. Б. Восприятие политических партий и их лидеров на фоне актуального психологического состояния российского общества // Полития. 2023. №3. С. 67–86.

ARTICLE INFORMATION

Stella I. Kuz

- e-mail: ha4aturova.stella@ya.ru,
Postgraduate Student,
Department of Sociology and Psychology of Politics,
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky prospect 27/4, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Kuz S. I. Comparative analysis of social-demographic characteristics of municipal deputies of the Central administrative district of Moscow (based on the elections of 2017 and 2022). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. Based on a comparative analysis of the two convocations, identify trends in the social-demographic characteristics of deputies of the Central Administrative District of Moscow and deduce the social portrait of the municipal leader.

Methodology. The study was conducted by comparative analysis based on the author's official materials and open data from the official websites of the councils of municipal deputies, media and social networks. The database was compiled according to the following characteristics: gender, age, specialty, field of activity and position, marital status and party affiliation.

Results. Based on the study of social-demographic characteristics, conclusions were drawn about changes in the composition of deputy bodies in 2022 compared to 2017 (an increase in the number of women, a decrease in the participation of youth representatives in politics, an increase in the number of representatives of the United Russia party, priority for candidates - heads of state institutions, etc.), which, first of all, according to the author, is due to transformations in the social-political context. The data obtained allowed us to describe the social portrait of the deputy of the CAO municipal district by modal values.

Research implications. The results obtained will be used by the author as a part of a large-scale study of local government in Moscow and will be useful in the process of conceptualizing the idea of municipal leadership.

The data will serve as one of the bases for the first stage of the analysis of the political and psychological characteristics of the municipal leaders of the Central Administrative District and can later be used to predict electoral behavior and build election campaigns in Moscow.

Keywords

municipal leadership, local government, municipal deputy, council of deputies, Central Administrative District of Moscow

References

1. Alpatov Yu. M. *Organizaciya mestnogo samoupravleniya v gorodax federal'nogo znacheniya* [Organization of local self-government in cities of federal significance]. Moscow, YURKOMPANI Publ., 2009. 529 p.
2. Afanasyev M. N. *Klientelizm i rossijskaya gosudarstvennost'* [Clientelism and Russian statehood]. Moscow, Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond Publ., 2000. 320 p.
3. Barzilov S. I. *Rossijskaya provinciya kak politicheskij fenomen* [Russian province as a political phenomenon]. Saratov, PAGS Publ., 2004. 109 p.
4. Bibina N. M. *Deyatel'nost' mestny'x sovetov v social'noj sfere v usloviyax reform 1953–1964 gg. (na materialax Mordovskoj ASSR): dis. ... kand. ist. nauk* [Activities of local councils in the social sphere during the reforms of 1953–1964 (based on materials from the Mordovian ASSR): Cand. Sci. thesis in History]. Saransk, 2019. 234 p.
5. Vlasenko E. E. *Konstitucionny'e osnovy` institucionalizacii i funkcionirovaniya municipal'noj vlasti v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Constitutional Foundations of Institutionalization and Functioning of Municipal Authority in the Russian Federation: Cand. Sci. thesis in Law]. Belgorod, 2020. 218 p.
6. Gornev R. V. *Vzaimodejstvie organov mestnogo samoupravleniya i obshhestvenny'x ob`edinenij: pravovy'e aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk* [Interaction of local government bodies and public associations: legal aspects: Cand. Sci. thesis in Law], 2020. 199 p.
7. Deryugina A. V. *Razvitie i organizaciya mestnogo samoupravleniya goroda Moskvy: dis. ... kand. yurid. nauk* [Development and organization of local government in Moscow: Cand. Sci. thesis in Law]. Moscow, 2005. 198 p.
8. Egorova V. M. *Aktual'ny'e problemy` realizacii gosudarstvennoj vlasti i mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: na primere goroda Moskvy: dis. ... kand. polit. nauk* [Current issues of implementation of state power and local self-government in the Russian Federation:

on the example of the city of Moscow: Cand. Sci. thesis in Political sciences]. Moscow, 2013. 169 p.

9. Kolesnikov D. V. *Formirovanie social'no orientirovanny'x strategij municipalitetov v regione: dis. ... kand. e'kon. nauk* [Formation of socially oriented strategies of municipalities in the region: Cand. Sci. thesis in Economics]. Kursk, 2020. 237 p.
10. Melnikov A. I. *Razvitie instituta mestnogo samoupravleniya v usloviyax stanovleniya grazhdanskogo obshhestva v Rossii: dis. ... kand. polit. nauk* [Development of the institution of local self-government in the context of the formation of civil society in Russia: Cand. Sci. thesis in Political sciences]. Moscow, 2019. 157 p.
11. Merkulova K. G. *Politicheskie usloviya institucionalizatsii mestnogo samoupravleniya v processe municipal'ny'x reform v sovremennoj Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Political conditions for the institutionalization of local self-government in the process of municipal reforms in modern Russia: Cand. Sci. thesis in Law]. Moscow, 2019. 195 p.
12. Mironova A. V. *Stanovlenie i razvitie municipal'noj politiki Moskvy` v 1991–2005 gody`: istoricheskij aspekt: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation and development of municipal policy in Moscow in 1991–2005: historical aspect: Cand. Sci. thesis in History]. Moscow, 2011. 182 p.
13. Mishina O. S. *Social'noe zdorov'e zhitelej municipal'ny'x obrazovanij: sovershenstvovanie sistemy` upravleniya: na materialax vnutrigorodskix municipal'ny'x obrazovanij goroda Moskvy`: dis. ... kand. sociol. nauk* [Social health of residents of municipalities: improvement of the management system: based on the materials of intra-city municipalities of the city of Moscow: Cand. Sci. thesis in Sociology]. Moscow, 2018. 173 p.
14. Nesterova A. A. *Deyatel'nost` knyazya A. A. Shherbatova na postu moskovskogo gorodskogo golovy` (1863–1869): dis. ... kand. ist. nauk* [The activities of Prince A. A. Shcherbatov as Moscow mayor (1863–1869): Cand. Sci. thesis in History]. Moscow, 2023. 216 p.
15. Belolipetsky V. K., Ignatov V. G., Ponedelkov A. V., Starostin A. M. [Professional analysis of the activities of regional administrative and political elites (using the Southern Federal District as an example)]. In: *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Ucheny'e zapiski Severo-Kavkazskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby`* [State and municipal administration. Scientific notes of the North Caucasian Academy of Public Administration], 2003, no. 2, pp. 43–44.
16. Savichev A. A. *Gorodskoe samoupravlenie Moskvy` i Sankt-Peterburga v srede XIX – nachale XX veka: istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk* [Municipal self-government of Moscow and St. Petersburg in the mid-19th – early 20th centuries: historical and legal research: Cand. Sci. thesis in Law]. Moscow, 2021. 225 p.

17. Teplyakov I. I. *Voprosy` mestnogo znacheniya kak predmet vedeniya organov mestnogo samoupravleniya: istoriya, teoriya, praktika: dis. ... kand. yurid. nauk* [Local issues as a subject of local government: history, theory, practice: Cand. Sci. thesis in Law]. Kazan, 2019. 226 p.
18. Titova I. V. *Verhovny`j sovet Chuvashii (1938–1994 gg.): formirovanie, sostav, osnovny`e napravleniya deyatel`nosti: dis. ... kand. ist. nauk* [Supreme Council of Chuvashia (1938–1994): formation, composition, main areas of activity: Cand. Sci. thesis in History]. Cheboksary, 2005. 303 p.
19. Chernova O. M. *Pravovy`e i organizacionny`e osnovy` neposredstvennoj demokratii pri formirovanii gosudarstvenny`x i municipal`ny`x organov vlasti v gorode Moskve: dis. ... kand. ist. nauk* [Legal and organizational foundations of direct democracy in the formation of state and municipal authorities in the city of Moscow: Cand. Sci. thesis in History]. Moscow, 2005. 212 p.
20. Chernozhukov A. S. *Sotrudnichestvo i protivostoyanie mestnogo samoupravleniya i administracii v konce XIX – nachale XX vekov (na primere Moskovskogo regiona): dis. ... kand. ist. nauk* [Cooperation and confrontation between local government and administration in the late 19th – early 20th centuries (using the Moscow region as an example): Cand. Sci. thesis in History]. Mytishchi, 2021. 229 p.
21. Shaikhullin M. S. *Konstitucionno-pravovy`e garantii razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Constitutional and legal guarantees for the development of local self-government in the Russian Federation: Cand. Sci. thesis in Law]. Kazan, 2020. 515 p.
22. Shestopal E. B. [Political parties and their leaders' public perception against background of current psychological state of Russian society]. In: *Politiya* [Politeia], 2023, no. 3, pp. 67–86.

ПОСЛЕДСТВИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ОЦЕНКИ ПОЛИТОЛОГОВ

Семаева Ольга Владимировна

- e-mail: semaewa.olga@yandex.ru;
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и межкультурной коммуникации;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2, Российская Федерация

Киева Анастасия Николаевна

- e-mail: anasstttassia@gmail.com;
студентка кафедры политологии факультета социальных наук
и массовых коммуникаций;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2, Российская Федерация

Для цитирования

Семаева О. В., Киева А. Н. Последствия Специальной военной операции на Украине для современного мира: оценки политологов // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 26.08.2024
- Статья размещена на сайте 28.12.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Последствия однополярного мироустройства](#)

[От «международной системы, основанной на правилах» к многополярному мироустройству](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать мнения политологов о последствиях начала Специальной военной операции на Украине для современного мира.

Процедура и методы. В качестве основного метода применялся качественный анализ текстов. Были изучены и обобщены работы российских и зарубежных политологов, исследовавших последствия начала Специальной военной операции на Украине для современного мира.

Результаты. Проведённое исследование позволяет утверждать, что, по мнению российских и зарубежных политологов, политические и социальные процессы, происходящие в России, оказывают значительное влияние на жизнь мирового сообщества. Однополярное мироустройство, характеризующееся гегемонией Запада, осуществляемой с помощью организации «цветных революций», развязывания войн в разных точках мира, снижения уровня жизни большей части мирового населения, стало результатом экономического и политического ослабления России в 1990-е гг. Укрепление Российского государства в первой четверти 2000-х гг., открытое противостояние Западу путём отстаивания собственных национальных интересов, в том числе и в ходе Специальной военной операции на Украине, ускорило формирование многополярного мира.

Теоретическая и / или практическая значимость. Анализ мнений российских и зарубежных политологов о последствиях начала Специальной военной операции на Украине для мирового сообщества, проведённый в рамках данного исследования, в перспективе может внести вклад в создание исторического нарратива, направленного на сплочение российского общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальные интересы России, однополярный мир, мир, основанный на правилах, многополярный мир, национальные интересы, международные организации, Специальная военная операция, вепонизация доллара

ВВЕДЕНИЕ

В 2022 г. Россия начала Специальную военную операцию (СВО) с целью защиты мирного населения Донбасса и Крыма, демилитаризации и денацификации Украины¹. Данное собы-

¹ Обращение Президента России о начале Специальной военной операции 24 февраля 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://museumsvo.tlsgugit.ru/p2aa1.html> (дата обращения: 01.06.2024).

тие вызвало неоднозначную реакцию в российском обществе. Значительная часть россиян поддержала действия руководства страны, однако нашлись и те, кто не принял данного решения и в знак протеста покинул территорию страны.

Запад, спровоцировавший конфликт, развернул против России широкомасштабную кампанию, инструментами которой стали беспрецедентные экономические санкции, разжигание милитаризма и русофобии, попытки дипломатической изоляции России, техническая поддержка Украины в ведении боевых действий в зоне СВО и т. п. Однако указанные действия не только не привели к ожидаемым результатам, но, напротив, ускорили кризис существующего миропорядка.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым анализ объективных причин и возможных последствий СВО как для России, так и для всего мира в целом. Цель данной работы состоит в анализе позиции наиболее известных российских и западных политологов по поводу причин начала СВО на Украине и последствий данной военной операции для современного миропорядка.

В качестве основного метода исследования авторами применялся качественный анализ текстов.

ПОСЛЕДСТВИЯ ОДНОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Согласно исследованию, проведённому информационным агентством «Блумберг» (Bloomberg), «в 2023 г. в мире было зафиксировано 183 региональных конфликта, что является самым высоким показателем за последние 30 лет, при этом количество погибших увеличилось на 14%, а количество случаев насилия – на 28%»². Исследователи связывают данные региональные конфликты с глобальной геополитической обстановкой [5; 8; 9; 10; 11; 12], при этом невозможно спорить с тем фактом, что события, происходящие на мировой политической арене, неразрывно связаны с историческими процессами, протекающими в России. Политологи отмечают, что с ослаблением политического и экономического влияния нашей страны в мире в 1990-е гг. единственным центром принятия решений стали США, целью которых было укрепить собственное эконо-

² Bloomberg сообщил о рекордном за 30 лет количестве конфликтов в мире // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/12/2023/6576136e9a7947540f2964c1> (дата обращения: 01.05.2024).

мическое и политическое могущество. Мир стал однополярным [1; 3; 5; 8; 9].

На Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 10 февраля 2007 г. Президент России В. В. Путин дал следующее определение однополярного мира: «Это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это, в конечном итоге, губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри»³. Исследователи сходятся во мнении о том, что однополярный мир начал складываться с 1991 г., когда США развязали войну в Ираке, и указывают на многочисленные негативные последствия однополярного мироустройства [5; 7; 8; 9].

Политолог С. Г. Верещагин отмечает, что за период своей глобальной гегемонии США неоднократно нарушали принципы международного права, развязывая военные конфликты в разных странах в обход Совета Безопасности ООН [5]. П. Л. Попов указывает на то, что однополярный мир угрожает социальному многообразию, создаёт условия для глобальной унификации и монополизма во многих сферах деятельности [10].

Министр иностранных дел и глава Правительства России в 1990-х гг. Е. М. Примаков связывал «цветные революции», гибридные войны, кибератаки со стремлением гегемона в лице США захватить и использовать природные ресурсы России и Африки в своих интересах. Он особенно подчёркивал, что западные державы готовы пойти на любые меры, вплоть до терроризма, ради сохранения собственного глобального превосходства [11].

Ссылаясь на С. В. Лаврова, К. М. Барский отмечает, что в 1990-х гг. Е. М. Примаков сформулировал ключевые направления российской внешнеполитической доктрины, согласно которой Россия должна была сопротивляться однополярному мироустройству во главе с США, развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество с другими крупными державами, в частности с Китаем и Индией, и укреплять своё влияние на постсоветском пространстве. Данная доктрина и сегодня сохраняет свою актуальность [2].

³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности // Официальный сайт Президента Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 01.06.2024).

В целях осуществления многостороннего сотрудничества Россия, Индия и Китай создали организацию РИК, которая с присоединением новых государств-членов постепенно превратилась в БРИКС. На сегодняшний день данная организация включает десять крупнейших государств мира⁴. Как отмечает К. М. Барский, ШОС, созданная с целью укрепления доверия между его участниками в военной области, обеспечения мира, безопасности и стабильности в регионе, борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, также является детищем Е. М. Примакова и его соратников [2].

При этом хочется подчеркнуть, что современные исследователи сходятся во мнении о том, что период однополярного мироустройства не может быть длительным [1; 3; 4; 5; 6]. Переход к многополярности является объективным, а значит, неизбежным процессом, обусловленным такими причинами, как, например, этническое и культурное разнообразие мирового пространства. Государства, попадающие в зависимость от мирового гегемона на определённом этапе, осознают значимость собственных ценностей и традиций для своего выживания и начинают сопротивляться его власти; с другой стороны, сегодня можно наблюдать, как злоупотребление глобального центра влияния инструментами, обеспечивающими его успешное существование и развитие, приводит к его собственной деградации.

Исследователи связывают экономический спад, происходящий сегодня в США и странах Западной Европы, с вепонизацией⁵ доллара и милитаризацией экономики этих стран.

В. В. Путин в своей речи на форуме в Давосе отметил, что за период однополярного мироустройства произошло падение уровня жизни 99% жителей западных стран, включая США, а совокупный мировой государственный долг вырос и достиг 200–300% мирового ВВП⁶.

Западные эксперты констатируют, что решение о заморозке валютных резервов России с дальнейшей возможностью их

⁴ Шабловский В. «БРИКС. Главное, что нужно знать об объединении» // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2023/08/22/v-iuar-startoval-sammit-briks-glavnoe-chto-nuzhno-znat-ob-obedinenii.html> (дата обращения: 25.08.2024).

⁵ Johnson-Calari J., Das A., Passacantando F. The "Weaponisation" of Money: Risks of Global Financial Fragmentation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2420.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).

⁶ Выступление Владимира Путина на форуме в Давосе // Вести: [сайт]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2515983> (дата обращения: 02.03.2024).

использования для поддержки Украины привело к рекордному объёму закупок золота центральными банками различных государств, а также к использованию ими юаня вместо западных валют в качестве платёжного средства во взаимной торговле, более того, развитие финансовых технологий обеспечит разработку централизованной Платформы, которая способна предложить альтернативу местной валюте и платёжной системе, основанной на долларах⁷. Данные процессы имеют крайне негативные последствия для экономической стабильности США и, как следствие, для их союзников. Старший научный сотрудник Американского института экономических исследований Т. Хоган констатирует факт неплатёжеспособности Федерального резерва. По словам эксперта, ФРС должна Казначейству более 41 млрд долл., что превышает её общий капитал⁸.

Французский историк, социолог, социальный антрополог и журналист Э. Тодд также говорит о самоуничтожении США в связи с утратой национальной и религиозной идентичности [14].

ОТ «МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ, ОСНОВАННОЙ НА ПРАВИЛАХ» К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРОУСТРОЙСТВУ

По мнению российского исследователя С. Г. Верещагина, в XX–XXI вв. основными типами международных систем являются биполярная, однополярная и многополярная [5]. «Биполярное мироустройство характеризуется доминированием двух “полюсов” (биполярностью)», как это было в период холодной войны, когда на мировой арене доминировали США и СССР, многополярное представляет собой мировой порядок, при котором существуют несколько полюсов геополитического влияния – стран и их союзов, международных организаций [1; 4; 6; 11]. Е. М. Примаков в своей книге «Мысли вслух» утверждал, что многополярная мировая система начала складываться со времени окончания холодной войны [11]. По мнению П. Д. Симашенкова, современный двуполярный мир представлен «останками белой цивилизации» и исламизмом [13]. С. Г. Верещагин считает, что с 2010 г. мир находится в состоянии болезненного

⁷ Johnson-Calari J., Das A., Passacantando F. The “Weaponisation” of Money: Risks of Global Financial Fragmentation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2420.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).

⁸ Hogan T. L. The Fed Is Bankrupt // American Institute for Economic Research: [сайт]. URL: <https://www.aier.org/article/the-fed-is-bankrupt> (дата обращения: 02.03.2024).

перехода к полицентричной фазе своего существования с центрами силы в США, ЕС, РФ, Индии, Бразилии, Китае [5]. М. В. Антонов утверждает, что в основе современного полицентризма лежит не геополитическое противостояние Восток – Запад, но дифференциация мира на зоны преимущественной внутренней экономической интеграции, такие как Европейский союз, НАФТА – Североамериканская зона свободной торговли, зона «Большой китайской экономики», японоцентристский «ареал» интеграции с известным допуском группа стран АСЕАН и др. [1].

Хочется подчеркнуть, что современные исследователи отводят значительную роль в формировании многополярного мироустройства России. По мнению К. Беше-Головко, Россия взяла на себя роль лидера и нового центра силы, создавая новые международные организации, такие как БРИКС, Евразийский союз и др. [3]. Н. П. Рябченко отмечает, что Россия способна оказывать значительное влияние на мировой порядок благодаря своему географическому расположению между востоком и западом, а также обширной территории [12]. По мнению Верещагина, политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе должна строиться на балансировании, создании моделей взаимодействия с Западом, Китаем и другими государствами региона, которые в максимальной степени соответствовали бы российским интересам на других направлениях, в первую очередь обеспечению международной поддержки модернизации Сибири и Дальнего Востока [5].

Исследователи сходятся во мнении о том, что Специальная военная операция была начата Россией с целью укрепления собственной национальной безопасности [6; 7; 10; 13; 14; см. также: Amr W. A "Multipolar World": A Transformation in the Global System⁹].

Американский политолог, профессор Чикагского университета Дж. Миршаймер прямо указывает на то, что Специальная военная операция была развёрнута Россией на Украине в ответ на попытки США «превратить Украину в западный оплот на границе с Россией» и обеспечить её вступление в НАТО. Это было расценено Россией как экзистенциальная угроза¹⁰.

⁹ Amr W. A "Multipolar World": A Transformation in the Global System [Электронный ресурс]. URL: <https://modern diplomacy.eu/2022/10/17/a-multipolar-world-a-transformation-in-the-global-system/> (дата обращения: 05.03.2024).

¹⁰ Chotiner I. Why John Mearsheimer blames the US for the crisis in Ukraine // The New Yorker: [сайт]. URL: <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/why-john-mearsheimer-blames-the-us-for-the-crisis-in-ukraine> (дата обращения: 25.09.2024).

Э. Тодд соглашается с мнением Дж. Миршаймера, указывая в своей книге «Поражение Запада», что «в этой войне участвуют два противника: Соединённые Штаты и Россия». Исследователь считает, что победит Россия, поскольку для неё, в отличие от США, Украина является экзистенциальным вопросом [14; см. также: Chotiner I. Why John Mearsheimer blames the US for the crisis in Ukraine¹¹].

Российский политолог, профессор С. А. Караганов также считает начало СВО на Украине ответом России на попытки Запада «протащить» Украину в НАТО и сделать из неё «инструмент постоянного военно-политического давления на Россию» [8].

Большинство политологов сходятся во мнении о том, что Специальная военная операция на Украине стала катализатором процесса формирования нового многополярного мира [8; 14; см. также: Chotiner I. Why John Mearsheimer blames the US for the crisis in Ukraine¹²]. В своём интервью итальянскому новостному агентству «Курьер Болоньи» («Corriere di Bologna») Э. Тодд выразил мнение о том, что в случае победы России в данном конфликте НАТО распадётся, а Европа станет самостоятельной и перестанет подчиняться США¹³.

По мнению политолога Д. А. Ежова, с 2022 г. акторы мировой политики находятся в состоянии исторического выбора дальнейшего пути развития в связи с проведением Россией СВО на Украине. Исследователь отмечает, что наиболее реалистичным является сценарий развития событий, при котором мир будет многополярным, при этом Россия будет оставаться одним из центров силы благодаря своему значительному экономическому и военному потенциалу, включая ядерное оружие. Это позволяет стране оказывать существенное влияние во время принятия решений на мировой арене. Важную роль Д. А. Ежов отводит Китаю, который, по его мнению, будет придерживаться политики содействия межцивилизационным

¹¹ Chotiner I. Why John Mearsheimer blames the US for the crisis in Ukraine // The New Yorker: [сайт]. URL: <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/why-john-mearsheimer-blames-the-us-for-the-crisis-in-ukraine> (дата обращения: 25.09.2024).

¹² Chotiner I. Why John Mearsheimer blames the US for the crisis in Ukraine // The New Yorker: [сайт]. URL: <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/why-john-mearsheimer-blames-the-us-for-the-crisis-in-ukraine> (дата обращения: 25.09.2024).

¹³ Russian victory will liberate Europe – top French historian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rt.com/news/605486-russian-victory-free-europe-historian> (дата обращения: 25.08.2024).

обменам, являющимся источником поиска общего при сохранении различий. Такой подход к международной политике, очевидно, будет поддержан Россией и странами Ближнего Востока, что поспособствует сотрудничеству между государствами на разных уровнях. Кроме того, усиление позиций Бразилии и Индии также будет способствовать стабилизации ситуации на мировой арене. Однако, по мнению исследователя, в ближайшее время будут сохранять позицию лидера и США благодаря сильной экономике и технологическому превосходству [7].

Обобщая мнения российских политологов, высказанные во время XXI Международных Лихачёвских научных чтений, С. Б. Никонова обозначает два основных конфликта, возникших между сторонниками и противниками западного мироустройства. Во-первых, это конфликт, связанный с движением однополярного мира в сторону многополярности. Как известно, в российском обществе и политическом дискурсе преобладает идея многополярности, западный же мир отстаивает мнение о том, что многополярный мир является «злом», а однополярный, «основанный на правилах», наоборот, воплощает идеи «добра». С. Б. Никонова также отмечает, что представители обеих конфликтующих сторон представляют своего врага воплощением «зла». При этом исследователь подчёркивает, что западный мир, призывающий к сохранению однополярного мира в качестве гаранта развития и распространения идей демократии по всему миру, противоречит себе, настаивая на недемократической организации мировой системы, при которой единственно правильными являются достижения западных стран, а исторический опыт и связанные с ним устремления остальных народов мирового сообщества – априори недемократическими и, следовательно, не имеют право на воплощение. Вторым конфликтом являются ценности. Если ценности, выработанные европейским модерном, разделяются сторонниками как однополярного, так и многополярного мироустройства, то «новая этика», выдвинутая западным миром, вызывает неприятие и подвергается резкой критике со стороны оппонентов. По мнению С. Б. Никоновой, именно ценности, разделяемые обеими сторонами, могут стать основой для разрешения существующего конфликта [9].

Турецкий политический обозреватель К. Алкин считает, что глобальная пандемия и российско-украинский конфликт спровоцировали движение от «международной системы, основан-

ной на правилах» к многополярному мироустройству. При этом исследователь опасается, что мир может расколоться на изолированные блоки с «центрами силы», выделяющимися своей экономической, политической и военной мощью. Они не будут придерживаться глобальных стандартов в области защиты климата, продовольственной и водной безопасности, устойчивого развития и т. д. В этих условиях К. Алкин считает важным стремиться сохранить такие международные платформы, как, например, G20, где представители разных стран имеют возможность обсуждать «общее будущее»¹⁴. В этой связи хочется отметить, что опасения исследователя вряд ли являются обоснованными, принимая во внимание популярность новых международных организаций, таких как БРИКС, ШОС, ЕАЭС, в рамках которых представители стран, расположенных в разных географических зонах, имеют возможность обсуждать и принимать решения по вопросам, касающимся всех сфер жизни мирового сообщества.

Египетский исследователь и правозащитник А. Вагди полагает, что кризис на Украине показал, что возможности США не безграничны, Вашингтону не удалось осуществлять свою политику в данном регионе только лишь за счёт силового давления, а экономические санкции, наложенные США, Европой и их союзниками на Россию с целью вынудить её остановить Специальную военную операцию на Украине, серьёзно ослабили экономику как самих США, так и Европы и спровоцировали торможение процессов глобализации. Всё это, считает египетский политолог, может привести к необходимости создания новых правил функционирования мировой экономики. Кроме того, следуя примеру России, другие страны также будут стараться отстаивать свои национальные интересы, невзирая на мнение Вашингтона, что будет иметь долгосрочные последствия для баланса сил в международной системе¹⁵.

Известный американский политолог Ф. Батлер также утверждает, что объективные реалии чётко указывают на процессы, свидетельствующие о становлении многополярного мира, несмотря на все усилия западных политиков и пропаган-

¹⁴ Alkin K. 'Çok kutuplu dünya'mı, 'izole bloklar dünyası' mı? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/kerem-alkin/2022/04/22/cok-kutuplu-dunyami-izole-bloklar-dunyasi-mi> (дата обращения: 02.05.2024).

¹⁵ Amr W. A "Multipolar World": A Transformation in the Global System [Электронный ресурс]. URL: <https://modern diplomacy.eu/2022/10/17/a-multipolar-world-a-transformation-in-the-global-system> (дата обращения: 05.03.2024).

дистов остановить этот процесс. В качестве обоснования своей точки зрения политолог приводит в пример такие факты, как укрепление российско-индийского сотрудничества в области обороны, встречи руководителей российских и индийских фармацевтических компаний и увеличение импорта в Индию из России на 400%. Исследователь также говорит об укреплении сотрудничества между Россией и Китаем, указывая на то, что страны провозгласили «новый многополярный порядок» на саммите БРИКС и на встрече членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Кроме того, уходят в прошлое времена враждебных отношений между Индией и Китаем, при этом, по мнению политолога, Индия по праву считает себя главным полюсом мировой политики¹⁶. В целом исследователи сходятся во мнении о том, что новый многополярный мир должен строиться на взаимном уважении ценностей и интересов друг друга [6; 7; 9; 11; 14; см. также: Chotiner I. Why John Mearsheimer blames the US for the crisis in Ukraine¹⁷].

Невозможно не согласиться с российским исследователем А. Н. Даниловым в том, что многополярность современного мира должна основываться на признании универсальных ценностей. Автор указывает, что реальный современный мир многополярен и возможен как устойчивый только в качестве всечеловеческого, многоцивилизационного. При этом автор противопоставляет однополярный мир, признающий ценности только западных культур, миру многополярному, в котором будут признаны всеми игроками общечеловеческие ценности, сформулированные на основе диалога культур, подразумевающего исследование и анализ национальных ценностей всех существующих народов и граждан [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ мнений российских и зарубежных политологов показывает, что однополярный мир, сформировавшийся в результате распада СССР и ослабления российской государ-

¹⁶ Butler Ph. The West's Denial Strategy and the Surfacing Multipolar World [Электронный ресурс]. URL: <https://journal-neo.su/2023/04/05/the-wests-denial-strategy-and-the-surfacing-multipolar-world> (дата обращения: 25.09.2024).

¹⁷ Chotiner I. Why John Mearsheimer blames the US for the crisis in Ukraine // The New Yorker: [сайт]. URL: <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/why-john-mearsheimer-blames-the-us-for-the-crisis-in-ukraine> (дата обращения: 25.09.2024).

ственности в 1990-е гг., постепенно уступает место многополярному мироустройству, обеспечивающему глобальную экономическую и политическую стабильность.

Одним из главных катализаторов становления многополярного мира стало проведение Россией СВО на Украине с целью отстаивания собственных национальных и государственных интересов. С точки зрения исследователей, достигнутые Российской Федерацией успехи укрепили её позиции в мире и позволили бросить вызов устоявшемуся однополярному миропорядку, «основанному на правилах».

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов М. В. Содержание и тенденции формирования многополярности современного мира // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. №2. С. 36–41.
2. Барский К. М. «Восточный вектор» начертил Примаков [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2016. №10. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1746> (дата обращения: 25.08.2024).
3. Беше-Головко К. Многополярный мир [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Оборона. 2018. №3. URL: <https://www.nojournal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-3-16/article-0162> (дата обращения: 25.08.2024).
4. Буровский А. М. Мир двухполярный, однополярный, многополярный и бесполярный // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2022. №1. С. 36–54.
5. Верещагин С. Г. Геополитический баланс сил в XXI в.: переход от однополярного мира к великому переселению народов в Европу // Теория и практика общественного развития. 2015. №19. С. 122–125.
6. Данилов А. Н. Современный многополярный мир – мир всечеловеческий, многоцивилизационный // Социологический альманах. 2021. №12. С. 15–19.
7. Ежов Д. А., Жаркова Е. С., Филимонова К. Р. Мировой порядок после 2022 года: сценарии трансформации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. №4. С. 10–16.
8. Караганов С. Это надо прямо назвать Отечественной войной // Профиль: [сайт]. URL: <https://profile.ru/politics/sergej-karaganoveto-nado-pryamo-nazvat-otechestvennoj-vojnoj-1167557> (дата обращения: 25.08.2024).

9. Никонова С. Б. Многополярный мир и спор о ценностных приоритетах. Обзор XXI Международных Лихачевских научных чтений // Философия и культура. 2023. №8. С. 148–158.
10. Попов П. Л. Образы России в контексте проблематики однополярности либо многополярности мира // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. №17. С. 85–97.
11. Примаков Е. М. Мысли вслух. М.: Российская газета, 2011. 205 с.
12. Рябченко Н. П. Сколько у мира полюсов? (к вопросу о многополярности) // Россия и АТР. 2010. №1. С. 70–77.
13. Симашенков П. Д. Биполярный мир в геополитическом и историческом ракурсах // Гуманитарные научные исследования. 2015. №4-1. С. 37–40.
14. Тодд Э. Поражение Запада / пер. с фр. Н. Жиро. М.: АСТ, 2024. 320 с.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Olga V. Semaeva

- e-mail: semaewa.olga@yandex.ru,
Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof.,
Department of Foreign Languages and Intercultural Communication,
Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskii pr-t 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

Anastasiya N. Kieva

- e-mail: anasstttassia@gmail.com,
Student, Department of Political Science,
Faculty of Social Sciences and Mass Communications,
Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskii pr-t 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

For citation

Semaeva O. V., Kieva A. N. Consequences of the special military operation in Ukraine for the modern world: assessments of political scientists. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To analyze the opinions of political scientists about the consequences of the start of the special military operation in Ukraine for the modern world.

Methodology. Qualitative text analysis was used as the main research method. The works of Russian and foreign political scientists, who studied the consequences of the start of the special military operation in Ukraine for the modern world, were studied and summarized.

Results. The conducted research suggests that, according to Russian and foreign political scientists, the political and social processes taking place in Russia have a significant impact on the life of the world community. The unipolar world order which is characterized by the hegemony of the West, carried out through the organization of "color revolutions", the outbreak of wars in different parts of the world, and the decline in the standard of living of most of the world's population, was the result of the economic

and political weakening of Russia in the 1990s. The strengthening of the Russian state in the first quarter of the 2000s, and open opposition to the West by defending its own national interests, including during the special military operation in Ukraine, accelerated the formation of a multipolar world.

Research implications. The analysis of the opinions of Russian and foreign political scientists on the consequences of the start of the special military operation in Ukraine for the world community, conducted in the framework of this study, in the future may contribute to the creation of a historical narrative aimed at uniting Russian society.

Keywords

Russian national interests, unipolar world, rules-based world, multipolar world, national interests, international organizations, Special military operation, dollar weaponization

References

1. Antonov M. V. [Contents and tendencies of formation of modern world's multipolarity]. In: *Izvestiya vy'sshix uchebny'x zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvenny'e nauki* [University proceedings. Volga region], 2013, no. 2, pp. 36–41.
2. Barsky K. M. ["The Eastern Vector" was drawn by Primakov]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Life], 2016, no. 10. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1746> (accessed: 25.08.2024).
3. Bechet-Golovko K. [Multi-polar World: the question of the possibility of the existence and the role of Russia in its development]. In: *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defense], 2018, no. 3. Available at: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-3-16/article-0162> (accessed: 25.08.2024).
4. Burovsky A. M. [The world is bipolar, unipolar, multipolar and non-polar]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika* [Bulletin of Moscow University. Series 27: Global studies and geopolitics]. 2022, no. 1, pp. 36–54.
5. Vereshchagin S. G. [Geopolitical balance of powers in the twenty-first century: transition from a unipolar world to the great migration to Europe]. In: *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 19, pp. 122–125.
6. Danilov A. N. [The modern multipolar world is an all-human, multi-civilization world]. In: *Sociologicheskij al'manax* [Sociological Almanac], 2021, no. 12, pp. 15–19.

7. Ezhov D. A., Zharkova E. S., Filimonova K. R. [The world order after 2022: transformation scenarios]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki* [Bulletin of Tula State University. Humanities], 2022, no. 4, pp. 10–16.
8. Karaganov S. [This should be directly called the Patriotic War]. In: *Profil'* [Profile]. Available at: <https://profile.ru/politics/sergej-karaganoveto-nado-pryamo-nazvat-otechestvennoj-vojnoj-1167557> (accessed: 25.08.2024).
9. Nikonova S. B. [Multipolar world and the dispute over value priorities. Review of the XXI International Likhachev Scientific Readings]. In: *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2023, no. 8, pp. 148–158.
10. Popov P. L. [The images of Russia in the context of issues of unipolar or multipolar world order]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies], 2016, no. 17, pp. 85–97.
11. Primakov E. M. *My'sli vslux* [Thoughts out loud]. Moscow, Rossiyskaya Gazeta Publ., 2011. 205 p.
12. Ryabchenko N. P. [How many poles of the world? (on the multipolarity)]. In: *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region], 2010, no. 1, pp. 70–77.
13. Simashenkov P. D. [The bipolar world in geopolitical and historical perspective]. In: *Gumanitarny'e nauchny'e issledovaniya* [Humanities scientific researches], 2015, no. 4-1, pp. 37–40.
14. Todd E. La Défaite de l'Occident (Rus. ed.: Zhiro N., transl. *Porazhenie Zapada*. Moscow, AST Publ., 2024. 320 p.).

БУДУЩИЕ ИМПЕРИИ: ВАРИАНТЫ, КОНФИГУРАЦИИ, ЛИНИИ РАСКОЛОВ В ВЕДУЩИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФИЛОСОФСКОЙ ФАНТАСТИКИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Черняховская Юлия Сергеевна

- e-mail: julcher1@yandex.ru;
доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
руководитель Центра исследований политической культуры;
Российский научно-исследовательский институт
культуры и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
19072, г. Москва, Берсеневская наб., д. 18-20-22, стр. 3,
Российская Федерация

Для цитирования

Черняховская Ю. С. Будущие империи: варианты, конфигурации, линии расколов в ведущих произведениях философской фантастики конца XX – начала XXI вв. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 22.09.2024
- Статья размещена на сайте 28.12.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Модель «Вавилона-5»](#)

[Модель видеоигры «Mass Effect» \(2007–2017\)](#)

[Модель диалогии «Звёзды – холодные игрушки / Звёздная тень»](#)

[С. Лукьяненко \(1996–1997\)](#)

[Закключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировав несколько моделей прошлого и будущего, сравнить их и сделать выводы относительно того, как изменилось видение империи с течением времени и какие основания создания империй оказываются более эффективными, а также проанализировать, чем империи будущего должны оказаться отличными от империй прошлого. Целью данной работы является также введение в научный оборот нового пласта источников, содержащих осмысление проблем и противоречий империи как явления. В статье автор акцентирует внимание на образах империй будущего, сформированных в произведениях научной фантастики конца XX – начала XXI вв.

Процедура и методы. На основе трёх отобранных для анализа произведений, в которых моделируются будущее и прошлое имперского типа, автор статьи проводит компаративный анализ этих моделей.

Результаты. Автор приходит к выводам о мере востребованности тех либо иных черт классических империй в будущем и их предстоящей адаптации применительно к новым историко-цивилизационным условиям. Так, непрочной оказывается модель объединения, основанного на личной власти, личном авторитете и силе применительно к разнородным народам, нарушающих их культурно-конфессиональный суверенитет, тогда как объединение столь же разных народов, стоящих перед схожими вызовами и сплочённых общим действием, ведёт к согласию, а также несёт в себе тенденцию к упрочению единства даже при принадлежности к разным культурам и верованиям.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в углублении представлений о закономерностях развития крупных полиэтнических и поликонфессиональных образований, также обозначаемых термином «империя». Результаты исследования могут быть использованы при анализе развития современных государственных образований и в учебных курсах по политологии, философии и истории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

империя, хаос, порядок, цивилизация, фантастика, фэнтези, художественная футурология, идеальное конструирование

ВВЕДЕНИЕ

Концепт «империи» набирает всё большую популярность в последнее время. Отношение к понятию «империи» меняется не только в оценочном плане, но и в смысле расширения границ значения термина [1–3; 5–8]. «Империя» зачастую становится объектом осмысления не только академической философии, но и художественной литературы [4], причём масштаб интереса к этому явлению таков, что оставлять без внимания этот огромный пласт источников представляется несправедливым.

Данная статья выполнена в рамках масштабного исследования, сконцентрированного на образах империй прошлого и будущего в художественных философских текстах.

В трёх отобранных для анализа произведениях (телесериал «Вавилон-5», видеоигра «Mass Effect», роман-диалогия С. Лукьяненко «Звёзды – холодные игрушки / Звёздная тень») моделируется будущее имперского типа и анализируются отношения империи будущего с воплощениями порядка и хаоса, анализируется взаимосвязь между этапами умирания и расцвета империи и обращением к образам прошлого и будущего в фантастике и фэнтези как формах осмысления современного политического опыта и перспектив развития политической современности в художественно-фантастической форме.

Данные три произведения имеют ряд общих черт, таких как: будущее Земли в них представляет собой критическую утопию; Земля вышла в космос, однако не построила идеального общества; Земля вступила в планетарное сообщество, однако не заняла или только начинает занимать в нём твёрдые политические позиции; Земля будущего представляет собой своего рода усреднённый вариант развития, в котором не восторжествовали никакие радикальные тенденции и общество стало кардинально отличаться от сегодняшнего.

Земля во всех трёх моделируемых ситуациях объединилась до состояния планетарного государства, внутренние противоречия до некоторой степени были преодолены, но только до некоторой степени. Их существование продолжает создавать внутренние конфликты, но позволяет Земле до определённого момента действовать на уровне межпланетного содружества как единому политическому субъекту. Своего рода увеличенный и более многообразный вариант земного сообщества можно найти в Содружестве / Альянсе современных действи-

ям произведения космических сил. Это Содружество в каждом из трёх случаев имеет определённые важные отличия и особенности.

Однако на более глубоком уровне во всех трёх моделях стоят две сверхрасы, представляющие собой олицетворение абсолютного порядка, с одной стороны, и абсолютной свободы или абсолютного хаоса – с другой.

Таким образом, моделируя данную трёхступенчатую структуру, авторы всех трёх произведений моделируют и ряд ключевых, на их взгляд, проблем, перед которыми встанет империя объединённого человечества в будущем: во-первых, внутренние противоречия (свои в каждой из трёх моделей), во-вторых, планеты межнационального взаимодействия на межпланетном уровне (также свои в каждом из трёх случаев) и, в третьих, единые для всех трёх моделей проблемы отношений с высшими силами, абстракциями порядка и хаоса, которые, тем не менее, в каждом из трёх случаев также имеют свою специфику.

МОДЕЛЬ «ВАВИЛОНА-5»

Первое из произведений – фантастическая киноэпопея «Вавилон-5», созданная в конце 90-х гг. XX в.

Она предлагает рассмотреть человечество как молодую расу с единым планетарным правительством, вышедшую, тем не менее, на уровень сильнейших существующих космических держав, внутренние перипетии которого и противостояние между однополюсным тираническим и многополюсным демократическим векторами в котором разрешается в результате восстания Космофлота, свержения тиранически ориентированного, представляющего Северную Америку президента Кларка и занятия этого поста представителем Российского Союза (при том что сериал является американским). Человечество в «Вавилоне-5» – одна из молодых рас, но в недавнем прошлом выдержавшая жестокую войну с одной из существующих космических империй – Минбаром. Однако обстоятельства завершения этой войны не так однозначны – человечеству удалось победить не военной силой, минбарцы прекратили конфликт, когда их исследования показали существование связи между представителями человечества и Минбара – они верят, что в людей переселяются души умирающих минбарцев. Хотя фактически достоверность этого наблюдения не только не дока-

зана, но и ставится под сомнение дальнейшим развитием сюжета, сама её декларация ставит землян в положение своего рода наследников Минбара. И, руководствуясь своей верой, минбарцы на основе этого мирного союза выступают инициаторами создания нового, уже межпланетного союза.

Основой Содружества становятся пять империй (намёк на пятёрку постоянных членов Совбеза ООН). Первая из них – собственно Минбар. Это цивилизация под управлением так называемого Серого Совета, в который входят лучшие представители каждой из трёх минбарских каст – воинов, жрецов и мастеров. Однако де-факто все три касты довольно сильно проникнуты специфической духовно-религиозной культурой, смутно похожей на компиляцию из различных религиозных течений Азии.

Второй империей становится человечество – Земная Федерация, – типично демократическая в земном смысле республика под управлением Президента Земли и земных колоний.

Третья империя – угасающая империя Центавр, мечтой лучших представителей которой становится возрождение былого величия. Центавр – империя в буквальном смысле, он находится под управлением императора, на которого в отдельные периоды сильное влияние оказывает верхушка аристократии, – с явным намёком на цивилизацию западного типа.

Четвёртый участник Содружества – Республика Нарн, достаточно молодая, нарождающаяся империя, недавно вышедшая из-под власти Центравра. Основной целью Нарна является сохранение суверенитета, прежде всего от Центавра.

И пятый, последний участник Альянса – одна из двух древних рас, сверхимперия Ворлон, о которой известно достаточно мало, но которая, предположительно, является истинным катализатором создания нового Альянса.

Общая линия сюжета восходит к началу войны Земли с Минбаром, ставшей результатом характерной «проблемы первого контакта» – одна сторона, не зная традиций другой, принимает её вежливое приветствие за угрозу нападения. И фактически эта проблема взаимоотношения разных культур – один из ключевых конфликтов произведения и, соответственно, ключевой конфликт создания империи в понимании автора эпопеи М. Стражински. Однако в то же время внутри каждой цивилизации развиваются свои вертикальные конфликты, и каждая гипотетическая линия развития культуры открывает себя как

в позитивном, так и в негативном ключе. Для минбарцев это противостояние касты воинов с кастой жрецов, для Центавра – пограничные ситуации, возникающие при абсолютизации стремления к возвращению имперского величия. Для Земли – это угроза тирании, которая в определённый момент приходит на смену демократическому управлению, которая приводит к тому, что восстановление правового государства возможно только посредством отказа от следования законам и открытой конфронтации с незаконным правительством. Однако для Земного содружества также характерны и конфликт между центром (Землёй) и колониями (Марсом), и более сложный, неполитический конфликт, связанный с возникновением людей нового уровня эволюции – телепатов. Войне телепатов посвящена отдельная трилогия в рамках общего цикла.

Все перечисленные цивилизации так или иначе находятся приблизительно на одном уровне развития, в то время как ворлонцы – наиболее закрытая из всех и, как становится ясно со временем, значительно более старшая цивилизация.

Истинная роль ворлонцев в мировом устройстве проясняется, когда союз встречает корабли новой, до тех пор неизвестной цивилизации, – Теней.

Тени и ворлонцы – две сверхимперии, принадлежавшие предыдущему поколению цивилизаций, освоивших галактику. В то время как большая часть этих цивилизаций ушла за так называемый «Предел», ворлонцы и Тени, вечные враги, были оставлены, чтобы содействовать развитию рас нового поколения. Однако пути, которые исповедуют эти две расы, противоположны.

Ворлонцы – своего рода «пастухи вселенной». Проникая в среду развивающихся цивилизаций, они создают фактически культ себя самих, выступая в роли богов. Можно предположить, что таким образом на разных планетах они проповедуют свои этические системы и вплоть до последнего кризиса стараются вести цивилизации вверх по пути мирного развития. Однако перед угрозой полного уничтожения всех миров они берутся полностью искоренить планеты, заражённые союзом с Тенями, целиком уничтожая всё, что касалось их давних врагов.

В свою очередь, Тени исповедуют путь естественного отбора. Каждый раз, когда цивилизации доходят до определённого уровня развития, Тени, проникая в них, разжигают конфлик-

ты между планетарными империями для того, чтобы выжили сильнейшие и более достойные – согласно их этике.

МОДЕЛЬ ВИДЕОИГРЫ «MASS EFFECT» (2007–2017).

В цикле видеоигр на первый взгляд похожий конфликт лежит между двумя расами, которые можно было бы назвать «предтечами». Две сверхцивилизации в этом мире давно покинули арену противостояния, однако от протеанцев – первой из них – осталось множество руин и артефактов, которые и сейчас способны влиять на развитие тех или иных событий. Протеанцы (как и ворлонцы из «Вавилона») стали объектом поклонения ряда цивилизаций, однако, в отличие от ворлонцев, они имеют более веские основания получить статус богов: протеанцы действительно способствовали развитию цивилизаций, в том числе, возможно, и зарождению разума на части планет.

Жнецы, в свою очередь, занимают в этой вселенной место Теней, однако это сходство на деле оказывается не таким большим: как и Тени, они становятся катализатором многократной гибели вышедших в космос цивилизаций. Как и в случае с «Вавилоном-5», весь процесс освоения Вселенной в «Mass Effect» цикличен, но если в «Вавилоне-5» причина гибели цивилизаций каждого цикла обоснована стремлением Теней отселекционировать наиболее сильные расы, то в «Mass Effect» Жнецы не преследуют никаких альтруистичных целей, уничтожение очередной волны колонизации необходимо им для собственного выживания.

Протеанцы также не являются этическими пастухами Вселенной. Фактически, если сопоставлять древние расы и их пророчества с божественными силами, Бог в этой Вселенной уже мёртв. Предтечи оставили своих наследников и не заинтересованы в их судьбе.

Однако их место, как и в случае с «Вавилоном-5», занимают более молодые, но и наиболее сильные расы нового поколения. Если в «Вавилоне-5» это почти прямые наследники варлонцев – минбарцы и те, кого они привлекают в свой новый союз, то в «Mass Effect» межзвёздному союзу уже около тысячи лет, и он основан двумя расами-противоположностями – азари и саларианцами. Основную правящую роль в межпланетном обществе, находящемся под управлением Совета-триумвирата, играют азари и саларианцы.

Азари – раса философов и учёных, которую можно было бы назвать матриархальной, так как она целиком состоит из женщин. Для продолжения рода азари используют союзы с другими расами, распространённые настолько, что чистокровные азари считаются не совсем полноценными членами общества. Под этим укладом стоит осмысленная теория: азари считают постоянный обмен с другими расами необходимым условием совершенствования собственной расы. Союзы, в которые они вступают, носят в первую очередь духовный характер, так как мать-азари, проникая в разум своего партнёра, изучает культуру, традиции, ценности его народа для того, чтобы взять для своего потомства лучшее из этого. Азари достаточно миролюбивы, и их условно можно было бы назвать «сердцем» альянса.

Второй столп межзвёздного содружества – раса саларианцев, учёных-естественников. Противопоставление этих рас сразу же напоминает старые дискуссии о физиках и лириках эпохи расцвета научно-технического романтизма.

В то время как азари фигурируют в истории в основном как историки, культурологи, археологи, саларианцы зачастую – биологи или физики. Азари живут несколько сотен лет, жизнь же саларианца длится около сорока земных лет. При изучении истории межзвёздного содружества может показаться, что во многих конфликтах, поставивших под угрозу существование альянса, виноваты саларианцы – их решения часто бывают опасны и радикальны. Однако маловероятно, что такой перекос действительно существует. Все решения – в том числе заложившие угрозы этой условной галактической империи – принимаются совместно.

Третьим участником совета всегда были те, кто выполнял роль силовиков.

В то время как азари были основателями, а саларианцы – их партнёрами, раса, выполнявшая при них роль своего рода «исполнительной власти», сменялась дважды. Это всегда некие ставленники двух основных рас Совета, причём изначально это место занимают кроганы, чью цивилизацию азари и саларианцы в буквальном смысле подняли из руин.

Конфликт вокруг судьбы кроганов, как представляется, один из характерных для всей концепции. Приняв помощь Совета, состоявшего на тот момент, очевидно, из азари и саларианцев, кроганы – глубоко военнизированная цивилизация, уничтожившая большую часть своей культуры в атомной во-

йне, – на какое-то время спасла себя от умирания и стала не просто одним из многих участников альянса, но и третьим членом совета. Кроганы выполнили возложенную на них роль, защитив альянс от внешних врагов, после чего, как стало ясно, стали представлять угрозу для членов альянса.

Кроганы – одна из трёх рас, которым Совет уготовил роль «полицейских Вселенной».

Кроганы живут сегодняшним днём, их выход в космос фактически не обусловлен внутренними причинами, а стал следствием решения Совета. И в этическом плане, и в цивилизационном кроганы не изменились. Это народ солдат-наёмников, практически не развивающих науку и не заботящихся о завтрашнем дне. После их выхода в космос оказывается, что численность кроганов стала несоразмерно увеличиваться, они начинают представлять угрозу для Совета, и Совет принимает решение провести двойные меры: во-первых, саларианцы разрабатывают «генофаг», биологическое оружие, которое призвано контролировать рождаемость кроганов таким образом, что большая часть их младенцев будет рождаться мёртвыми. Первоначально генофаг предполагается использовать для устрашения, но второе решение Совета ведёт к тому, что он оказывается пущен в ход. Это второе решение – поиск альтернативы кроганов в лице нового «силовика Альянса» – расы турианцев. Это также раса воинов, но если кроганов можно сравнить с варварами, то турианцы больше похожи на средневековых рыцарей, они имеют определённые представления о чести, и тем не менее во главу угла ставят военную доблесть. Именно они настаивают на том, чтобы генофаг против кроганов был задействован в борьбе с последними.

Проходит определённое время, и Совет снова начинает искать новую расу на роль своего силовика, на сей раз их взгляды обращены к человечеству. Причиной этого становится, очевидно, то, что они начинают видеть угрозу и в турианцах.

«Спектр» турианцев становится предателем и выступает против Совета. Концепт «спектра» – последний из тех, которые необходимо обозначить в рамках данного исследования, потому что он также становится ключевым для всего цикла.

«Спектры» – своего рода исполнители особых поручений Совета, происходящие теоретически из различных рас, но главный, подтекстовый смысл этой должности можно раскрыть в научно-технической базе игры: «Как выглядит окружающий

мир из окна корабля, двигающегося с сверхсветовой скоростью? ... Скорость света ... становится причиной преломления – если свет направлен под углом, он преломляется и разделяется на спектр. Объекты за пределами корабля будут выглядеть преломлёнными. Чем больше разница между объективной и субъективной скоростью, тем заметнее будет преломление...». Иными словами, с большого расстояния и на большой скорости множество объектов сливается, образуя два множества – синее и красное, добро и зло. Спектр – это эффект этого преломления и одновременно тот, кто не может позволить себе рассматривать каждую деталь, вынужден судить и принимать решения в условиях постоянного сверхсветового движения.

Второй столь же важный концепт, пронизывающий всё произведение, – «эффект массы», послуживший и названием для игры. Речь идёт о том, что по мере накопления энергии или массы в любом объекте он неуклонно приближается к взрыву, если потенциальная энергия не будет разряжена. И это верно как для физических объектов, так и для самой политической системы межзвёздного альянса.

МОДЕЛЬ ДИЛОГИИ «ЗВЁЗДЫ – ХОЛОДНЫЕ ИГРУШКИ / ЗВЁЗДНАЯ ТЕНЬ» С. ЛУКЬЯНЕНКО (1996–1997)

Наконец, третье из отобранных для анализа произведений – диалогия, в которой можно увидеть такую же трёхслойную структуру конфликта.

Земля в модели Лукьяненко, хоть и вышла в космос, крайне не мало отличается от Земли сегодняшней. Она не переживала атомной войны и не превращалась в тоталитарную антиутопию – просто стагнировала, принесла в космос все свои прежние конфликты. Она, по сути, вовсе не является империей и в новом межзвёздном содружестве заняла место «слабой», неравноправной расы, приняв узкоутилитарную роль звёздных «извозчиков».

Межзвёздное содружество миров состоит из так называемых сильных и слабых рас. Практически это такая же система, как и в «Mass Effect», где есть расы, входящие в Совет, и есть просто состоящие в Содружестве, и в «Вавилоне-5», где есть Совет и есть «Лига неприсоединившихся миров», представите-

ли которой имеют право слова, но не имеют права решающего голоса.

Однако во всех трёх моделях различаются как фактор, делающий расу представителем той или иной группы, так и степень разделения прав. Так, «Вавилон-5» в этом плане почти утопичен, и ряд метафор в сюжете в целом говорит о том, что он сознательно заимствует образы Круглого Стола для создания этой модели «империи будущего». В «Mass Effect» этичность разделения неоднозначна, в «Звёздах – холодных игрушках» же об этике не идёт и речи.

И если во многих других конструкциях предполагается, что особые способности той или иной расы должны были бы дать ей преимущества и возможность войти в число сильных рас, то здесь ситуация развивается прямо противоположным образом – сильные расы подходят к вновь открытым молодым цивилизациям чисто утилитарно и, определив их способности (такие как способность к скоростным межзвёздным перелётам у землян), отводят им узкоспециализированную функцию внутри Содружества.

Это и становится причиной того, что среди младших рас зреют собственные альянсы против рас сильных.

Основным импульсом к началу такой организованной борьбы становится появление в обозримом пространстве новой расы – «геометров». А через некоторое время и их главных противников – «Звёздной Тени».

Геометры и Звёздная Тень по масштабу и смыслу своего противостояния могут быть сопоставлены с Ворлоном и Тенями из «Вавилона-5». В то время как первые (как Геометры, так и Ворлон) представляют собой абсолютизацию идеи порядка, вторые – Звёздная Тень и Тени – абсолютизацию идей хаоса и свободы. Обе стороны выдвигают свои проекты создания идеальной империи. Для Геометров это достаточно благополучный мир, предельно упорядоченный, безопасный и мирный для тех, кто согласился к нему присоединиться, достигнутый путём регресса тех, кто не хотел мира. Для Звёздной Тени это мир абсолютного свободного выбора, где каждая планета живёт даже не по своим законам, а согласно глубинным, подсознательным устремлениям своих обитателей, а каждый индивид, вступая во врата Звёздной Тени, попадает на планету, идеально соответствующую таким его устремлениям, – но по факту не имеет возможности осознано выбрать свою судьбу.

Земля в конечном итоге оказывается на перепутье, какую стратегию развития выбрать. Как и в «Вавилоне-5», земляне выбирают собственный путь, а родство с одной из сверхрас даёт им возможность отстоять свою позицию перед галактическим альянсом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сказать, что все три источника заслуживают более глубокого анализа и осмысления. В рамки данной статьи удалось уместить только поверхностный анализ основных характеристик и базовых черт конструкторов империи будущего, её истоков и путей развития. Практически не затронутыми остались проблемы культурного суверенитета внутри империи, а также условия и причины её становления. Кроме того, приведённые источники – лишь три примера из огромного массива художественно-литературных произведений, порой очень глубоко анализирующих поставленную в статье проблему. Всё это может послужить темой и основой для дальнейших научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейник Е. В. Проблемы определения термина «империя» в современной политологии // Наука и образование – важнейший фактор развития общества в современных условиях: материалы XI Международной научно-практической конференции. Караганда: Кент – LTD, 2024. С. 231–235.
2. Гайда Ф. А. Официальное понимание «империи» в России начала XVIII – начала XX века // Тетради по консерватизму. 2022. №1. С. 56–64.
3. Грачев Н. И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2012. №2. С. 18–28.
4. Луньков М. И. Технологическое развитие империи будущего в романе Аркади Мартин «Память, что зовётся империей» // Актуальные проблемы современной филологии: материалы научно-практической конференции с международным участием. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2024. С. 18–21.
5. Пуздрач Ю. В. Империя. Основные принципы // Право и государство: теория и практика. 2024. №7. С. 69–72.

6. Санькова С. М., Шевченко М. А. Имперский дискурс в творчестве М. О. Меньшикова // Тетради по консерватизму. 2022. №1. С. 297–307.
7. Сквозников А. Н. Нетипичные формы государственного устройства: на примере империи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2024. №1. С. 20–27.
8. Тальская О. Д. Феномен империй в современных политических теориях // Социально-гуманитарные знания. 2017. №2. С. 341–347.

ARTICLE INFORMATION

Author

Yulia S. Chernyakhovskaya

- e-mail: julcher1@yandex.ru,
Dr. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Leading Researcher,
Head of the Center for the Study of Political Culture,
Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage
named after D. S. Likhachev
Bersenevskaya nab. 18-20-22 / 3, Moscow 19072, Russian Federation

For citation

Chernyakhovskaya Yu. S. Future empires: variants, configurations, and lines of split in the leading works of philosophical science fiction of the late 20th–beginning of the 21st centuries. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Absract

Aim. Having analyzed several models of the past and the future, to compare them and draw conclusions about how the vision of empire has changed over time and which grounds for creating empires are more effective, as well as to analyze how the empires of the future should be different from the empires of the past. The purpose of this work is also to introduce into scientific circulation new sources containing an understanding of the problems and contradictions of empire as a phenomenon. In the article, the author focuses on the images of empires of the future shaped in the works of science fiction of the late XX – early XXI centuries.

Methodology. Based on three works selected for analysis, in which the future and the past of the imperial type are modeled, the author of the article conducts a comparative analysis of these models.

Results. The author comes to conclusions about the extent to which certain features of classical empires will be in demand in the future as well as their upcoming adaptation to new historical and civilizational conditions. Thus, the model of unification based on personal power, personal authority and strength turns out to be fragile in relation to diverse peoples who violate their cultural and confessional sovereignty, whereas the unification of equally diverse peoples facing similar challenges and united by common

action leads to harmony and carries a tendency to strengthen the unity even with belonging to different cultures and beliefs.

Research implications. The research deepens the understanding of the patterns of development of large multi-ethnic and multi-confessional formations also referred to by the term “empire”. The results of the study can be used in the analysis of the development of modern state entities and in training courses on political science, philosophy and history.

Keywords

empire, chaos, order, civilization, science fiction, fantasy, artistic futurology, ideal construction

References

1. Aleinik E. V. [Problems of defining the term “empire” in modern political science]. In: *Nauka i obrazovanie – vazhnejshij faktor razvitiya obshchestva v sovremennyx usloviyax: materialy` XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Science and education are the most important factor in the development of society in modern conditions: materials of the XI International scientific and practical conference]. Karaganda, Kent – LTD Publ., 2024, pp. 231–235.
2. Gaida F. A. [The official understanding of “empire” in Russia in the 18th – early 20th centuries]. In: *Tetradì po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2022, no. 1, pp. 56–64.
3. Grachev N. I. [Empire as a form of state: definition and characteristics]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudenciya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence], 2012, no. 2, pp. 18–28.
4. Lunkov M. I. [Technological development of the empire of the future in the novel by Arkady Martin “Memory Called Empire”]. In: *Aktual'ny'e problemy` sovremennoj filologii: materialy` nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem* [Actual problems of modern philology: materials of the scientific and practical conference with international participation]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V. P. Astaf'eva Publ., 2024, pp. 18–21.
5. Puzdrach Yu. V. [Empire. Basic principles]. In: *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and state: theory and practice], 2024, no. 7, pp. 69–72.
6. Sankova S. M., Shevchenko M. A. [Imperial discourse in the works of M.O. Menshikov]. In: *Tetradì po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2022, no. 1, pp. 297–307.
7. Skvoznikov A. N. [Atypical forms of government: the example of an

empire]. In: *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences], 2024, no. 1, pp. 20–27.

8. Talskaya O. D. [The phenomenon of empires in the modern political theories]. In: *Social'no-gumanitarny'e znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2017, no. 2, pp. 341–347.

УДК 321.728

МОДЕЛИ СОВЕЩАТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ НОРМАТИВНОГО ОБОСНОВАНИЯ

Шавеко Николай Александрович

- e-mail: Shavekonikolai@gmail.com;
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник;
Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук, Удмуртский филиал
426004, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4,
Российская Федерация

Для цитирования

Шавеко Н. А. Модели совещательной демократии: основные способы нормативного обоснования // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 18.09.2024
- Статья размещена на сайте 28.12.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Эми Гутманн и Дэнис Томпсон](#)

[Юрген Хабермас](#)

[Карлос Сантьяго Нино](#)

[Варианты синтеза](#)

[Роберт Гудин и «рефлексивная демократия»](#)

[Закключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Статья направлена на то, чтобы рассмотреть несколько типичных моделей совещательной (делиберативной) демократии и осуществить критический анализ аргументации, приводимой соответствующими авторами в поддержку своих моделей.

Процедуры и методы. Используются методы сравнительного, нормативного, критического анализа. В первую очередь рассматривается модель, предложенная Э. Гутманн и Д. Томпсоном, далее – модели Ю. Хабермаса, К. Нино, Р. Гудина.

Результаты. Обнаруживается, что, во-первых, различные мыслители понимают цели и смысл делиберации по-разному, видя в ней то эпистемическую, то неэпистемическую ценность, во-вторых, сама делиберация может пониматься двояко, а именно как обсуждение и как осмысление, что позволяет говорить о двух различных теориях совещательной демократии: дискурсивной и рефлексивной.

Теоретическая и / или практическая значимость. Полученные результаты позволяют лучше осмыслить феномен делиберативной демократии, предлагая две возможных классификации делиберативных концепций демократии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

демократия, делиберация, модели демократии, политический либерализм, справедливость, совещательная демократия, этика дискурса

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье будет рассмотрено несколько авторских моделей совещательной (делиберативной) демократии, предложенных в зарубежной научной литературе, и произведён критический анализ аргументации, приводимой авторами в поддержку своих моделей. Мы начнём с концепции, предложенной Э. Гутманн и Д. Томпсоном, где делиберация рассматривается в качестве способа преодоления моральных разногласий, а далее перейдём к эпистемологическим трактовкам делиберации за авторством Ю. Хабермаса, К. Нино и Р. Гудина. В конечном счёте рассмотрение указанных моделей продемонстрирует, что, во-первых, различные мыслители понимают цели и смысл делиберации по-разному, видя в ней то эпистемические, то неэпистемические цели, во-вторых, сама делибе-

рация может пониматься двояко, а именно как обсуждение и как осмысление, что позволяет, по нашему мнению, говорить о наличии фактически двух различных теорий совещательной демократии: дискурсивной и рефлексивной.

ЭМИ ГУТМАНН И ДЭНИС ТОМПСОН

Американские авторы Э. Гутманн и Д. Томпсон видят в совещательной демократии объединение положительных черт процедурной и конституционной концепций демократии [20, р. 26–51]. Согласно их терминологии процедурная концепция демократии исходит из того, что любое решение, принятое в соответствии с демократической процедурой, является справедливым (иными словами, демократия рассматривается как высшая политическая ценность), а конституционная концепция демократии заключается в утверждении, что существует независимый критерий справедливости принимаемых решений, а демократическая процедура ценна лишь постольку, поскольку позволяет достичь справедливого результата.

Уже из приведённых определений можно заключить, что процедурная и конституционная концепции являются, в сущности, логически взаимоисключающими: объединить эти концепции, не отбрасывая полностью ни одну из них, можно, только признав определённую ценность как за процедурой самой по себе, так и за конечным результатом. Какие-либо иные смешения конституционной и процедурной концепций будут заведомо логически противоречивыми. Вот почему представляются сомнительными попытки Гутманн и Томпсона найти здесь «золотую середину».

При рассмотрении указанной проблемы представляется уместным обратиться к терминологии, предложенной Дж. Ролзом, различавшим чистую, совершенную и несовершенную процедурные справедливости [5, с. 85]. В рамках данной терминологии процедурную демократию можно было бы представить как концепцию, относящуюся к «чистой процедурной справедливости», т. е. как отстаивающую точку зрения, согласно которой отсутствует какой-либо критерий политической справедливости, помимо самой демократической процедуры (или же он недостижим для человеческого познания, или же он по какой-то неведомой причине не влияет на ценность самой процедуры). В свою очередь, конституционная демократия,

казалось бы, тяготеет к несовершенной процедурной справедливости, т. е. к точке зрения, согласно которой демократическая процедура ценна потому, что лучше своих аналогов способствует достижению независимого критерия политической справедливости. Но на самом деле таким независимым критерием политической справедливости могут быть и результаты некоторой идеальной процедуры, соответственно, конституционные демократы теоретически могут придерживаться чисто процедурной концепции справедливости. Наконец, остаётся ещё совершенная процедурная справедливость, согласно которой, во-первых, имеется независимый критерий справедливости, во-вторых, имеется процедура, которая почти наверняка даст желаемый результат. Этот тип воззрений на справедливость также может сочетаться с конституционной демократией.

Где в этой классификации расположить попытки рассматриваемых авторов найти некоторую «золотую середину», не вполне ясно (говоря прямо – такая «золотая середина» попросту логически невозможна, поскольку все возможные варианты уже покрываются процедурной и конституционной концепциями демократии). Однако, если делиберативная концепция демократии претендует на роль «золотой середины» хотя бы в каком-то смысле, она могла бы, например, сосредоточиться на совершенной процедурной справедливости (не противопоставляя себя радикально ни процедурной, ни конституционной концепциям). Таким образом, чтобы защитить некоторую версию совершенной процедурной справедливости, Гутманн и Томпсон должны были бы, во-первых, предложить свой собственный критерий справедливости, а во-вторых, процедуру, следование которой наверняка приводит к соблюдению указанного критерия.

Вместо этого названные авторы сразу же уклоняются от поиска фундаментального принципа справедливости, рассматривая концепцию делиберативной демократии как «теорию среднего уровня» (или «теорию второго уровня»), т. е. как совокупность идей, которые должны предложить ответы на насущные вопросы о политическом устройстве без ссылок на какие-либо фундаментальные представления о справедливости [20, р. 5–6]. Логично, что при таких обстоятельствах попытка обосновать делиберативную демократию как совершенную процедурную справедливость должна была бы провалиться с самого начала. Но Гутманн и Томпсон не считают свою концеп-

цию вариаций совершенной процедурной справедливости. Так, они заявляют: «Мы не хотим сказать, что совещательная демократия может гарантировать социальную справедливость как в теории, так и на практике» [20, р. 18]. Или: «Обсуждения недостаточно для установления справедливости, но обсуждение на некотором этапе процесса необходимо» [21, р. 101]. Очевидно, что тогда их концепцию следовало бы отнести к несовершенной процедурной справедливости. Однако и в этом случае требуется некий независимый от демократической процедуры критерий справедливости, который данные авторы искать отказываются. Тем самым они загоняют себя в логический тупик, поскольку в отсутствие независимого от демократической процедуры критерия справедливости остаётся лишь принять процедурную версию демократии, но и этого авторы не делают.

Фактически же они пытаются свести обоснование делиберативной демократии к тому, что она на практике лучше других способствует решению конфликтов моральных ценностей. Иными словами, рассматриваемые авторы, сами того не желая, имеют в виду вполне определённый ответ на вопрос о высшем принципе справедливости. Во многом этот ответ совпадает с базовыми постулатами этики дискурса Ю. Хабермаса [10] и К.-О. Апеля [1], просто последние два автора, по сути, увязывают отсутствие моральных разногласий с моральной истиной, тогда как Гутманн и Томпсон рассматривают его как некоторую «второстепенную» цель, «не противоречащую» моральной истине. Однако чисто концептуально это одно и то же (моральное утверждение, которое не противоречит моральной истине, — это и есть моральная истина).

Конечно, высший статус такой цели, как минимизация в реальной жизни моральных конфликтов, не очевиден (например, некоторые содержательные и / или процедурные правила могут признаваться ценными независимо от реального общественного согласия относительно них, а потому обеспечиваться силой принуждения, или же может придаваться высокая ценность самим моральным конфликтам, как это имеет место у Ш. Муффа и других сторонников «агонистической демократии», видящих в постоянной борьбе и плюрализме фактор поддержки демократии [24, р. 755–756]), но нет ничего предосудительного в том, чтобы взять его за основу. При таких обстоятельствах для оправдания той или иной модели делибератив-

ной демократии остаётся лишь показать, что она в наибольшей степени способствует преодолению моральных разногласий. И всё же вопрос о справедливости делиберативной демократии не будет снят до тех пор, пока не будет обоснована её базовая предпосылка, т. е. взгляд на справедливость как на отсутствие в реальной социальной практике конфликтов относительно моральных ценностей.

По всей видимости, Гутманн и Томпсон ошибочно считают данную предпосылку самоочевидной (свойственной всем моральным учениям), рассматривая свою теорию делиберативной демократии лишь как теорию второго / среднего уровня (т. е. как теорию, которая не задаётся вопросом о том, какая этическая теория – утилитаризм, деонтология или этика блага – является верной). Однако эта попытка уйти от важнейших моральных вопросов ссылкой на «второй уровень» неубедительна. Так, например, данные авторы отстаивают три базовых принципа (условия) делиберативной демократии: взаимность (ориентация на решения, морально приемлемые для каждого), открытость (презумпция того, что информация должна быть доступна, а аргументация – публична) и подотчётность (по отношению ко всем, на кого влияют принимаемые решения). Ключевой принцип взаимности они противопоставляют благоразумию (ориентации на решения, приемлемые для каждого по любой из возможных причин) и беспристрастности (ориентации на решения, соответствующие неким объективным моральным идеалам): «Благоразумие ставит под сомнение необходимость нравственности..., в то время как беспристрастность ставит под сомнение необходимость взаимной приемлемости. «Если политические рассуждения взаимоприемлемы, – спрашивает придерживающийся принципа благоразумия критик, – то почему они должны быть ещё и моральными...?». Критик, придерживающийся принципа беспристрастности, задаёт противоположный вопрос: «Если политические рассуждения морально обоснованы, то почему они должны быть [ещё и] взаимоприемлемы...?»» [21, р. 57]. Очевидно, что принцип взаимности напрямую следует из той базовой ценности, которую фактически поставили перед собой авторы: преодоление моральных разногласий на практике (а не просто на уровне теории). Но если бы понимание высшей цели было иным, то принципы благоразумия и беспристрастности оказались бы более убедительными, чем принцип взаимности. Никакая «теория второго

уровня» в действительности не может быть построена до тех пор, пока мы не определимся с «теорией первого уровня». Фактически за противопоставлением принципов взаимности, благоразумия и беспристрастности уже скрывается спор «первого» («высшего») уровня о том, что такое справедливость.

Гутманн и Томпсон, очевидно, разрабатывают свою нормативную теорию делиберативной демократии под влиянием Дж. Ролза. Последний, в свою очередь, известен, скорее, не как теоретик демократии, а как теоретик справедливости. Между тем его взгляды могут быть рассмотрены и в рамках демократической теории. Так, в своей поздней работе «Политический либерализм» [26] Ролз предпринял попытку разработать концепцию справедливости, которая могла бы быть применимой к современным обществам, характеризующимся высоким уровнем разумных разногласий по фундаментальным вопросам. При этом он исходил из того, что любая правдоподобная концепция справедливости должна быть реалистичной и иметь шансы на воплощение (отвечать требованию стабильности). Это, по мнению Ролза, имеет место в случае, если можно разумно ожидать, что данную концепцию (касающуюся основных политических, социальных и экономических институтов общества) могли бы разумно и на условиях взаимности принять люди, рассматриваемые как свободные и равные, но имеющие различающиеся религиозные, философские и моральные убеждения. Иными словами, справедливым является то, что может быть «публично оправданно» (согласно определённым стандартам рациональности). Эту теорию справедливости Ролз обозначил как политический либерализм. Гутманн и Томпсон, в свою очередь, не оценивают ролзовскую теорию справедливости, а лишь заимствуют у него ту спорную идею, что тенденция к минимизации на практике моральных разногласий является неотъемлемой частью любой правдоподобной теории справедливости (ибо необходима для стабильности). И далее, предполагая идеал демократии очевидным, они защищают именно совещательную модель демократии, поскольку она, по их мнению, лучше справляется с моральными разногласиями.

ЮРГЕН ХАБЕРМАС

Более последовательными, чем у Э. Гутманн и Д. Томпсона, представляются взгляды тех мыслителей, которые пытаются обосновать совещательную демократию эпистемологически. Однако и они сталкиваются с определёнными трудностями.

Так, немецкий философ Ю. Хабермас [8, с. 389–401] противопоставляет свою теорию демократии, которую он называет процедурной, двум другим теориям: либеральной и республиканской. По его мнению, демократическая процедура не может рассматриваться ни как только легитимирование существующей политической власти частными лицами (либерализм), ни как только конституирование общества (республиканизм). Преимущества республиканизма Хабермас видит в акценте на коммуникацию и совместную выработку общих (этических) целей. Однако он признаёт, что полного согласия относительно общих целей в рамках коммуникации достичь невозможно. Соответственно, необходимо искать баланс (компромисс) противоречащих друг другу интересов, который достигается в рамках политико-правовых институтов (выборы, партии, парламент и т. п.) с помощью уже не только коммуникативного, но и стратегического действия, при этом само государство также должно быть ограничено в своих полномочиях (через права человека, законность, разделение властей и тому подобные механизмы и средства), и эти конституционные ограничения также должны быть обоснованы через моральные дискурсы. Тем самым достигается продуктивное сочетание республиканизма и либерализма: демократия – это одновременно и поиск консенсуса (в рамках институтов гражданского общества), и поиск компромисса (в рамках государственных институтов) в случаях, когда консенсуса достичь не удалось. Через демократические процедуры вырабатывается общественное мнение, которое впоследствии становится политической волей.

Хабермас признаёт, что на практике демократические дискурсы могут испытывать чрезмерное влияние государства (заорганизованность, экономическое и политическое давление, маскировка зависимых от государства структур под автономные и т. д.), но анархистская альтернатива, по мнению мыслителя, ещё менее привлекательна [9, с. 46–51]. Философ, в частности, сомневается в том, что коммуникативное действие способно противостоять расширению пространства, ориентированного на частный интерес действия, и отсюда – важность

государственно-правового механизма. В действительности у дискурса два врага: частное (продвижение личных интересов) и административное (навязывание ценностей тоталитарным государством). Хабермас, конечно, высказывает сомнение, что административным путём получится создать новые, а тем более эмансипированные формы дискурса, и твёрдо стоит на ограничении влияния исполнительной власти на развитие гражданского общества, но государство (административная власть) необходимо хотя бы для того, чтобы сдерживать рыночные силы и охранять гражданское общество от них.

В целом Хабермас надеется, что гражданское общество будет способствовать ограничению как власти государства, так и эгоистичных интересов отдельных лиц и организаций, т. е. модусов власти и денег, и вводит понятие «общественности» (*Öffentlichkeiten*) – открытых структур совместной жизнедеятельности людей, способствующих установлению широких, многомерных коммуникаций и выступающих посредником между частной и властной сферами [9, с. 126, 134]. По его мнению, благодаря общественности конкретная демократическая форма способна критиковать сама себя и тем самым развиваться. Отсюда развитое и сильное гражданское общество – главный и непрменный признак демократии. Общественное мнение, однако, не «властвует» самостоятельно, а лишь направляет использование административной власти в определённое русло, очерчивая круг допустимых решений [22]. Впрочем, здесь возникает вопрос, как именно мы можем удостовериться в том, что общественность в каждом конкретном случае выполнила отведённую ей роль [27, р. 366].

Вообще, Хабермас постоянно мимоходом повторяет, что воплощение разработанной им этики дискурса в реальных процедурах подразумевает некоторый уровень образованности и политической культуры (политических добродетелей) участников, чувства ответственности за себя и других (хотя прагматический дискурс и не должен монополизироваться «философами» и прочими «знатоками», ибо только каждый сам может точно сказать, что ему надо). Это, конечно, влияет на уместность демократических процедур в том или ином обществе. Ведь, в сущности, взгляды Хабермаса показывают, что демократия уместна только для государств с развитой политической культурой и системой образования, а также при достаточно высоком чувстве социальной ответственности граждан. Но даже

и здесь имеются обоснованные опасения, что созданные для общественного дискурса институты перестанут ему служить.

Хабермас пронизательно отмечает, что у общественности есть и третья опасность: её собственная спонтанность, нестабильность. Определённые правовые ограничения дискурса в принципе неизбежны (так, полицейский и судья не будут аргументировать убийце, что убивать нехорошо, т. е. право вообще подразумевает прерывание дискурса). Парламент как главный демократический институт призван «разгрузить», опосредовать и сократить коммуникацию всей общественности до разумных пределов с целью эффективного принятия решений (общественность и парламент могут и должны взаимодействовать, но последнее слово за парламентом). Однако вопрос о том, каковы разумные пределы продолжительности дискурса, к сожалению, не получает у мыслителя должного разрешения.

Немецкий философ полагает, что, хотя в идеале каждый должен подчиняться только таким законам, с которыми сам согласился или которые сами создал (идея Руссо, воспринятая Кантом), в какой-то момент нужно принять окончательное решение, поэтому дискурс следует прекратить и взять за основу мнение большинства; при этом меньшинства не понуждаются к отказу от своих убеждений, но предполагается, что они не смогли на данный момент привести убедительные аргументы своей позиции [9, с. 36–39, 98]. Таким образом, «правило большинства» остаётся, но приобретает служебный характер. Оно обосновывается как способ противодействия неопределённости в вопросах справедливости.

Из всего сказанного следует, что процедурная теория демократии у Хабермаса весьма опосредованно связана с разработанной им же этикой дискурса. Вообще, этика дискурса с некоторой долей условности может быть отнесена к моральным теориям, исходящим из концепции чистой процедурной справедливости (в терминологии Ролза), поскольку она не признаёт каких-либо иных критериев политической справедливости, помимо результатов самой процедуры дискурса. Соответственно, демократическая процедура – это то, что приближает нас к результатам идеальной процедуры, но само по себе таковой не является (следовательно, речь идёт, по сути, о конституционной демократии в терминологии Гутманн и Томпсона, хотя сам Хабермас использует для обозначения своих взглядов термин «процедурная демократия»). При некоторой доле

условности можно сказать, что этика дискурса – это идеал, а совещательная демократия – это определённый механизм воплощения данного идеала на практике. Однако Хабермас также подчёркивает, что «правовым регулированием затрагиваются не только в узком смысле моральные вопросы, но и вопросы прагматического и этического характера» [8, с. 405], а потому демократия служит не только поиску моральной истины, но и формированию общих этических целей (т. е. общих представлений о правильно прожитой жизни, образующих узы солидарности), а также определению способов реализации указанных идеалов. В любом случае конкретные требования, предъявляемые к такому механизму преобразования моральных, этических и прагматических истин в реальность, у немецкого философа не обосновываются. Это и понятно, ведь моральная оправданность конкретных институтов преобразования разрозненных взглядов в единую политическую волю также должна быть результатом соответствующих дискурсов, и здесь не может быть каких-то заранее определённых постулатов. Хабермас ограничивается, в сущности, общим замечанием, что для разрешения противоречия между идеалом и действительностью правопорядку следует создавать условия для собственной легитимации и для фактического взаимного признания гражданами друг друга [9, с. 203]. Но всё же в целом демократическая процедура может быть рассмотрена, в том числе, как механизм, способствующий поиску истины в неидеальных условиях.

Взгляды Хабермаса на демократию могут быть подвергнуты критике с различных сторон. Во-первых, можно не соглашаться с самой этикой дискурса, лежащей в основе этих взглядов (см., напр.: [11]). Во-вторых, стремление на практике максимально приблизиться к идеальной процедуре вовсе не гарантирует, что тем самым будет достигнуто максимальное приближение к моральной истине [16, р. 14–15; 17, р. 17]. Наконец, в-третьих, Хабермас, как представляется, слишком некритично воспринимает республиканскую идею поиска общего блага и отвергает либеральную идею защиты частных интересов, поскольку выработанная гражданским обществом и воплощаемая административной властью идея общего блага должна иметь свои ограничения (мы полагаем, что она нужна только для обеспечения известной стабильности и успешного функционирования общества, в остальном же навязывание

общих этических представлений нам представляется неоправданным).

Иногда Хабермаса также критикуют за нереалистичность его позиции. Так, например, И. Шапиро указывал, что консенсус достижим только в «идеальной речевой ситуации», а «в мире реальном властные отношения пронизывают собой поистине всякое людское взаимодействие» [12, с. 9–10]. В схожем ключе Хабермаса критиковали Э. Филипс (см. [2, с. 44–54]), Б. Фливерберг [7], Г. Дюкс [6, с. 132] и др. Впрочем, данные факты признавал и сам Хабермас, называя дискурсы «островками в мире насилия, корыстных мотивов, нежелания искать согласия» [10, с. 167]. Поэтому приведённая критика представляется безосновательной. Тем более что Хабермас не рисует некую утопичную картину, а пытается соотнести идеал с реальностью. В свою очередь, австралийский исследователь Дж. Драйзек критиковал Хабермаса за строгое разделение системы и жизненного мира, администрации и общественности, и разработал собственную дискурсивную модель демократии, особое внимание обращая на посреднические институты между государством и гражданами [15].

КАРЛОС САНТЬЯГО НИНО

Ещё одна заслуживающая внимания попытка оправдать делиберативную демократию эпистемологически принадлежит аргентинскому философу К. С. Нино. По мнению указанного автора, делиберативная демократия является «наиболее надёжной процедурой для получения доступа к знанию моральных принципов» [25, р. 107]. Иными словами, демократия, ключевой характеристикой которой являются публичные обсуждения, – это лучшее средство достижения моральной правильности. При этом данный автор критикует взгляды как Ролза, отводящего дискурсу вспомогательную роль, так и Хабермаса, не видящего никаких критериев моральной правильности, помимо оправдания в ходе дискурса. По мнению К. С. Нино, как правило, лишь дискурс открывает нам подлинное знание обоснованности тех или иных моральных норм, но он всё же не конституирует эту обоснованность самостоятельно [25, р. 107–117]. Из сказанного видно, что понимание демократии со стороны К. С. Нино очень близко тому, что Дж. Ролз назвал совершенной процедурной справедливостью. Так, учёный пи-

шет, что противоречие между личными правами и демократическим процессом является мнимым, поскольку «ценность демократического процесса проистекает из его способности прояснять такие моральные проблемы, как содержание, объём и иерархию прав» [25, р. 137]. Подобный вывод, как представляется, обоснован лишь в той мере, в которой делиберативная процедура является если не единственным, то хотя бы одним из самых надёжных методов познания моральных норм, т. е. представляет собой совершенную процедурную справедливость.

При таких обстоятельствах К. С. Нино должен показать, что демократия (в делиберативной её версии) действительно является практически неизбежной при решении моральных вопросов. Здесь аргентинский философ совершенно верно акцентирует внимание на эпистемологической ценности делиберации.

Во-первых, он подчёркивает способность делиберации изменять предпочтения, взгляды и интересы людей. Все существующие концепции демократии К. С. Нино разделяет как раз по тому, учитывают ли они фактор такого изменения как морально значимый. Учёный выступает резко против наделения неких благожелательных элит или диктаторов правом делать окончательные выводы об интересах людей, поскольку эти интересы могут изменяться с появлением дополнительных возможностей для выбора или знаний об интересах других людей [25, р. 120]. Однако, не оспаривая то, что человеческие интересы изменчивы, мы могли бы задаться вопросом: почему данный факт должен иметь моральное значение? Если роль диктатора или элит заключается лишь в том, чтобы беспристрастно урегулировать конфликт интересов на основе некоторых принципов справедливости, совершенно не важно, какие факторы влияют на изменение этих интересов. Важно лишь то, что, если такое изменение значительно, прежние решения должны быть пересмотрены в соответствии с новой констелляцией интересов. В конце концов, сам правитель может постараться изменить некоторые интересы индивидов и благодаря этому урегулировать существующие противоречия. Сказанное, как кажется на первый взгляд, ставит ценность делиберации под сомнение. Конечно, если понимать делиберацию как «осмысление», то изменение предпочтений того или иного человека может быть оправдано в том смысле, что они стали более соответствовать моральным интуициям этого человека. Если же понимать де-

либерацию как «обсуждение», то мы могли бы подчеркнуть важность получения в ходе обсуждения новой информации и тем самым оправдать возможное изменение предпочтений лучшим пониманием собственных интересов. Однако получить информацию возможно и другими способами. Поэтому значимость именно обсуждения, а не осмысления остаётся под сомнением. Между тем Нино говорит о делиберации именно как об обсуждении.

Во-вторых, К. С. Нино указывает на неизбежность демократических процедур путём отсылки к ограниченности «субстантивной» морали и выводимых из неё прав человека. Так, он рассматривает мораль как нечто, могущее быть индифферентным и неопределённым по отношению ко многим вопросам, а право – как нечто, способствующее заполнению пробелов в морали [25, р. 64]. Схожая мысль встречается ещё у Хабермаса, который пишет: «Право в состоянии компенсировать слабости взыскательной морали, результаты которой, если смотреть на эмпирические следствия, когнитивно неопределённые и мотивационно ненадёжные» [8, с. 406]. Такое видение, однако, представляется бесспорным. Ведь если мы рассматриваем мораль нормативно (как некий идеал регулирования), а не социологически (как фактически распространённые обычаи или нравы), то она вполне может быть беспроblemной и конкретной, не нуждаясь в помощи права (в том числе сформированного путём делиберативных процедур). При таких обстоятельствах вновь ставятся под сомнение разделяемые названным автором самоценность делиберативных процедур, применяемых при принятии законов, и несамодостаточность «субстантивных» принципов, выраженных в правах человека.

В целом аргументы Нино представляются недостаточными для обоснования демократии как совершенной процедурной справедливости. Однако его позиция интересна тем, что она представляет собой отличное от хабермасовского эпистемическое обоснование совещательной демократии.

ВАРИАНТЫ СИНТЕЗА

Таким образом, если одни рассматривают совещательную демократию как способ минимизировать моральные разногласия, другие видят в ней способ выявить моральную истину. При всей схожести эти позиции имеют существенные разли-

лингвистика психология политология

чия. Так, первая из них не связана моральным когнитивизмом, т. е. предположением, что в области морали имеется некий объективный критерий правильности действий, решений или норм. Гутманн и Томпсон исходят из ценности минимизации моральных разногласий независимо от того, существует ли объективно правильное политическое решение и является ли оно познаваемым. Сторонники второй позиции (К. С. Нино, Ю. Хабермас, К.-О. Апель и др.) придерживаются морального когнитивизма, а потому ищут не столько спокойствия, сколько правды. Вероятно, потому различны и пути достижения поставленных целей. Обычно приверженцы совещательной демократии стремятся снять противоречия между содержательной и процессуальной (процедурной) справедливостью. Но Гутманн и Томпсон, видя в делиберации лишь способ устранить взаимные разногласия, делают это путём смещения содержательных и процессуальных принципов, в то время как Нино и Хабермас прямо заявляют, что правильное содержание есть лишь продукт правильной процедуры. Как представляется, в изложенных позициях прослеживается старый спор о ценностях, выраженный в известном утверждении Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже». Гутманн и Томпсон больше ценят дружбу, а Нино и Хабермас – истину.

Высказывается также точка зрения, объединяющая две вышеназванные позиции. Так, К. Лафонт утверждает, что идеал совещательной демократии по определению представляет собой объединение ценностей демократии и совещания, т. е. фактически легитимности (сводящейся к «взаимной оправданности» через преодоление моральных разногласий) и справедливости (сводящейся к эпистемологической ценности делиберации) [23]. Дж. Козн также оправдывает совещательную демократию на том основании, что ценным политическое решение делают не просто равный учёт интересов каждого, но ещё и одобрение этого решения со стороны каждого [14, р. 102].

Наконец, Д. Фишкин предлагает свою уникальную концепцию совещательной демократии, ключевую роль в которой играют так называемые совещательные опросы (дискуссии в относительно малых группах), и эту концепцию он пытается защитить путём отсылки к двум базовым ценностям: политическому равенству и делиберации. Доказывая, что совещательные опросы являются наилучшим воплощением ценности политического равенства, Фишкин, как представляется, путает

политическое равенство (т. е. равенство в политических правах и возможностях индивидов) с тем, что Р. Даль [3, с. 126–130] в своё время назвал «сущностным равенством» (т. е. равенством в достоинстве и значимости индивидов), поэтому в целом его аргументация выглядит нелогичной. Однако для наших целей важно обратить внимание, как Фишкин обосновывает ценность делиберации, осуществляемой в рамках совещательных опросов. Учёный утверждает, что посредством соответствующей процедуры достигаются большая беспристрастность во взглядах и большее уважение к рассуждениям, основанным на фактах, а не на мнениях (что в целом можно обозначить как эпистемологическое обоснование), а также большая приверженность принятым решениям и большой уровень сплочённости между людьми (что в целом можно обозначить как иное инструментальное обоснование) [18]. Таким образом, у Фишкина также наблюдается попытка соотнести два различных типа обоснования делиберации.

Проблема с подобными «синтезирующими» точками зрения состоит в том, что два равнозначных идеала представляют собой логическое противоречие, а потому дополнительно требуют указания на правило их соотношения. Здесь есть несколько вариантов. Во-первых, можно легитимность рассматривать лишь как один из факторов, значимых для справедливости. Во-вторых, можно справедливость рассматривать лишь как один из факторов, значимых для легитимности. В-третьих, можно признать, что данные идеалы не обуславливают друг друга, но одновременно создать правило приоритета на случай конфликта этих идеалов (т. е. в любом случае признать, что эти идеалы неравнозначны, так как один из них в конечном счёте важнее другого). В любом случае цельное нормативное обоснование требует прояснения и обоснования собственных взглядов каждого автора по указанному вопросу.

РОБЕРТ ГУДИН И «РЕФЛЕКСИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ»

Наконец, ещё одна заслуживающая внимания попытка теоретического обоснования совещательной демократии принадлежит Р. Гудину.

Для начала следует сказать о том, что термин «deliberation» многозначен, что приводит к некоторой путанице в западной научной литературе. Дело в том, что его можно перевести и как

«обсуждение», и как «обдумывание». Однако «обсуждение» – это всегда коллективное действие, тогда как «обдумывание» возможно и в одиночестве. К сожалению, западные сторонники «делиберации», как правило, даже не рассматривают возможности «обдумывания» без «обсуждения». Но аргументация в пользу обдумывания и обсуждения может различаться. Так, очевидно, что предпочтения до и после обдумывания или обсуждения могут отличаться. На первом этапе мы должны обосновать, почему вообще предпочтения, сформированные по результатам обдумывания или обсуждения, ценнее тех, которые были изначально. Представляется, что в отношении обдумывания таким обоснованием может служить значимость обдумывания как процесса обработки информации, на основании которой формируются предпочтения. Иными словами, даже если человек владеет полной информацией, он не может сформировать свои предпочтения без соотнесения этой информации со своими моральными интуициями (в том числе без анализа возможных аргументов, построенных на этой информации). Но такое обдумывание, пожалуй, не обязательно тождественно обсуждению (дискурсу). Коллективное обсуждение, в свою очередь, можно было бы попытаться оправдать, подчёркивая связь легитимности того или иного решения с одобрением этого решения каждым, кого оно затрагивает, как это имеет место у Хабермаса или Коэна. Иными словами, дело не просто в формировании предпочтений и взглядов, а в формировании общих предпочтений и взглядов. Однако многие совещательные демократы (тот же Фишкин) заявляют, что одобрение каждым – это лишь бесполезная и отвлекающая утопия. Вот почему то, что им удаётся обосновать, – это не столько «deliberation» (термин, который можно понимать и как обсуждение, и как обдуманность), а лишь то, что можно обозначить как «thoughtfulness» (обдуманность).

Понимая это, Р. Гудин прямо разрабатывает концепцию не «делиберативной демократии», а «рефлексивной демократии», указывая, что рефлексия – это именно то, чего мы ждём от обсуждения, а потому она является первичной по отношению к обсуждению. Но рефлексия сама по себе независима от обсуждения. Конечно, в одиночестве достаточно сложно учесть и по-настоящему понять многообразные интересы, поэтому обсуждение в той или иной форме всё равно необходимо, однако ни одно обсуждение не имеет смысла без рефлексии, к тому же в

тех случаях, когда обсуждение невозможно, рефлексия сама по себе помогает учесть интересы тех, кто «нем» или «тих». Вот почему Гудин предлагает сделать акцент на «обсуждении внутри» нас самих («deliberation within»), осуществляемом с активным привлечением эмпатии и воображения [19]. Однако важно обратить внимание, что здесь фактически отрицается ключевой компонент совещательной демократии, ведь большинство сторонников этой концепции настаивают на том, что коллективное обсуждение (дискурс) по тем или иным причинам лучше индивидуальных рассуждений. Некоторые авторы, например Дж. Драйзек, вообще предпочитают говорить именно о дискурсивной, а не о делиберативной демократии [15]. Таким образом, у Гудина совещательная демократия по сути приходит к собственному отрицанию, поскольку в его концепции отбрасывается центральная роль публичного дискурса.

Так или иначе, работы Гудина демонстрируют нам, что совещательная демократия может рассматриваться не только как способ преодоления моральных разногласий или установления моральной истины (справедливости), но и как способ формирования предпочтений, взглядов и позиций. Если цель политики заключается в том, чтобы учесть предпочтения каждого в равной мере, следует иметь в виду, что эти предпочтения должны быть осмысленными, информированными и ответственными (в противном случае человек неправильно понимает свой собственный интерес!) [4, с. 28]. При таких обстоятельствах совещательная демократия имеет целью не столько нахождение моральной истины путём согласования моральных интуиций (достижения «рефлексивного равновесия» и / или консенсуса), сколько осознание людьми своих собственных интересов и моральных интуиций с помощью: 1) предоставления людям полной информации; 2) мотивирования людей на осмысление этой информации. Как представляется, подчёркиваемая сторонниками совещательной демократии трансформация предпочтений и моральных воззрений в ходе обсуждения значима в первую очередь именно в том ключе, о котором говорит Гудин. Демократы часто утверждают, что ценность демократии состоит уже в том, что она способствует трансформации ценностей и предпочтений индивидов. Но почему предпочтения и моральные ценности индивида, сформированные по результатам коллективного обсуждения или иных форм политического участия либо по результатам стимулирующего использование

этих форм изменения социальных структур, сами по себе более значимы, чем предшествующие им? Действительно, иногда слишком сильные противоречия между частными интересами подрывают стабильность социального устройства и тем самым препятствуют реализации многих из самих частных интересов. В этих случаях формирование некоторого «общего интереса», т. е. социального консенсуса относительно принципов общественного устройства или политических стратегий, является важным шагом на пути к эффективности, легитимности и справедливости политического режима, и одним из действенных средств на этом пути могла бы стать делиберация. Однако в других случаях положительная роль трансформации интересов и ценностей должна быть доказана. На наш взгляд, значима не сама по себе трансформация, а осмысленность (твёрдость, отрефлексированность и осведомлённость) интересов и ценностных привязанностей: в той мере, в которой последняя возрастает в ходе обсуждения или иных форм политического участия, таковые следует считать желательными. В научной литературе данная позиция обозначается как «слабая» версия делиберативной демократии [4, с. 26–30]. Действительно, как заметил Дж. Бреннан, если дискуссия не приводит к изменению взглядов её участников, то, скорее всего, это означает, что дискуссия имеет не просто нейтральный, но даже и негативный эффект (люди лишь укореняются в своей предвзятости, несмотря на факты) [13, р. 67–73]. Соответственно, трансформация интересов и взглядов через «осмысление» является главной целью совещательной демократии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведённые модели совещательной демократии фактически являются иллюстрациями к тезису о том, что различные мыслители понимают цели и смысл делиберации по-разному, видя в ней либо эпистемическую ценность (способ получения информации о фактах окружающего мира, в том числе о чужих интересах, и / или способ отрефлектировать собственные предпочтения и моральные принципы, и / или способ отыскать моральную истину), либо иную инструментальную ценность (например, связанную с преодолением моральных разногласий). Это позволяет выделить два вида трактовок совещательной демократии: эпистемологические и иные.

При этом сама делиберация может пониматься двояко, а именно как: 1) обсуждение (напр., дискурсивная демократия Дж. Драйзека); 2) осмысление (напр., рефлексивная демократия Р. Гудина). Это различное понимание делиберации позволяет, по нашему мнению, говорить о наличии фактически двух различных теорий совещательной демократии: дискурсивной и рефлексивной.

При этом делиберация как осмысление (рефлексия) – это одна из эпистемологических трактовок делиберативной демократии, тогда как делиберация как обсуждение (дискурс) может соотноситься как с эпистемологическими, так и с иными трактовками делиберативной демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества // Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. С. 263–335.
2. Бусова Н. А. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. 2002. №5. С. 44–54.
3. Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. 576 с.
4. Каширских О. Н. Политические предпочтения в контексте теории делиберативной демократии // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. №1. С. 20–34.
5. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: ЛКИ, 2010. 536 с.
6. Современная западная теоретическая социология: реферативный сборник. Вып. 1: Юрген Хабермас / под ред. Н. Л. Поляковой. М.: ИНИОН РАН, 1992. 134 с.
7. Флишберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества // Социологические исследования. 2000. №2. С. 127–136.
8. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева. СПб.: Наука, 2008. 417 с.
9. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Ками: Academia, 1995. 244 с.
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С. В. Шачина. СПб.: Наука, 2006. 379 с.
11. Шавеко Н. А. Этика дискурса Юргена Хабермаса: критический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. №60. С. 125–136.

12. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. Политические исследования. 2001. №3. С. 6–15.
13. Brennan J. *Against democracy*. Oxford: Princeton University Press, 2016. 304 p.
14. Cohen J. *Procedure and Substance in Deliberative Democracy // Democracy and difference. Contesting the boundaries of the political* / ed. S. Benhabib. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 95–119.
15. Dryzek J. S. *Discursive Democracy: Politics, Policy, and Political Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 254 p.
16. Elster J. *The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory // Deliberative democracy: essays on reason and politics* / ed. J. Bohman, W. Rehg. Cambridge; London: MIT Press, 1997. P. 3–34.
17. Estlund D. *Democratic Authority*. Princeton: Princeton University Press, 2008. 309 p.
18. Fishkin J. S. *When the people speak. Deliberative Democracy and Public Consultation*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009. 256 p.
19. Goodin R. E. *Reflective Democracy*. New York: Oxford University Press, 2003. 279 p.
20. Gutmann A., Thompson D. *Democracy and disagreement*. Cambridge; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1996. 422 p.
21. Gutmann A., Thompson D. *Why deliberative democracy?* Oxford: Princeton University Press, 2004. 232 p.
22. Habermas J. *Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992. 666 p.
23. Lafont C. *Is the ideal of a deliberative democracy coherent? // Deliberative democracy and its discontents* / ed. S. Besson, J. L. Marti. London: Routledge, 2006. P. 3–26.
24. Mouffe Ch. *Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism?* // *Social Research*. 1999. №66. P. 745–758.
25. Nino C. S. *Constitution of deliberative democracy*. New Haven; London: Yale University Press, 1996. 251 p.
26. Rawls J. *Political liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993. 401 p.
27. *Zeitgenössische Demokratietheorie. Band 1: Normative Demokratietheorien* / ed. O. W. Lembcke, C. Ritz, G. S. Schaal. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. 481 S.

ARTICLE INFORMATION

Author

Nikolai A. Shaveko

- e-mail: Shavekonikolai@gmail.com,
Cand. Sci. (Law), Senior Researcher,
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences, Udmurt Branch
ul. Lomonosova 4, Izhevsk 426004, Udmurt Republic, Russian Federation

For citation

Shaveko N. A. Models of deliberative democracy: the main ways of normative justification. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Absract

Aim. To examine several original models of deliberative democracy proposed in foreign scientific literature and provide a critical analysis of the arguments given by the authors in support of their models.

Methodology. The methods of comparative, regulatory and critical analysis are used. First of all, the model proposed by A. Gutmann and D. Thompson is considered, then, the models presented by J. Habermas, C. Nino and R. Goodin.

Results. Consideration of all the models demonstrates that, firstly, different thinkers understand the goals and meaning of deliberation in different ways, seeing it as either epistemic or non-epistemic value, and secondly, deliberation itself can be understood in two ways, namely as a discussion and as an reflection (thoughtfulness), which allows to talk about the existence of actually two different theories of deliberative democracy: discursive and reflexive.

Research implications. The results obtained make it possible to better understand the phenomenon of deliberative democracy by offering two possible classifications of the deliberative models.

Keywords

deliberation, deliberative democracy, democracy, discourse ethics, justice, models of democracy, political liberalism

References

1. Apel K.-O. [A priori of the communicative community]. In: Apel K.-O. Transformation der Philosophie (Rus. ed.: Kurennoi V., Skuratov B., transl. *Transformatsiya filosofii*. Moscow, Logos Publ., 2001, pp. 263–335).
2. Busova N. A. [Deliberative model of democracy and the politics of interests]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2002, no. 5, pp. 44–54.
3. Dal R. *Demokratiya i ee kritiki* [Democracy and its critics]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 576 p.
4. Kashchirskikh O. N. [Political Preferences in the Context of the Theory of Deliberative Democracy]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political Science], 2012, no. 1, pp. 20–34.
5. Rawls J. A Theory of justice (Rus. ed.: Tselishchev V. V., transl. *Teoriya spravedlivosti*. Moscow, LKI Publ., 2010. 536 p.).
6. Polyakova N. L., ed. *Sovremennaya zapadnaya teoreticheskaya sociologiya: referativny'j sbornik. Vy'p. 1: Yurgen Xabermas* [Contemporary Western Theoretical Sociology: A Collection of Abstracts. Iss. 1: Jurgen Habermas]. Moscow, INION RAN Publ., 1992. 134 p.
7. Flivberg B. [Habermas and Foucault – theorists of civil society]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2000, no. 2, pp. 127–136.
8. Habermas J. Die einbeziehung des anderen (Rus. ed.: Medvedev Yu. S., transl. *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. 417 p.).
9. Habermas J. Demokratie. Der Geist. Moral. Moskauer Vorträge und Interviews, Russian Translation (Rus. ed.: Motroshilova N. V., ed. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost'*. Moskovskie lekcii i interv'yu. Moscow, Kami Publ., Academia Publ., 1995. 244 p.).
10. Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln (Rus. ed.: Shachin S. V., transl. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 379 p.).
11. Shaveko N. A. [Jurgen Habermas's Discourse Ethics: A Critical Analysis]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 2021, no. 60, pp. 125–136.
12. Shapiro I. [Rethinking Democratic Theory in Light of Contemporary Politics]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2001, no. 3, pp. 6–15.
13. Brennan J. Against democracy. Oxford, Princeton University Press, 2016. 304 p.

14. Cohen J. Procedure and Substance in Deliberative Democracy. In: Benhabib S., ed. *Democracy and difference. Contesting the boundaries of the political*. Princeton, Princeton University Press, 1996, pp. 95–119.
15. Dryzek J. S. Discursive Democracy: Politics, Policy, and Political Science. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 254 p.
16. Elster J. The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory. In: Bohman J., Rehg W., eds. *Deliberative democracy: essays on reason and politics*. Cambridge, London, MIT Press, 1997, pp. 3–34.
17. Estlund D. Democratic Authority. Princeton, Princeton University Press, 2008. 309 p.
18. Fishkin J. S. When the people speak. Deliberative Democracy and Public Consultation. Oxford, New York, Oxford University Press, 2009. 256 p.
19. Goodin R. E. Reflective Democracy. New York, Oxford University Press, 2003. 279 p.
20. Gutmann A., Thompson D. Democracy and disagreement. Cambridge, London, Belknap Press of Harvard University Press, 1996. 422 p.
21. Gutmann A., Thompson D. Why deliberative democracy? Oxford, Princeton University Press, 2004. 232 p.
22. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt a. M., Suhrkamp, 1992. 666 p.
23. Lafont C. Is the ideal of a deliberative democracy coherent? In: Besson S., Marti J. L., eds. *Deliberative democracy and its discontents*. London, Routledge, 2006, pp. 3–26.
24. Mouffe Ch. Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism? In: *Social Research*, 1999, no. 66, pp. 745–758.
25. Nino C. S. Constitution of deliberative democracy. New Haven, London, Yale University Press, 1996. 251 p.
26. Rawls J. Political liberalism. New York, Columbia University Press, 1993. 401 p.
27. Lembcke O. W., Ritzi C., Schaal G. S., eds. Zeitgenössische Demokratietheorie. Band 1: Normative Demokratietheorien. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. 481 S.

УДК 321.01

РОССИЯ КАК ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Шияпова Елизавета Андреевна

- e-mail: Markelova.elizabeth@yandex.ru;
аспирант кафедры философии политики и права
философского факультета;
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Шияпова Е. А. Россия как государство-цивилизация в современном политическом дискурсе // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 12.06.2024
- Статья размещена на сайте 07.11.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Цивилизационный подход в общественно-политическом дискурсе](#)

[Дискуссии о специфике российской цивилизации](#)

[Перспективы развития цивилизационного подхода в России и мире](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследовать понятие «государство-цивилизация» в рамках цивилизационного подхода в политической науке, определить, является ли Россия государством-цивилизацией.

Процедура и методы. В качестве основных методов применялись сравнительный анализ, а также дискурс-анализ. Были изучены работы авторов, исследовавших тематику цивилизационного подхода, представлено обобщение научных позиций, выявлены проблемы и противоречия в дискурсе о цивилизации, определены перспективы развития данного подхода в политической науке.

Результаты. Полученные результаты исследования показали, что присутствует многообразие определений понятия «цивилизация», а смысловое содержание цивилизационного подхода находит различное понимание у разных авторов. Прежде всего это связано с комплексностью понятия «цивилизация», а также с типологизацией цивилизаций, применением различных признаков при выделении государств-цивилизаций. При этом ряд исследователей сходятся во мнении, что Россия может быть причислена к государствам-цивилизациям, т. е. к тем структурам современного многополярного мира, которые влияют на формирование его будущего.

Теоретическая и практическая значимость. Показаны специфика формирования российской идентичности на основе цивилизационного подхода, а также перспективы дальнейшего развития этой темы. Особое внимание уделено вызовам, угрожающим национальной идентичности. На основе проведённого исследования сделан вывод о перспективности отстаивания исторически сложившейся позиции России на правах государства-цивилизации и обозначены пути для её совершенствования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государство-цивилизация, многополярность, российская цивилизационная идентичность, Россия, цивилизация, цивилизационный подход

ВВЕДЕНИЕ

Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию 2012 г. определил Россию как «государство-цивилизацию, скреплённую русским народом, рус-

ским языком и русской культурой»¹. 5 октября 2019 г., выступая на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», Президент вновь обратился к данной теме: «Россия на протяжении столетий формировалась как страна разных культур, религий, национальностей. Российскую цивилизацию невозможно свести к одному общему знаменателю, но её нельзя и разделить, потому что она существует только в своей целостности, в духовном и культурном богатстве» – заявил В. В. Путин². Позднее тезис «Россия – государство-цивилизация» лёг в основу Концепции внешней политики РФ 2023 г.³.

Чтобы раскрыть понятие «государство-цивилизация», а также обозначить, что подразумевается под цивилизационным подходом в политической науке, необходимо обратиться к трудам исследователей, работающих в этом направлении. На текущий момент можно констатировать, что единого, общепринятого определения цивилизационного подхода не существует при том, что цивилизационный подход как методология имеет очень продолжительную историю.

Актуальность данной темы велика как для развития научной мысли, так и для практического применения в политической сфере. Более того, в последние годы цивилизационный подход можно назвать современным мейнстримом. Это связано в первую очередь с тем, что роль мировых цивилизаций в качестве основы глобального политического мироустройства выросла, когда разрушилась биполярная политическая система с распадом Советского Союза и появилась практически однополярная политическая система при расширении блока стран Североатлантического альянса на восток. Можно также отметить, что существующие государства-цивилизации, к числу которых В. В. Путин отнёс и современную Россию, заняли особое место в мире.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию от 12.12.2012 6/н // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (дата обращения: 09.06.2024).

² Полный текст выступления Владимира Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2019 г. // Комсомольская правда: [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27564/4833298> (дата обращения: 01.05.2024).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31.03.2023) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 04.05.2024).

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Концептуально теория цивилизаций базируется на понятии «цивилизация», трактовок которого существует великое множество. Все они позволяют определять и типологизировать ценностные основы цивилизаций, проецируя их на специфику политического развития в различных макрорегионах.

У Дж. Вико цивилизация рассматривается в качестве «общественного организма», у К. Ясперса – «осевой культуры», у Н. Я. Данилевского – «культурно-исторического типа», у К. Маркса – «определённого уровня развития производительных сил и производственных отношений», у З. Бжезинского – «определённого уровня военной мощи и силы» и т. д. Мыслителей, исследующих вопросы цивилизаций и их типологических классификаций, известно много. При этом каждый автор представляет собственный типологический ряд цивилизаций, что составляет дополнительную теоретическую проблему [3, с. 69–70].

Для О. Шпенглера цивилизация – это «историческая динамика «культур»», для П. Сорокина было важным использовать это понятие к «социальным общностям», а не к «культурным системам», которые, по его мнению, могут существовать тысячелетиями и дольше, для Ш. Эйзенштадта цивилизация связывается с социальной и культурной эволюцией человечества с учётом необходимости наличия достаточной территории и межгосударственного распространения [5, с. 69, 75, 78].

Только А. Г. Дугин предложил 13 подходов к определению понятия «цивилизация». Он рассматривает цивилизацию «как субстанцию», «как процесс», «как систему», «как структуру», «как пайдеум», «как набор ценностей», «как организованное бессознательное», «как (религиозную) культуру», «как язык», «как первую производную от этноса», «как конструкт», «как Dasein», «как нормативное поле человека» [7, с. 34–39].

Ещё в 1869 г. в своём труде «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский отвергает географическое деление цивилизаций по частям света. Он доказывает, что такое деление искусственно. А естественным и более универсальным принципом он полагает культурологический принцип. В частности, он определяет, что Россия и Европа являются двумя отдельными политическими единицами, которые имеют в основе своего развития

нетождественные пути и в итоге представляют собой две обособленные цивилизации. Именно на примере Европы и России Н. Я. Данилевский демонстрирует взаимосвязь политики и культуры, государственного и цивилизационного развития. Он предложил теорию культурно-исторических типов как универсальный инструмент анализа политики стран, не потерявший своей актуальности и сегодня [12, с. 143–144].

А. В. Горюнов подтверждает наличие весьма влиятельного подхода в изучении социально-исторической эволюции общества – локально-цивилизационного. Согласно этому подходу анализируются локальные цивилизации. Их формирование и определение происходит с учётом характерных культурных черт, к которым можно отнести ценностные системы, менталитет, различного рода традиции, принадлежность к религиозным конфессиям и др. [4, с. 5].

Таким образом, в принципиальную основу цивилизационного подхода при идентификации того или иного общества заложена совокупность культурных признаков.

Более полно и ёмко сформулировал сущность цивилизации В. Келле. По его мнению, цивилизация должна подразумевать сложившееся историческое мировоззрение. Он обозначил смысл, назначение, внутренние противоречия цивилизации и пришёл к выводу о необходимости наличия неких цивилизационных механизмов для регулирования всего цивилизационного комплекса. Под цивилизационными механизмами он понимает социокультурные образования, которые призваны интегрировать человеческие общества внутри и различные человеческие общества между собой, – это рынок, политико-правовая система и культура. Рынок выполняет интегративную функцию посредством экономических связей, политико-правовая система – через особенности политического взаимодействия. И всё же важнейшим механизмом и началом цивилизации Келле назвал культуру [11, с. 137].

Именно с помощью культурной составляющей человеческие цивилизации должны контролировать научно-технический прогресс, его тотальное влияние на индивидуальное сознание человека и массовое поведение людей с целью сохранения духовного кода общества. Обеднение культурной составляющей становится источником духовного кризиса, духовной катастрофы цивилизации [9, с. 161].

Сегодняшний этап цивилизационных сдвигов, развивающийся в условиях многополярности трактовок понятий «цивилизация» и «цивилизационный подход», а также отсутствия единого понимания происходящих процессов в этой сфере, требует от исследователей осмысления теорий цивилизационного подхода в политической науке и выработки научных концепций практического применения данного подхода на пути сосуществования и интеграции цивилизаций.

ДИСКУССИИ О СПЕЦИФИКЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Российская цивилизационная проблематика своими корнями уходит глубоко в древность и основывается на различном становлении культурного, экономического, политического кода Римской империи и Русского государства.

Ю. Д. Гранин представляет российское государство как последовательность «цивилизационных воплощений». В XVI–XVII вв. это православная цивилизация Московского царства, в XVIII–XIX вв. она преобразуется в «цивилизационную псевдоморфозу» Российской империи, далее накануне Первой мировой войны появляется «гибридная цивилизация современного типа» России, после – «советская цивилизация» как альтернатива западному развитию [6, с. 81].

Ряд прозападных исследователей на протяжении десятилетий продвигали и в итоге во многом обеспечили закрепление мысли, что Россия является «варварской цивилизацией». И этот оксюморон продолжает применяться [14, с. 38].

Это отражается в многовековом противостоянии цивилизаций Запада и России, что влияет и на современный этап развития российской идентичности. Сформировавшиеся противоречия и вновь возникающие вызовы обуславливают необходимость форсирования научного обоснования современного понимания российской цивилизации.

Так, исходя из характеристик государства-цивилизации, российские учёные Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова определили, что российская история подтверждает вхождение России в число государств-цивилизаций. Если же в какой-то период российское государство отступает на другие позиции государственностроительства, то имеют место проблемы в реальной практике государственного

управления России. При этом особенность российской цивилизации состоит в надэтнической идеологии, а её три ключевых постулата позиционирования на мировой политической арене заключаются в евразийском лидерстве, защите восточнославянской цивилизации, защите православного мира (несмотря на противоречие со светской природой российской государственности). основополагающей национальной идеей названо служение Отечеству, ведущим ориентиром – построение государства на базе традиционных ценностей: любовь, честь, совесть, семья [2, с. 36].

Исследователь российской цивилизации В. Л. Цымбурский, основоположник концепции «Остров Россия», считал цивилизацией нацию или совокупность наций, которые в виде государства контролируют достаточную по международным политическим меркам территорию и при этом выстраивают религиозный или идеологический стержень своей политики. Следует отметить, что Цымбурский видит российскую цивилизацию в единственном числе [1, с. 74].

Значительный вклад в понимание России как государства-цивилизации внёс А. Г. Дугин. По его мнению, главным участником формирующегося многополярного миропорядка является не отдельное национальное государство, не единое мировое правительство, а государство-цивилизация. Из таких государств складывается многополярный мир. Государство-цивилизация взаимодействует с внешним миром, но не зависит от него и сохраняет самодостаточность. Государство-цивилизацию следует рассматривать в большем масштабе, чем просто государство как в пространстве, так и во времени (истории). Россия практически идентична статусу – «государство-мир», «русский мир», «континент Россия». Концепция «Россия–Евразия» свидетельствует о цивилизационном статусе России. При этом она была цивилизацией в имперский период и оставалась ею во времена Советского Союза, т. е. менялись идеологии и режимы, а российская идентичность была стабильна. В настоящее время Специальная военная операция выступает защитой государства-цивилизации⁴.

По мнению Ю. Д. Гранина, для России цивилизационный подход предоставил возможность отыскать антикризисный

⁴ Дугин А. Государство-Цивилизация // Изборский клуб: [сайт]. [30.05.2022]. URL: <https://izborsk-club.ru/22879> (дата обращения: 09.06.2024).

подход в государственном управлении и позволил двигаться вперёд [5, с. 79].

Итак, российская цивилизация исторически реализована на территории Евразии посредством служилого государства, в противовес локализму и хаосу, с опорой на русскую культуру. Это культурное влияние сохраняется до сих пор на значительной части постсоветского пространства, что непосредственно проявляется, например, в направлении миграции. Здесь примером являются мигранты из Средней Азии, которые в приоритете устремляются в центр русского, а не соседнего турецкого мира [10, с. 126, 137].

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА В РОССИИ И МИРЕ

Цивилизационный подход сохраняет свою значимость и потенциал для развития в политической науке. Он позволяет максимально точно изучать уникальность политических явлений и закономерности их эволюции, проводить параллели исторических путей, которые обуславливают развитие человечества в целом.

Нужно понимать, что в отдельном государстве или группе стран, которым присущ одинаковый культурно-исторический код, различия в типологии цивилизаций не будут иметь принципиального значения. Но в мировом масштабе возможность выбирать универсальный глобалистский путь развития или право на формирование собственного пути приобретает особое значение. Поэтому в XX в. термин «цивилизация» становится ключевым в рамках международного права, а цивилизационный подход приобретает политическую окраску и играет весомую роль в его формировании. С помощью цивилизационного подхода можно определить, гибриден ли характер цивилизации, и дать прогноз в отношении различных политических событий как общемирового значения, так и более местного. Проблемой цивилизационного подхода для мирового сообщества на сегодня является необходимость пересмотра вопроса универсальности международного публичного права и наличия (отсутствия) смысла его ориентирования на западные либеральные ценности [8, с. 68].

В Российской Федерации в настоящее время идут одновременно два противоположных процесса в рамках цивилизаци-

онного подхода. Первый – это значительная дистанция между политикой и научными исследованиями в этой сфере. Такая ситуация характерна для всей истории России, как указывал Н. Бердяев, вырабатывается «безграничная социальная мечтательность», не связанная с реальностью. В итоге проявляется идейная догматичность отдельных исследователей и принципиальное неприятие ими положений за рамками принятых догм. Второй – это развитие теоретиками собственных подходов с учётом изменяющихся условий жизни. Если наука почти не оказывает воздействия на политику, то политика, напротив, корректирующе влияет на научные разработки, побуждая исследователей модифицировать подходы [13, с. 50].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной политической науке цивилизационный подход приобрёл существенную значимость в ходе возникновения и эволюции трактовок самого термина «цивилизация», формирования различающихся взглядов мыслителей в области типологии территорий, которые можно отнести к категории «цивилизаций». При всём многообразии мнений о смысловом понятии цивилизационного подхода можно, тем не менее, выделить ключевые признаки, с помощью которых выявляются государства-цивилизации, – экономические, политические и культурные. Особую роль приобретает культурный код народа или группы народов, проживающих на достаточно обширной в масштабах мира территории.

Российское государство большинство авторов признаёт государством-цивилизацией, имеющим собственную цивилизационную идентичность. При этом данным статусом Россия, предполагается, обладала всегда со времени образования своей государственности. С трансформацией политических систем в ходе экономических преобразований и социальных потрясений Россия не утрачивала данного статуса. В настоящее время сформулирована современная идеологическая парадигма, которая является скрепляющим элементом российской цивилизационной идентичности на данном этапе развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопов С. В. Цивилизация и империя как способ воображения культурно-политического сообщества в концепциях В. Л. Цымбурского и В. К. Кантора // Управленческое консультирование. 2013. №8. С. 73–82.
2. Багдасарян В. Э. Цивилизационные факторы формирования государственной политики // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. №1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 09.06.2024).
3. Горбачев М. В. Концепт «Цивилизационный политический проект»: между теорией цивилизаций и проектным подходом // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. №1. С. 69–74.
4. Горюнов А. В. Современная модель социальных изменений. Опыт экспликации // Социологические исследования. 2011. №2. С. 3–12.
5. Гранин Ю. Д. «Цивилизационный подход». Становление и эволюция // Проблемы цивилизационного развития. 2020. №2. С. 65–85.
6. Гранин Ю. Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Проблемы цивилизационного развития. 2021. №1. С. 81–98.
7. Дугин А. Г. Концептуальные подходы к понятию «цивилизация» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. №1. С. 33–41.
8. Жуковская Н. Ю., Калинина Е. В. Цивилизационный подход к типологии общественных систем: состояние и перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2020. №12. С. 65–68.
9. Жуковский Д. А. Цивилизационный подход в политологии: особенности становления в условиях новой социальной реальности // Теория и практика общественного развития. 2015. №20. С. 158–162.
10. Ильинская С. Г. Актуальность геополитических интуиций Вадима Цымбурского // Проблемы цивилизационного развития. 2022. №1. С. 125–139.
11. Келле В. Ж. О методологических аспектах цивилизационного подхода // Форум – 2009. Цивилизационные и национальные проблемы: альманах. М.: ИНИИОН РАН, 2009. С. 135–143.

12. Крестовский А. А. Научная и политическая значимость цивилизационного подхода Н. Я. Данилевского с учетом современных проблем и вызовов времени // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. №4. С. 141–145.
13. Кулик С. В. Российский цивилизационный дискурс на современном этапе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №12-1. С. 45–51.
14. Тюгашев Е. А., Попков Ю. В. Теоретико-методологическое проблемное поле российского проекта цивилизационного развития // Проблемы цивилизационного развития. 2020. №1. С. 35–48.

ARTICLE INFORMATION

Author

Elizaveta A. Shiyapova

- e-mail: Markelova.elizabeth@yandex.ru,
Postgraduate student, Department of Philosophy of Politics and Law,
Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation

Shiyapova E. A. Russia as a state-civilization in modern political discourse.
In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To explore the concept of “state-civilization” within the framework of the civilizational approach in political science, to determine whether Russia is a state-civilization.

Methodology. Comparative analysis and discourse analysis were used as the main methods of the research. The works of the authors who studied the subject of the civilizational approach were studied, generalization of the existing opinions was presented, problems and contradictions in the discourse on civilization were identified, and prospects for the development of this approach in political science were determined.

Results. The results of the study showed that there is a variety of definitions of the concept of “civilization”, and the semantic content of the civilizational approach is understood differently by different authors. First of all, this is due to the complexity of the concept of “civilization”, as well as the typologization of civilizations and the use of various features in the identification of states-civilizations. At the same time, a number of researchers agree that Russia can be ranked among the states-civilizations, that is, among those structures of the modern multipolar world that influence the formation of its future.

Research implications. The specifics of the formation of Russian identity based on the civilizational approach, as well as the prospects for further development of this topic are shown. Special attention is paid to the challenges threatening national identity. Based on the conducted research,

it is concluded that it is promising to defend Russia's historically established position on the rights of a state-civilization, and the article identifies ways to improve it.

Keywords

state-civilization, multipolarity, Russian civilizational identity, Russia, civilization, civilizational approach

References

1. Akopov S. V. [Civilization and the empire as a way of imagination of cultural and political community in tv. L. Tsymbursky and V. K. Kantor's concepts]. In: *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], 2013, no. 8, pp. 73–82.
2. Bagdasaryan V. E. [Civilizational factors in the formation of public policy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 09.06.2024).
3. Gorbachev M. V. [Civilizational political project: between civilization theory and project approach]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [News of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science], 2020, no. 1, pp. 69–74.
4. Gorynov A. V. [Modern model of social changes. Experience of explication]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2011, no. 2, pp. 3–12.
5. Granin Yu. D. ["Civilizational approach". Formation and evolution]. In: *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya* [Civilization studies review], 2020, no. 2, pp. 65–85.
6. Granin Yu. D. ["Civilization" and civilizational evolution of Russia]. In: *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya* [Civilization studies review], 2021, no. 1, pp. 81–98.
7. Dugin A. G. [Conceptual approaches to the concept of "civilization"]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and political science], 2013, no. 1, pp. 33–41.
8. Zhukovskaya N. Yu., Kalinina E. V. [Civilizational approach to the typology of social systems: state and development prospects]. In: *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and state: theory and practice], 2020, no. 12, pp. 65–68.
9. Zhukovskiy D. A. [Civilizational approach in political science: peculiarities of development in the new social reality]. In: *Teoriya i praktika*

obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development], 2015, no. 20, pp. 158–162.

10. Ilinskaya S. G. [Relevance of Vadim Tsymburskie's Geopolitical Intuitions]. In: *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya* [Civilization studies review], 2022, no. 1, pp. 125–139.
11. Kelle V. Zh. [On the methodological aspects of the civilizational approach]. In: *Forum – 2009. Tsivilizatsionnye i natsional'nye problemy* [Forum – 2009. Civilization and national problems]. Moscow, INII ON RAN Publ., 2009, pp. 135–143.
12. Krestovskii A. A. [Scientific and political significance of the civilizational approach of N. Danilevsky taking into account modern problems and challenges of the time]. In: *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economics, culture], 2020, no. 4, pp. 141–145.
13. Kulik S. V. [Russian civilizational discourse at the present stage]. In: *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences], 2020, no. 12-1, pp. 45–51.
14. Tiugashev E. A., Popkov Yu. V. [Theoretical and methodological problem field of Russian project civilizational development]. In: *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya* [Civilization studies review], 2020, no. 1, pp. 35–48.

УДК 316.47

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ РЕВНОСТИ, ОСЛОЖНЯЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПАРЕ

Нестерова Альбина Александровна

- e-mail: anesterova77@rambler.ru;
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры социальной и педагогической психологии;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 2, Российская Федерация

Щукина Ольга Геннадьевна

- e-mail: olgashchukina.psy@gmail.com;
аспирант кафедры социальной и педагогической психологии;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Нестерова А. А., Щукина О. Г. Социально-психологические предикторы ревности, осложняющие отношения в паре // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 07.08.2024
- Статья размещена на сайте 15.11.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Выборка и методика исследования](#)

[Результаты исследования и их обсуждение](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Провести анализ социально-психологических предикторов возникновения ревности в романтических отношениях.

Процедура и методы. Исследование проводилось с применением регрессионного и корреляционного анализа на выборке 300 взрослых людей в возрасте от 21 до 50 лет, состоящих в романтических отношениях (семейные пары и пары, состоящие в романтических отношениях).

Результаты. В проявления высокой степени ревности в романтических отношениях наибольший вклад вносят такие характеристики личности, как склонность к негативным аффективным реакциям и избеганию обсуждения проблем в паре, неудовлетворённость межличностными отношениями и высокая степень напряжённости и конфликтности, тревожный тип привязанности и страх потерять партнёра, дисфункциональный тип эмоциональной коммуникации в родительской семье.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы в построении тактики консультирования супружеских и романтических пар, где ревность становится разрушительным фактором для развития отношений, приводит к недоверию, деструктивным конфликтам и разрыву этих отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

романтические отношения, ревность, коммуникативные реакции на ревность, предикторы ревности в паре, консультирование пар

ВВЕДЕНИЕ

Ревность в романтических отношениях считается одним из самых интенсивных, часто встречающихся и осложняющих доверие и отношение чувств, которому уделяют большое внимание и психологи, и социологи, и антропологи, и философы [1; 7; 8; 13; 17; 20]. Появляется всё больше работ, в которых изучается взаимосвязь между ревностью и разными социально-психологическими характеристиками человека, так как понимание этих черт поможет в профилактике деструктивных проявлений, связанных с эмоциональными и поведенческими реакциями партнёров на ситуацию ревности [1; 13; 18].

Общей чертой большинства определений ревности является то, что это эмоциональная реакция на реальную или воображаемую угрозу потери чего-то ценного в романтических отношениях [7; 10; 20].

Большинство концептуальных подходов к ревности подчеркивают её негативную сторону, описывают её дисфункциональную и разрушительную для отношений природу [1; 8; 16; 20].

Исследования зарубежных и отечественных учёных показывают, что ревность связана с индивидуально-личностными особенностями человека: низкой самооценкой, низким уровнем доверия и эмпатии, ощущением одиночества, потребностью в одобрении, невротизмом, депрессией и выраженной враждебностью [1; 16; 24].

На выборке 847 участников исследования, состоящих в романтических отношениях, было обнаружено, что более высокий невротизм, более низкая уступчивость и более низкий уровень открытости и доверия предсказывали более высокую романтическую ревность [23].

А. В. Сергеева по результатам эмпирического исследования делает вывод о взаимосвязи ревности, а также тревожности, завистливости. Ревнивцы оказываются более подозрительными, тревожными и эмоционально неустойчивыми, у них присутствуют нарушения в структуре самооотношения [8].

Пол является важным фактором ревности и её проявлений [14]. В исследовании взаимосвязи дезадаптивных схем мужчин / женщин и ревности обнаружено, что у женщин ревность связана с зависимостью / беспомощностью и пунитивностью, а у мужчин – с подавлением эмоций, социальной приверженностью и поиском одобрения. У мужчин ревность также связана с социокультурными нормами общества: ревновать – значит быть «мужчиной» [9].

С эволюционной точки зрения природа ревности различается у мужчин и женщин: мужчин беспокоит возможность сексуальной неверности партнёрши; женщины более склонны ревновать в ситуации, когда партнёр начинает эмоционально вкладываться в потенциальных соперниц (больше уделять внимания, времени и сил другой женщине) [7].

Исследование голландских учёных показало взаимосвязь между реактивной и превентивной ревностью и чертами «тёмной триады»: нарциссизмом, макиавеллизмом, психопатией. Так, психопатия связана напрямую с реактивной ревностью,

а макиавеллизм и нарциссизм – с превентивной ревностью. Авторы рассматривали реактивную ревность (отрицательные эмоции в ответ на неверность партнёра), тревожную ревность (беспокойство по поводу неверности партнёра) и превентивную ревность (потребность предотвратить контакт партнёра с другими). Нейротизм был связан с превентивной ревностью, а интроверсия и враждебность – со всеми тремя типами ревности [15; 22].

На выборке в более чем 3 тыс. человек была обнаружена обратно пропорциональная взаимосвязь между когнитивной и поведенческой ревностью. Исследователи объясняют это более высокой самооценкой людей, которые проявляют в своей жизни больший уровень осознанности [18].

Результаты зарубежных исследований связывают ревность с различиями в стиле романтической привязанности у взрослых, так что люди с ненадёжной привязанностью (особенно с тревожно-амбивалентным типом) более склонны испытывать ревность, чем люди с надёжным стилем привязанности [19; 20].

Как тревожный, так и избегающий типы привязанности с большей вероятностью предсказывают деструктивно-избегающий стиль совладания со своим чувством ревности. Тревно-амбивалентная привязанность у человека положительно предсказывала совладание с ревностью в коммуникации, ориентированной на соперника, в то время как избегающая привязанность не имела какой-то определённой реакции на ревность [21].

В целом характер отношений в романтической паре влияет на проявление ревности. Ревность связана с эмоциональной зависимостью от партнёра. Ревность чаще встречается у тех, кто находится в отношениях, характеризующихся низкой приверженностью партнёру и сексуальной неверностью. Ревность связана с большей неудовлетворённостью отношениями в целом [13].

Таким образом, на сегодняшний день изучены некоторые взаимосвязи проявлений ревности, но при этом не определён вклад переменных личностного, межличностного и семейно-средового характера, позволяющих более интегрированно увидеть совокупность социально-психологических предикторов ревности в романтической паре.

ВЫБОРКА И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Участники исследования. Выборку составили 300 человек в возрасте от 21 до 50 лет (средний возраст 32 года), состоящих в продолжительных романтических отношениях (150 женщин, 150 мужчин). Все участники исследования являются гражданами РФ и проживают на территории Российской Федерации. С помощью социально-демографической анкеты мы контролировали следующие характеристики участников исследования: возраст, пол, стаж отношений, наличие / отсутствие детей. Все эти переменные учитывались при анализе полученных результатов.

Методики исследования. В исследовании применялись следующие психодиагностические опросники:

Для измерения личностных особенностей проявления ревности и некоторых черт личности, связанных с ревнивостью:

1. Многомерная шкала ревности (MJS). Авторы: С. М. Пфайфер и П. Т. Вонг (1989) в адаптации А. О. Вергейчик (2016). Позволяет оценить когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты ревности [1].

2. Опросник «Коммуникативные реакции на ревность» (CRJ). Авторы: Л. К. Герреро и П. А. Андерсен (1998) в адаптации И. А. Фурманова, А. О. Вергейчик (2012). Рассматривает особенности реакции человека на возникающую ревность: активное дистанцирование, негативная аффективная экспрессия, интегративная коммуникация, дистрибутивная коммуникация; избегание / отрицание; насилие / угрозы; контроль / ограничения; компенсация / замещение; манипуляция; контакт с соперником [10].

3. Опросник Е. П. Ильина, определяющий степень выраженности чувства ревности у человека [4].

4. Опросник «Тёмная дюжина» (авторы: Т. В. Корнилова, С. А. Корнилов, 2015), рассматривающий такие черты личности, как макиавеллизм, неклинический нарциссизм и неклиническая психопатия [6].

Для измерения некоторых характеристик взаимоотношений в паре:

5. Методика «Субъективная оценка межличностных отношений» (С. В. Духновский, 2006), отражающая выраженность напряжённости, отчуждённости, конфликтности и агрессии в межличностных отношениях [3].

6. Опросник «Шкала оценки отношений» (RAS) (В. С. Хендрик (1988) в адаптации О. Сычёва (1996)) измеряет уровень удовлетворённости романтическими и супружескими отношениями.

7. Мультиопросник измерения романтической привязанности (MIMARA). Авторы опросника: К. Бреннан, П. Шейвер (1995). Методика адаптирована О. А. Екимчик, Т. А. Крюковой (2009) и измеряет 7 характеристик привязанности и отношений между романтическими партнёрами: фрустрацию; стремление к сближению; самоподдержку; амбивалентность; доверие; ревность; цепляние за партнёра [5].

Для исследования характеристик, связанных с семьёй происхождения партнёров:

8. Опросник на привязанность к родителям (М. В. Яремчук, 2005), который позволяет выявить преобладающий тип привязанности, исходя из классической классификации: амбивалентный (тревожный), избегающий и надёжный типы привязанности [12].

9. Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) (А. Б. Холмогорова, С. В. Воликова, М. Г. Сорокова, 2004), который показывает характер наличия опыта дисфункциональных отношений в родительской семье, а именно: критика; индуцированные тревоги; элиминирование эмоций; фиксация на негативе; внешнее благополучие; сверхвключённость; семейный перфекционизм [11].

Для выделения предикторов ревности в романтической паре использовался метод регрессионного и корреляционного анализа. Данные обрабатывались в статистическом пакете Statistica 12.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В данной части эмпирического исследования была выдвинута гипотеза о том, что на проявление выраженной романтической ревности влияют личностные особенности партнёров, характер их взаимоотношений в паре и некоторые сформированные в родительской семье паттерны взаимодействия, в близких отношениях (стиль эмоциональной коммуникации, сформированный стиль привязанности).

На первом этапе мы пытались с помощью регрессионного анализа определить вклад различных переменных в показатель уровня выраженности ревности. Для выполнения регрессионного анализа был выбран метод пошагового отбора, поочередно исключающий из уравнения регрессии те предикторы, влияние которых наименее значимо для зависимой переменной. Таким образом, нам представится возможность выделить те переменные, которые прогностически в большей мере смогут предсказать влияние на проявление ревности в романтических отношениях. В рамках исследования можно описать три уравнения регрессии, отражающие вклад коммуникативных реакций на ревность, особенностей межличностных отношений в паре и личностных черт самого ревнивца. В уравнении регрессии переменные со знаком «плюс» вносят усиливающее действие в ревностные проявления, а переменные со знаком «минус» вносят отрицательный вклад и являются блокаторами разрастания этого чувства.

1. Уравнение регрессии, представляющее *вклад в проявление ревности личностных черт и различных коммуникативных реакций на ревность*, а также её аффективного, когнитивного и поведенческого компонента, имеет следующий вид:

Выраженная ревность = $-24,28 + 0,29$ (активное дистанцирование) + $0,30$ (негативная аффективная экспрессия) + $0,26$ (дистрибутивная коммуникация) + $0,32$ (избегание) + $0,25$ (компенсация / замещение) + $0,26$ (контакт с соперником) + $4,66$ (эмоциональный компонент ревности) + $1,56$ (поведенческий компонент ревности) + $0,28$ (нарциссизм) – $0,32$ (макиавеллизм).

Наибольший вклад в проявление ревности вносит эмоциональный компонент ревности (4,66) и поведенческий компонент (1,56). Действительно, релевантные исследования показывают, что эмоциональный и поведенческий компоненты в большей мере определяют поведение ревнивца, который проявляет такие реакции в ответ на ревность, как избегание, негативное проявление аффекта (гнев, ссоры, эмоциональный выплеск), активное дистанцирование (молчаливое наказание партнёра, вызывающего ревность), компенсация / замещение (желание вернуть партнёра подарками или вызвать ответную ревность), контакт с соперником [10; 19]. Такие результаты регрессионного анализа могут означать, что негативное поведение и коммуникация в ситуации ревности, а также яркое выражение негативных эмоций и поведенческие «атаки» на

партнёра и соперника чаще характеризуют поведение ревнивого человека. При этом у ревнивцев низкий уровень манипулятивности (макиавеллизма) – гораздо выше из черт личности «тёмной триады» у них выражен нарциссизм. Они редко прибегают к интегративной коммуникации (попытке конструктивно поговорить с партнёром), к обозначению своих чувств, напротив, действуют более импульсивно и эмоционально.

Дополнительно проведённый корреляционный анализ показал, что люди с выраженным нарциссизмом больше проявляют эмоциональный компонент ревности, среди самых выраженных реакций у них проявляется негативный аффективный выплеск своих чувств на партнёра ($r=0,12$, при $p<0,05$).

Таблица 1 / Table 1

Регрессионный анализ вклада в ревнивость переменных, характеризующих личность и типы коммуникативных реакций / Regression analysis of the contribution to jealousy of variables characterizing personality and types of communicative reactions

Методики	Предикторы личности и реакций ревности	b	Std. Err.	p-value
«Тёмная триада»	Intercept	-24,28	3,25	0,000**
	Нарциссизм	0,28	0,12	0,051*
	Психопатия	-0,25	0,14	0,091
	Макиавеллизм	-0,32	0,12	0,013*
Коммуникативные реакции на ревность	Активное дистанцирование	0,29	0,08	0,001**
	Негативная аффективная экспрессия	0,30	0,08	0,000**
	Интегративная коммуникация	-0,19	0,10	0,086
	Дистрибутивная коммуникация	0,26	0,09	0,006**
	Избегание / отрицание	0,32	0,09	0,001**
	Насилие / угрозы	-0,01	0,10	0,909

Окончание Таблицы 1 / Table 1.

Методики	Предикторы личности и реакций ревности	b	Std. Err.	p-value
Коммуникативные реакции на ревность	Контроль / ограничения	-0,06	0,08	0,492
	Компенсация / замещение	0,25	0,09	0,007**
	Манипуляции	-0,06	0,11	0,630
	Контакт с соперником	0,26	0,12	0,038*
Выраженность компонентов ревности	Когнитивный компонент ревности	-0,67	0,63	0,295
	Эмоциональный компонент ревности	4,66	0,67	0,000**
	Поведенческий компонент ревности	1,56	0,67	0,022*

* $p < 0,05$ ** $p < 0,01$

Таким образом, среди наиболее часто встречающихся в романтических отношениях реакций у ревнивых партнёров можно отметить: деструктивные стратегии коммуникации и попытки вызвать ревность в ответ; избегающее поведение, которое включает молчание и отрицание необходимости обсуждения проблемы с партнёром при внутреннем её переживании; деструктивную коммуникацию, ориентированную на контроль партнёра и выяснение отношений с реальным или предполагаемым соперником.

2. Среди переменных, характеризующих *качество межличностных отношений в паре у лиц, более склонных к ревности*, можно выделить особый вклад таких переменных, как напряжённость (0,36), агрессивность (0,28), конфликтность отношений (0,46), а также страх потерять партнёра (0,47).

Таблица 2 / Table 2

Регрессионный анализ вклада в ревнивость переменных, характеризующих межличностные отношения в романтической паре / Regression analysis of the contribution to jealousy of variables characterizing interpersonal relationships in a romantic couple

Методики	Предикторы межличностных отношений в паре	b	Std. Err.	p-value
	Intercept	26,45	4,67	0,000**
Оценка отношений	Удовлетворённость отношениями	-3,17	0,38	0,000**
Измерение романтической привязанности в паре	Фрустрация	0,09	0,08	0,286
	Стремление к сближению	0,11	0,08	0,192
	Самоподдержка	-0,05	0,09	0,609
	Амбивалентность отношений	-0,04	0,09	0,682
	Доверие / уверенность	0,08	0,08	0,372
	Ревность и страх потерять партнёра	0,47	0,07	0,000**
	Срастание с партнёром	-0,08	0,08	0,362
Субъективная оценка межличностных отношений	Напряжение в отношениях	0,36	0,10	0,000**
	Отчуждение в отношениях	0,06	0,09	0,542
	Конфликтность в отношениях	0,46	0,12	0,000**
	Агрессия в отношениях	0,28	0,10	0,012**

*p<0,05
**p<0,01

В этом контексте уравнение регрессии будет иметь следующий вид:

Выраженная ревность = 26,45 + 0,36 (напряжённость) + **0,28** (агрессивность) + **0,46** (конфликтность отношений) + **0,47** (страх быть оставленным партнёром) – **3,17** (удовлетворённость отношениями).

В целом в парах, где проявлена ревность, отношения носят дисфункциональный характер. В них много напряжённости, конфликтов, выраженной агрессии друг на друга, но при этом низкий уровень отчуждения. Ревнивые партнёры, наоборот, в большей мере стараются сблизиться, иногда чрезмерно контролируя и нарушая границы своих близких. Те, кто склонен к ревности, в значительно меньшей степени удовлетворены отношениями с романтическим партнёром. Более ревнивыми оказываются и мужчины, и женщины с выраженным страхом быть брошенным партнёром.

3. Среди факторов *дисфункциональной семейной коммуникации, которые взрослые люди выносят из своей родительской семьи* (из взаимодействия с родителями), наиболее значимый вклад в проявление ревности вносят такие переменные, как «критика» (0,64), «фиксация» (0,55), «семейный перфекционизм» (0,42), «тревожно-амбивалентный тип привязанности» (0,29). Влияние амбивалентного стиля привязанности подтверждается исследованиями зарубежных коллег, полагающих, что ненадёжный тип привязанности является фактором риска для проявления ревности в отношениях [19; 21; 23].

Избегающий тип привязанности вносит значимый вклад в ревность, но со знаком «минус», что говорит нам о том, что люди с избегающим типом привязанности менее склонны к ревности или стараются её вообще не выражать, что согласуется с другими исследованиями [21].

Выраженная ревность = 38,64 + 0,64 (критика) + **0,55** (фиксация) + **0,42** (семейный перфекционизм) + **2,51** (тревожно-амбивалентный тип привязанности) – **1,79** (избегающий тип привязанности).

Таблица 3 / Table 3

Регрессионный анализ вклада в ревнивость переменных, характеризующих паттерны отношений, сформированных в родительской семье / Regression analysis of the contribution to jealousy of variables characterizing patterns of relationships formed in the family of origin

Методики	Переменные семейной коммуникации и привязанности	b	Std. Err.	p-value
	Intercept	38,64	3,94	0,000**
Дисфункциональная семейная коммуникация	Критика	0,64	0,13	0,000**
	Индукция тревоги	0,22	0,11	0,057
	Элиминирование эмоций	0,01	0,18	0,999
	Фиксация	0,55	0,19	0,005**
	Внешнее благополучие	-0,03	0,17	0,847
	Сверхвключённость	-0,32	0,18	0,0928
	Семейный перфекционизм	0,42	0,17	0,017*
Тип привязанности	Надёжная привязанность	-0,74	0,77	0,335
	Амбивалентная привязанность	2,51	0,73	0,000**
	Избегающая привязанность	-1,79	0,73	0,015*

* $p < 0,05$

** $p < 0,01$

Полученные результаты могут означать, что родители, которые критиковали своих детей, были фиксированы на их неудачах, подмечали их промахи, требовали от детей самых высоких результатов и перфектности, возможно, тоже вносят негативный вклад в формирование «ревнивой личности» выходца из такой семьи. Все попавшие в уравнение регрессии характеристики дисфункциональной семейной коммуникации в родительской семье, действительно, формируют невротизиру-

ванную личность, которая впоследствии может формировать неадаптивное поведение и даже страдать аффективными расстройствами [11]. Семья, несомненно, является важным фактором формирования здоровой, психологически благополучной личности [2].

Среди социально-демографических переменных с выраженной ревностью связаны такие переменные, как возраст, стаж отношений, наличие детей. Чем старше человек, чем больше лет он находится с партнёром в отношениях, тем в меньшей степени проявлены все три компонента ревности (когнитивный, аффективный и поведенческий). Наиболее весомыми факторами низкой степени ревности являются: наличие детей, стаж отношений и возраст (обратно пропорциональная зависимость).

Таким образом, мы смогли подтвердить гипотезу о том, что на проявление ревности в романтических отношениях партнёров влияет ряд социально-психологических предикторов: личностных, межличностных и семейно-средовых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Исследование показало, что романтическая ревность – сложная эмоция, активируемая реальной или предполагаемой угрозой отношениям. Возникновение данной эмоции в паре, с одной стороны, выступает как атрибут значимости отношений, важности партнёра, но, с другой стороны, чрезмерное её проявление пагубно влияет на отношения, снижает удовлетворённость взаимоотношениями и разрушает гармонию в паре.

2. С помощью регрессионного анализа мы можем описать психологический портрет склонного к романтической ревности партнёра, в котором будут преобладать аффективные и деструктивные реакции на ревность (дистанцирование от партнёра, негативный выплеск эмоций, избегание разговоров с партнёром, замещение, контакт с соперником). Ревность связана с ярко выраженным нарциссизмом личности.

3. Значительный вклад в ревнивость вносит тревожно-амбивалентный тип привязанности, страх отвержения со стороны партнёра, склонность к конфликтности, агрессии и напряжению в отношениях.

5. Можно также констатировать, что ревнивцы сами часто воспитываются в семьях с дисфункциональной коммуникаци-

ей, где взрослеющий человек подвергается критике, фиксации на негативных эмоциях и проявлениях. Склонные к ревности люди часто растут в ситуации завышенных от них ожиданий, что может формировать низкую самооценку и нейротизм, которые потом проявляются в подозрительности и постоянной тревоге по поводу близких отношений.

6. Ревность гораздо меньше выражена в парах, которые имеют длительный стаж отношений, у которых есть дети, а также зарегистрировавших свои отношения (живущих в браке). Более зрелые партнёры менее склонны к ревности или проявляют более конструктивные реакции для её проявления и обсуждения проблем в отношениях с партнёром.

7. Настоящие результаты поднимают важные вопросы соотношения интрапсихических и интерпсихических факторов, связанных с ревностью. Это важно для понимания условий профилактики деструктивного влияния ревности на развитие отношений в паре.

8. Понимание предикторов ревности позволяет разработать меры для её предотвращения и программы психологической работы с взрослыми людьми, в отношениях которых ревность является тяжёлой и изнуряющей эмоцией, разрушающей доверие и любовь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вергейчик А. О. Ревность в романтических отношениях партнеров с различным уровнем агрессивности и враждебности // Философия и социальные науки. 2016. №2. С. 72–75.
2. Внутрисемейное взаимодействие матери и ребёнка-подростка в многодетных, полных малодетных и неполных семьях / О. И. Иванова, Н. С. Крамаренко, Н. В. Сидячева, Т. И. Шульга // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.06.2024).
3. Духновский С. В. Переживание дисгармонии межличностных отношений. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2005. 174 с.
4. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2011. 752 с.
5. Крюкова Т. Л., Екимчик О. А., Опекина Т. П. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. Кострома: Издательство Костромского государственного университета, 2019. 340 с.
6. Методика диагностики личностных черт «Тёмной триады»: апробация опросника Темная Дюжина / Т. В. Корнилова, С. А. Корнилов, М. А. Чумакова, М. С. Талмач // Психологический журнал. 2015. №36. С. 99–112.
7. Нестерова А. А., Щукина О. Г. Особенности проявления романтической ревности и построения отношений у мужчин и женщин // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №1. С. 87–104. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-87-104
8. Сергеева А. В. Психология ревности: зарубежный и отечественный опыт научного исследования // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2017. Т. 28. №2. С. 22–29.
9. Фокина Н. В., Чижова Е. А. Субъективное переживание ревности в контексте ранних дезадаптивных схем // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2020. Т. 2. №2. С. 102–109.
10. Фурманов И. А., Вергейчик А. О. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики Коммуникативные реакции на ревность // Психологический журнал. 2012. №1-2. С. 81–89.
11. Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Сорокова М. Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. №4. С. 97–125. DOI: 10.17759/cpp.2016240405

12. Яремчук М. В. Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и в отношениях любви у старших подростков // Психологическая наука и образование. 2005. №3. С. 86–94.
13. Attridge M. Jealousy and relationship closeness: Exploring the good (reactive) and bad (suspicious) sides of romantic jealousy // SAGE open. 2013. Vol. 3. №1. DOI: 10.1177/215824401347605
14. Asselmann E., Specht J. Taking the ups and downs at the rollercoaster of love: Associations between major life events in the domain of romantic relationships and the Big Five personality traits // Developmental Psychology. 2020. Vol. 56. №9. P. 1803–1816. DOI: 10.1037/dev0001047
15. Barelds D. P. H., Dijkstra P. Exploring the link between bright and dark personality traits and different types of jealousy // Psihologijske teme. 2021. Vol. 30. №1. P. 77–98. DOI: 10.31820/pt.30.1.4
16. Bevan J. L. Experiencing and communicating romantic jealousy: Questioning the investment model // Southern Communication Journal. 2008. Vol. 73. P. 42–67. DOI: 10.1080/10417940701815626
17. Buunk A. P., Massar K. Jealousy in Close Relationships from an Evolutionary and Cultural Perspective: Responding to Real and Feared Rivals // The Oxford Handbook of Evolutionary Psychology and Romantic Relationships / ed. J. K. Mogilski, T. K. Shackelford, 2023. P. 333–352. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780197524718.001.0001
18. De Cristofaro V., Pellegrini V., Salvati M., et al. Examining and understanding patterns of cognitive, emotional, and behavioral jealousy: Dispositional Mindfulness as a protective factor in romantic relationships // Journal of Social and Personal Relationships. 2023. Vol. 40. №5. P. 1368–1397. DOI: 10.1177/02654075221139631
19. Guerrero L. K. Attachment-style differences in the experience and expression of romantic jealousy // Personal Relationships. 1998. Vol. 5. P. 273–291.
20. Handbook of jealousy: Theory, research, and multidisciplinary approaches / ed. S. L. Hart, M. Legerstee. New Jersey: John Wiley & Sons, 2013. 600 p.
21. İnkaya T., Güngör A. Investigating the Predictive Effects of Attachment Styles on Coping Styles with Jealousy in Romantic Relationships // Kastamonu Education Journal. 2023. Vol. 31. №3. P. 378–385. DOI: 10.24106/KEFDERGi-2022-0006
22. Leite Â., Castro R. Exploring the Role of Dark Personality Traits in Embitterment–Jealousy Dynamics: Insights from a Multi-Scale Analysis and Moderation Effects // Psychiatry International. 2024. Vol. 5. №2. P. 268–288. DOI: 10.3390/psychiatryint5020019
23. Richter M., Schlegel K., Thomas P., et al. Adult attachment and personality as predictors of jealousy in romantic relationships //

Frontiers in psychology. 2022. Vol. 13. P. 1–14. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.861481

24. Stieger S., Preyss A. V., Voracek M. Romantic jealousy and implicit and explicit self-esteem // Personality and Individual Differences. 2012. Vol. 52. №1. P. 51–55. DOI: 10.1016/j.paid.2011.08.028

ARTICLE INFORMATION

Authors

Albina A. Nesterova

- e-mail: anesterova77@rambler.ru,
Dr. Sci. (Psychology), Prof.,
Department of Social and Educational Psychology,
Federal State University of Education
ul. Radio 10/2, Moscow 105005, Russian Federation

Olga G. Shchukina

- e-mail: olgashchukina.psy@gmail.com,
Postgraduate Student, Department of Social and Educational Psychology,
Federal State University of Education
ul. Radio 10/2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Nesterova A. A., Shchukina O. G. Social-psychological predictors of jealousy destroying couple relationships. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To conduct an analysis of social and psychological predictors of jealousy in romantic relationships.

Methodology. The study was conducted using regression and correlation analysis on a sample of 300 adults aged 21 to 50 in romantic relationships (married couples and couples in romantic relationships).

Results. The greatest contribution to the manifestation of a high degree of jealousy in romantic relationships is made by such personality characteristics as a tendency to negative affective reactions and avoidance of discussing problems in a couple; dissatisfaction with interpersonal relationships and a high degree of tension and conflict; anxious attachment type and fear of losing the partner; dysfunctional type of emotional communication in the family of origin.

Research implications. The obtained results can be used in developing tactics for counseling married and romantic couples where jealousy becomes a destructive factor in the development of relationships leading to mistrust, destructive conflicts and the breakdown of these relationships.

Keywords

romantic relationships, jealousy, communicative reactions to jealousy, predictors of jealousy in a couple, couple counseling

References

1. Vergeychik A. O. [Jealousy in the romantic relations of partners with various levels of aggression and hostility]. In: *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [Philosophy and Social Sciences], 2016, no. 2, pp. 72–75.
2. Ivanova O. I., Kramarenko N. S., Sidyacheva N. V., Shulga T. I. [Intra-family interaction between mothers and adolescent children in multi-child, two- parent families with few children and single-parent families]. In: *Rossiiskii sotsial'no-gumanitarnyi zhurnal* [Russian Social and Humanitarian Journal], 2024, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.06.2024).
3. Dukhnovsky S. V. *Perezhivanie disgarmonii mezhlichnostnykh otnoshenii* [Experiencing disharmony in interpersonal relationships]. Kurgan, Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2005. 174 p.
4. Ilyin E. P. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 752 p.
5. Kryukova T. L., Ekimchik O. A., Opekina T. P. *Psikhologiya sovladaniya s trudnostyami v blizkikh (mezhlichnostnykh) otnosheniyakh* [Psychology of coping with difficulties in close (interpersonal) relationships]. Kostroma, Izdatel'stvo Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2019. 340 p.
6. Kornilova T. V., Kornilov S. A., Chumakova M. A., Talmach M. S. [The Dark Triad Personality Traits Measure: Approbation of the Dirty Dozen questionnaire]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2015, no. 36, pp. 99–112.
7. Nesterova A. A., Shchukina O. G. [Features of romantic jealousy and relationship building in men and women]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences], 2024, no. 1, pp. 87–104. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-87-104
8. Sergeyeva A. V. [Psychology of jealousy: foreign and domestic experience of scientific research]. In: *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty* [Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work], 2017, vol. 28, no. 2, pp. 22–29.

9. Fokina N. V., Chizhova E. A. [Subjective experience of jealousy in the context of early maladaptive schemas]. In: *Vestnik psikhologii i pedagogiki Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University], 2020, vol. 2, no. 2, pp. 102–109.
10. Fourmanov I. A., Vergeychik A. O. [Tactics of behavior in situation of feeling jealousy: the adaptation of the method "Communicative responses to jealousy"]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2012, no. 1-2, no. 2, pp. 81–89.
11. Kholmogorova A. B., Volikova S. V., Sorokova M. G. [Standardization of the test "Family emotional communication"]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2016, vol. 24, no. 4, pp. 97–125. DOI: 10.17759/cpp.2016240405
12. Yaremchuk M. V. [The attachment's peculiarities in child's-and-parents and in love relations of senior teenagers]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2005, no. 3, pp. 86–94.
13. Attridge M. Jealousy and relationship closeness: Exploring the good (reactive) and bad (suspicious) sides of romantic jealousy. In: *SAGE open*, 2013, vol. 3, no. 1. DOI: 10.1177/215824401347605
14. Asselmann E., Specht J. Taking the ups and downs at the rollercoaster of love: Associations between major life events in the domain of romantic relationships and the Big Five personality traits. In: *Developmental Psychology*, 2020, vol. 56, no. 9, pp. 1803–1816. DOI: 10.1037/dev0001047
15. Barelds D. P. H., Dijkstra P. Exploring the link between bright and dark personality traits and different types of jealousy. In: *Psihologijске teme*, 2021, vol. 30, no. 1, pp. 77–98. DOI: 10.31820/pt.30.1.4
16. Bevan J. L. Experiencing and communicating romantic jealousy: Questioning the investment model. In: *Southern Communication Journal*, 2008, vol. 73, pp. 42–67. DOI: 10.1080/10417940701815626
17. Buunk A. P., Massar K. Jealousy in Close Relationships from an Evolutionary and Cultural Perspective: Responding to Real and Feared Rivals. In: Mogilski J. K., Shackelford T. K., eds. *The Oxford Handbook of Evolutionary Psychology and Romantic Relationships*, 2023, pp. 333–352. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780197524718.001.0001
18. De Cristofaro V., Pellegrini V., Salvati M., et al. Examining and understanding patterns of cognitive, emotional, and behavioral jealousy: Dispositional Mindfulness as a protective factor in romantic relationships. In: *Journal of Social and Personal Relationships*, 2023, vol. 40, no. 5, pp. 1368–1397. DOI: 10.1177/02654075221139631
19. Guerrero L. K. Attachment-style differences in the experience and expression of romantic jealousy. In: *Personal Relationships*, 1998, vol. 5, pp. 273–291.

20. Hart S. L., Legerstee M., eds. Handbook of jealousy: Theory, research, and multidisciplinary approaches. New Jersey, John Wiley & Sons, 2013. 600 p.
21. İnkaya T., Güngör A. Investigating the Predictive Effects of Attachment Styles on Coping Styles with Jealousy in Romantic Relationships. In: *Kastamonu Education Journal*, 2023, vol. 31, no. 3, pp. 378–385. DOI: 10.24106/KEFDERGI-2022-0006
22. Leite Â., Castro R. Exploring the Role of Dark Personality Traits in Embitterment–Jealousy Dynamics: Insights from a Multi-Scale Analysis and Moderation Effects. In: *Psychiatry International*, 2024, vol. 5, no. 2, pp. 268–288. DOI: 10.3390/psychiatryint5020019
23. Richter M., Schlegel K., Thomas P., et al. Adult attachment and personality as predictors of jealousy in romantic relationships. In: *Frontiers in psychology*, 2022, vol. 13, pp. 1–14. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.861481
24. Stieger S., Preyss A. V., Voracek M. Romantic jealousy and implicit and explicit self-esteem. In: *Personality and Individual Differences*, 2012, vol. 52, no. 1, pp. 51–55. DOI: 10.1016/j.paid.2011.08.028

УДК 159.9

СВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ С ЭМИГРАЦИОННЫМИ УСТАНОВКАМИ МОЛОДЁЖИ

Ромашева Жанагуль Жумабековна

- e-mail: zhanagul.rom@mail.ru;
Независимый исследователь;
г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования

Ромашева Ж. Ж. Связь личностных черт с эмиграционными установками молодёжи // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 20.08.2024
- Статья размещена на сайте 22.11.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)[Ключевые слова](#)[Введение](#)[Методика](#)[Результаты](#)[Обсуждение результатов](#)[Заключение](#)[Литература](#)[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение характера связи личностных черт с эмиграционными установками российской молодёжи.

Процедура и методы. Исследование проводилось с декабря 2020 г. по июнь 2021 г. на выборке в количестве 802 респондентов. Средний возраст респондентов составлял 20,3 лет. В исследовании были применены: методика «Шкала эмиграционных установок», вопросник «Большой пятёрки» (Big Five Inventory). Математическая обработка производилась с помощью описательных статистик и метода моделирования структурными уравнениями.

Результаты. Выявлено, что к повышению готовности молодых россиян к эмиграции приводят ослабление выраженности черт экстраверсии, доброжелательности, добросовестности и усиление выраженности черты открытости опыту.

Теоретическая и практическая значимость заключается в расширении и углублении знаний о факторах намерений молодёжи России эмигрировать, использовании полученных данных при прогнозировании потоков миграции молодых специалистов. Понимание эмиграционных мотивов молодых россиян позволяет учреждениям образования и правительственным организациям разрабатывать стратегии по созданию благоприятных условий для талантливой студенческой молодёжи на родине и удержанию её от эмиграции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

большая пятёрка, личностные черты, российская молодёжь, эмиграционная установка, эмиграционные намерения, эмиграция

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы наблюдается выраженность эмиграционных настроений российской молодёжи¹. Эмиграция молодого населения – это социальная проблема любой страны, характеризующаяся отъездом, как правило, образованной, трудоспособной её части, что приводит к различным негативным социальным последствиям.

¹ ВЦИОМ: каждый шестой россиянин хочет эмигрировать // Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт]. URL: https://www.znak.com/20200908/vciom_kazhdyy_shestoy_rossiyanin_hochet_emigrirovat (дата обращения: 23.01.2024).

Эмиграционная подвижность населения объясняется учёными социальными, социально-психологическими, политическими, культурными факторами – в таком случае в стороне остаётся сама личность, принимающая решение об эмиграции. В одинаковых обстоятельствах разными людьми возможно принятие разных решений относительно эмиграции, и это зависит от выраженности личностных черт потенциального мигранта [3; 5; 6; 8; 10]. Ведь экономические и социальные издержки эмиграции преломляются через призму личностных качеств человека, планирующего переезд в другую страну.

В многочисленных исследованиях личностных черт как предикторов миграционного поведения человека получены неоднозначные результаты. Так, *открытость опыту* в большинстве случаев предсказывает дальнейшую миграцию [5; 8; 10], при этом характер связи открытости опыту с намерениями человека сменить место проживания предопределяет вид будущей миграции. Например, усиление выраженности качества «Открытость опыту» прогнозирует переезд в отдалённые населённые пункты, а ослабление – предполагает перемещение в близлежащие города [10, р. 7–8] в краткосрочной перспективе [6, р. 6]. Исследования черты *доброжелательности* как фактора установки на эмиграцию показали, что слабая её выраженность предполагает возникновение миграционного намерения [5; 8] и чаще прогнозирует миграцию в краткосрочной перспективе. А связи доброжелательности с намерениями мигрировать в долгосрочной перспективе не обнаружено [6]. Неоднозначные данные получены и в исследованиях связи личностной черты *добросовестности* с миграционными намерениями. В то время как одни авторы [6] в качестве предиктора эмиграции и в долгосрочной, и в краткосрочной перспективе выделяют низкий уровень добросовестности, другие [10] определяют фактором переезда за границу высокий уровень добросовестности, третьи и вовсе не обнаружили связи добросовестности с эмиграционными установками [8]. Касательно связи личностной черты *экстраверсии* с намерениями эмигрировать установлено, что высокие показатели экстраверсии повышают готовность к переменам [1] и детерминируют эмиграционное поведение [10]. При этом М. Йокела (2021) отмечает, что выраженность экстраверсии ведёт к повышению общей мобильности человека, но не прогнозирует эмиграции с целью трудоустройства и получения образования. Наконец, низкий уровень *нейротизма*

предсказывает высокую вероятность переезда в страну, где проживают родственники, знакомые и друзья потенциального мигранта [5]. А в исследованиях других учёных [8] нейротизм не связан с установками на эмиграцию.

Представленная неоднородность и противоречивость данных касательно связи личностных черт «большой пятёрки» с эмиграционными установками, а также важность изучения личностных черт при прогнозировании эмиграции побудили нас к проведению собственного исследования данной проблемы.

Цель исследования: определить характер связи личностных черт молодых россиян с их эмиграционными установками.

Исходя из цели исследования, нами сформулированы следующие задачи: 1) установить степень выраженности компонентов эмиграционной установки и личностных черт российской молодёжи; 2) выявить связь личностных черт с эмиграционной установкой и её компонентами; 3) проанализировать полученные данные.

МЕТОДИКА

Процедура и выборка. Анкетирование проводилось при помощи платформы «Гугл-формы» с декабря 2020 г. по июнь 2021 г. Ссылка на прохождение опроса распространялась через электронную почту и социальные сети. В исследовании приняли участие 802 респондента, из них 74% женщин (591). Средний возраст составляет 20,3 лет ($SD=4,01$). Выборка представлена преимущественно студентами, доля студентов среди респондентов 64%, или 515 человек. Большая часть респондентов – 80% (645 человек) – идентифицирует себя русскими. 80% (638 человек) респондентов владеют иностранными языками, и 58% (468 человек) имеют опыт пребывания за границей.

Методики. Исследование эмиграционных установок произведено с помощью методики «Шкала миграционных установок» С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Феценко [2], модифицированной в «Шкалу эмиграционных установок». Изучение личностных черт проводилось с помощью вопросника Большой Пятёрки (Big Five Inventory) [4; 9]. Внутренняя согласованность методик была проверена с помощью коэффициента α -Кронбаха. Обработка первичных данных производилась с помощью описательных статистик и метода моделирования структурными уравнениями. Для математической обработки

данных использовалось программное обеспечение IBM SPSS Statistics 26.00 Windows.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Ниже, в таблице 1, представлены средние значения эмиграционной установки и её компонентов, а также личностных черт российской молодёжи.

Таблица 1 / Table 1

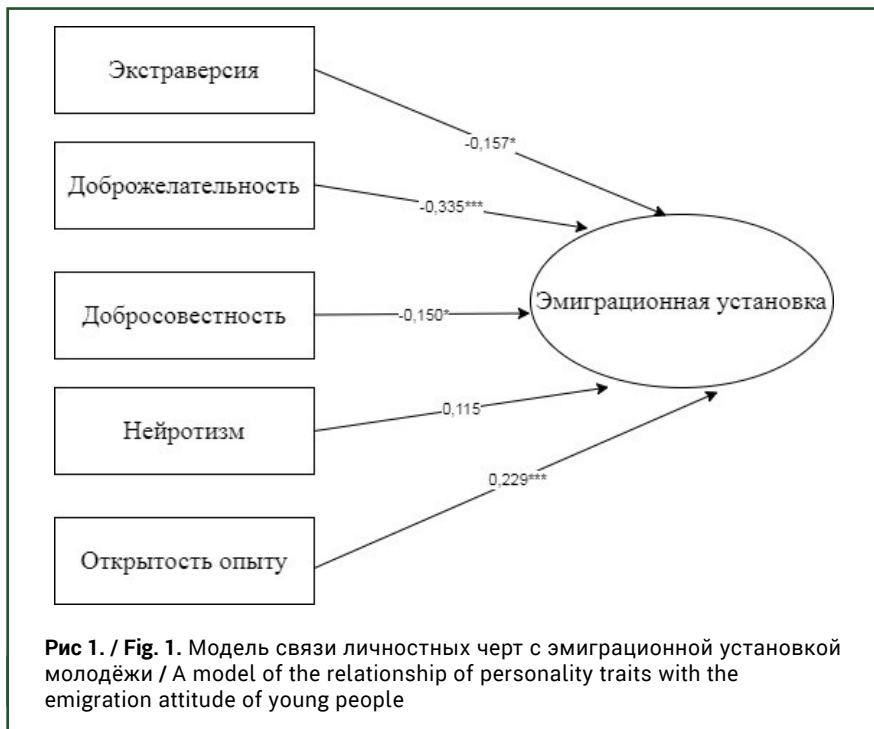
Описательные статистики эмиграционной установки и её компонентов, личностных черт молодёжи / Descriptive statistics of the emigration attitude and its components, personality traits of young people

Переменные	Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное отклонение	α -Кронбаха
Установка субъекта	1,00	7,00	4,06	1,53	0,95
Установка близких	1,00	7,00	3,67	1,30	0,91
Ожидания близких	1,00	7,00	3,80	1,40	0,89
Эмиграционная установка	1,00	7,00	3,84	1,30	0,92
Экстраверсия	1,00	5,00	3,35	0,78	0,93
Доброжелательность	1,56	5,00	3,49	0,59	0,97
Добросовестность	1,22	5,00	3,42	0,67	0,91
Нейротизм	1,00	5,00	3,05	0,78	0,89
Открытость опыту	1,70	5,00	3,61	0,73	0,95

Анализ средних значений компонентов эмиграционной установки российской молодёжи показывает, что наиболее выраженной составляющей установки к эмиграции выступает установка субъекта (4,06), а наименее выраженной – установка близких (3,67). Данные средних показателей личностных черт молодых россиян говорят нам о высокой степени выраженно-

сти открытости опыту (3,61) и низкой степени выраженности нейротизма (3,05).

Для определения степени влияния личностных черт молодых россиян на их эмиграционные установки была построена модель при помощи метода моделирования структурными уравнениями (SEM) (рис. 1).

Представленная модель имеет хорошие показатели (табл. 2) и соответствует требуемым индексам $1 < \text{CMIN}/\text{DF} < 3$, $\text{CFI} > 0,90$, $\text{RMSEA} < 0,05$, $\text{PCLOSE} > 0,50$.

Таблица 2 / Table 2

Статистики согласия модели связи личностных черт с эмиграционной установкой молодёжи / Consent statistics models of the relationship of personality traits with the emigration attitude of young people

CFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	p	CMIN/df
0,999	0,025	53,504	0,579	1,504	1	0,022	1,504

Согласно полученным результатам предикторами эмиграционных установок молодёжи выступают слабая выраженность таких черт, как экстраверсия (-0,157*), доброжелательность (-0,335***) и добросовестность (-0,150*), и сильная выраженность открытости опыту (0,229***). Нейротизм не связан с установками молодёжи на эмиграцию.

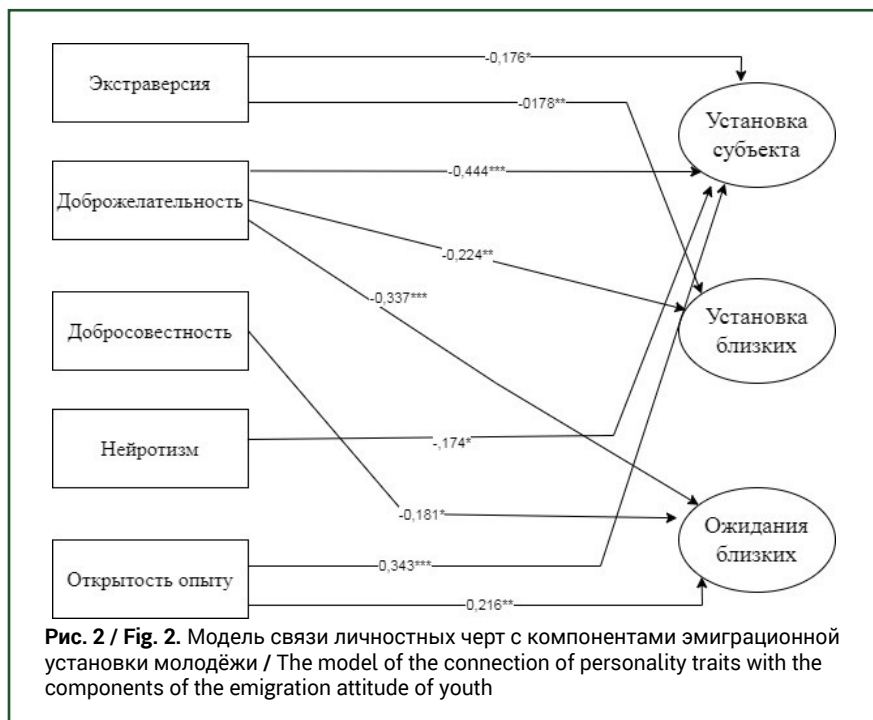
Для более детального изучения обнаруженных связей мы построили модель (рис. 2), с помощью которой проанализировали связи личностных черт молодёжи с компонентами эмиграционной установки.

По данным, отражённым в таблице 3, видно, что модель имеет приемлемые индексы пригодности.

Таблица 3 / Table 3

Статистики согласия модели связи личностных черт с компонентами эмиграционной установки молодёжи / Statistics on the model of the relationship of personality traits with the components of the emigration attitude of young people

CFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	p	CMIN/df
1,000	0,025	71,504	0,579	1,504	1	0,022	1,504

Обнаруженные связи (рис. 2) означают, что низкий уровень экстраверсии прогнозирует возникновение установки субъекта (-0,176*) и установки близких (-0,178**) на эмиграцию. Снижение степени доброжелательности выступает предиктором устремлений самого потенциального мигранта переехать за границу (-0,444***), установок ближайшего окружения к эмиграции (-0,224**) и ожиданий близких (-0,337***) от потенциального мигранта переезда в другую страну. Ослабление выраженности черты добросовестности влечёт за собой повышение ожиданий близкого окружения (-0,181*) от потенциального мигранта переезда за рубеж. Низкий уровень нейротизма усиливает выраженность установок субъекта (-0,174*) к осуществлению эмиграционного поведения. И, наконец, усиление выраженности открытости опыту прогнозирует усиление эмиграционных установок субъекта (0,343***) и ожиданий ближайшего окружения (0,216**).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные данные указывают на важную роль собственной установки российской молодёжи сменить страну проживания в возникновении эмиграционной установки (табл. 1). А точнее, стремление молодых россиян переехать в другую страну исходит в первую очередь из их личного желания эмигрировать. В то же время установка близких вносит наименьший вклад в развитие намерения молодых россиян переехать за границу (рис. 1). Так, молодёжь при планировании переезда в другую страну в наименьшей мере ориентируется на мнение близкого окружения об эмиграции и их отношение к смене страны проживания.

Выраженность личностной черты открытости опыту молодых россиян (рис. 1) говорит об их стремлении к саморазвитию, готовности к познанию и получению нового опыта, исследованию творческих идей и знаний. В то же время наименее выраженной личностной чертой молодых россиян оказался нейротизм (рис. 1), что указывает на слабое проявление склонности к негативным эмоциям и стрессу.

Согласно полученным результатам нашего исследования экстраверсия отрицательно связана с эмиграционными установками российской молодёжи (рис. 1), а конкретнее, с установками молодых россиян и установками их близкого окружения (рис. 2). Экстраверсия проявляется в общительности, оптимизме человека, его направленности на расширение социальных контактов и коррелирует с потребностями в привязанности [7]. Вероятно, для молодых россиян, не планирующих переезда в другую страну, ценны их непосредственные отношения с нынешним социальным окружением: семьёй, друзьями, коллегами, однокурсниками. А международная миграция может препятствовать удовлетворению потребности в общении с близким окружением. Более того, эмиграция может привести к сужению социальных взаимодействий не только с близкими, но и в целом с другими людьми, если для переезда выбрана культурно и лингвистически отдалённая страна.

Выраженность черты доброжелательности, проявляющаяся в заботе об окружающих, доверии к людям, дружелюбии, приводит, согласно нашим данным (рис. 1, рис. 2), к снижению установок молодых россиян на эмиграцию, что соответствует данным зарубежных исследователей [5; 8]. Люди с высокими показателями доброжелательности, как правило, стремятся к

сохранению существующих социальных связей, поддержанию гармонии с окружающими. А переезд в другую страну ведёт к ограничению тесных отношений с близким окружением эмигранта и затрудняет реализацию потребностей в общении.

Обнаружена отрицательная связь добросовестности с эмиграционными установками российской молодёжи (рис. 1), а именно с ожиданиями близкого окружения молодых россиян (рис. 2). Полученные нами данные согласуются с результатами исследований Х. Лю и его коллег [6]. Установленная связь показывает, что близкое окружение молодых россиян, для которых безопасность, стабильность, порядок, дисциплинированность важны в незначительной степени, ожидает от них в будущем переезда в другую страну. Ведь эмиграция, будучи сложным и не всегда предсказуемым процессом, приводит человека к разрыву сложившихся отношений, что противоречит мотивам добросовестных людей, которые чаще всего выбирают стабильность в отношениях, преданы своей работе и ценят своё нынешнее положение.

Согласно нашим результатам черта «открытость опыту» связана с намерениями молодёжи сменить страну проживания (рис. 1), что подтверждается данными зарубежных исследователей [5; 8; 10]. Положительная связь открытости опыту с эмиграционными установками российской молодёжи свидетельствует о том, что любознательная молодёжь, открытая новому опыту, желающая расширить свой кругозор, готова к переезду за пределы своей родины. К тому же и близкое окружение молодёжи с выраженными чертами открытости опыту ожидает от них миграции за рубеж (рис. 2). Ведь другая страна со своей культурой и особенностями выступает отличной возможностью для удовлетворения потребности молодых россиян в новизне.

При отсутствии связи нейротизма с эмиграционными установками молодых россиян (рис. 1) была обнаружена корреляция нейротизма с одним из компонентов эмиграционной установки: установкой субъекта (рис. 2). Полученная отрицательная связь нейротизма с установкой субъекта говорит о готовности к эмиграции молодых россиян, которые эмоционально стабильны, спокойно относятся к переменам в жизни и проявляют стрессоустойчивость. Наши результаты о связи нейротизма с личными установками молодёжи эмигрировать согласуются с данными зарубежного учёного М. Йокелы [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показало нам, что эмиграционные установки молодёжи связаны с их личностными чертами. Наиболее весомыми предикторами эмиграционных установок российской молодёжи выступают ослабление выраженности черты доброжелательности и усиление выраженности черты открытости опыту. Исходя из полученных нами данных, можно составить портрет потенциального эмигранта из среды российской молодёжи. С большей вероятностью переехать жить за рубеж готовы молодые россияне, которые не привязаны к своему нынешнему социальному окружению, открыты новому опыту и ощущениям, готовы к изменениям в жизни, эмоционально стабильные, спокойно принимающие перемены в жизни, устойчивые к стрессовым ситуациям.

Проведённое нами исследование не стоит считать исчерпывающим, так как в этом исследовании были свои ограничения. Так, большая часть выборки представлена девушками, при изучении связи личностных черт с эмиграционными установками молодёжи не учитывались дополнительные факторы, которые могли бы объяснить обнаруженные связи.

В перспективе планируется продолжить исследование предикторов эмиграционных установок молодёжи с учётом влияния дополнительных факторов: регион проживания молодых россиян, страна, в которую молодёжь планирует переезд, ценности российской молодёжи, социальные связи в нынешней и планируемой странах проживания. Комплексное изучение факторов эмиграционных установок молодёжи даст нам полное понимание её мотивов готовности к переезду в другую страну.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батурина Н. В., Вяткина В. В. Влияние особенностей личности на готовность к жизненным переменам // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2022. Т. 204. №2. С. 477–484.
2. Кузнецова С. А., Кузнецов И. Ю., Фещенко А. В. Разработка шкалы миграционных установок личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. №1. С. 83–90.
3. Aerne A., Trampusch C. Including migrant skills in a knowledge economy: The politics of recognition of foreign qualifications, work experience and industry courses // Social Policy & Administration. 2022. Vol. 57. №1. P. 16–33. DOI: 10.1111/spol.12862
4. John O. P., Naumann L. P., Soto C. J. Paradigm shift to the integrative big-five trait taxonomy: History, measurement, and conceptual issues // Handbook of personality: Theory and research / ed. O. P. John, R. W. Robins. New York: Guilford Press, 2008. P. 114–158.
5. Jokela M. Personality traits and reasons for residential mobility: Longitudinal data from United Kingdom, Germany, and Australia [Электронный ресурс] // Personality and individual differences. 2021. № 180. URL: https://www.researchgate.net/publication/351763466_Personality_traits_and_reasons_for_residential_mobility_Longitudinal_data_from_United_Kingdom_Germany_and_Australia (дата обращения: 23.07.2024). DOI: 10.1016/j.paid.2021.110978
6. Liu Han, Chang Fang, Corn H., et al. The impact of parental migration on non-cognitive abilities of left behind children in northwestern China [Электронный ресурс] // Journal of Asian Economics. 2021. №72. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.asieco.2020.101261> (дата обращения: 23.07.2024). DOI: 10.1016/j.asieco.2020.101261
7. Montag C., Sindermann C., Lester D., et al. Linking individual differences in satisfaction with each of maslow's needs to the Big Five personality traits and panksepp's primary emotional systems [Электронный ресурс] // Heliyon. 2020. №6 (7). URL: https://www.researchgate.net/publication/343169688_Linking_individual_differences_in_satisfaction_with_each_of_Maslow's_needs_to_the_Big_Five_personality_traits_and_Panksepp's_primary_emotional_systems (дата обращения: 27.07.2024). DOI: 10.1016/j.heliyon.2020.e04325
8. Sancak B., Selek S. N., Sari E. Depression, anxiety, stress levels and five-factor personality traits as predictors of clinical medical students' migration intention: a cross-sectional study of brain drain // The International Journal of Health Planning and Management. 2023. №38. P. 1015–1031.

9. Shchebetenko S. The best man in the world: Attitudes toward personality traits. *Psychology // Journal of Higher School of Economics*. 2014. №11. P. 129–148.
10. Shuttleworth I., Stevenson C., Bjarnason Þ., et al. Geography, psychology and the «Big Five» personality traits: Who moves, and over what distances, in the United Kingdom? [Электронный ресурс] // *Popul space place*. 2021. №27. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1002/psp.2418> (дата обращения: 23.01.2024). DOI: 10.1002/psp.2418

ARTICLE INFORMATION

Author

Romasheva Zhanagul Zhumabekovna

- e-mail: zhanagul.rom@mail.ru,
Independent researcher,
Moscow, Russian Federation

For citation

Romasheva Zh. Zh. The connection of personality traits with emigration attitudes of youth. In: *Russian Socio-Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To study the nature of the connection of personality traits with the emigration attitudes of Russian youth.

Methodology. The study was conducted from December 2020 to June 2021 on a sample of 802 respondents. The average age of the respondents was 20.3 years. The following methods were used in the study: the "Scale of emigration attitudes", the Big Five Inventory. The mathematical processing was carried out using descriptive statistics and the method of modeling by structural equations.

Results. It was revealed that an increase in the willingness of young Russians to emigrate is caused by a weakening of the expression of the traits of extraversion, benevolence, conscientiousness and an increase in the expression of the trait of openness to experience.

Research implications. The theoretical and practical significance lies in expanding and deepening knowledge about the factors of the intentions of Russian youth to emigrate, using the data obtained in predicting the migration flows of young professionals. Understanding the emigration motives of young Russians allows educational institutions and government organizations to develop strategies to create favorable conditions for talented students in their homeland and keep them from emigrating.

Keywords

big five, personality traits, Russian youth, emigration attitude, emigration intentions, emigration

References

1. Baturina N. V., Vyatkina V. V. [Influence of personality traits on readiness for life changes]. In: *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta* [Scientific notes of the P. F. Lesgaft University], 2022, vol. 204, no. 2, pp. 477–484.
2. Kuznetsova S. A., Kuznetsov I. Yu., Feschenko A. V. [Working out Migratory Attitudes Scale of Personality]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 2014, no. 1, pp. 83–90.
3. Aerne A., Trampusch C. Including migrant skills in a knowledge economy: The politics of recognition of foreign qualifications, work experience and industry courses. In: *Social Policy & Administration*, 2022, vol. 57, no. 1, pp. 16–33. DOI: 10.1111/spol.12862
4. John O. P., Naumann L. P., Soto C. J. Paradigm shift to the integrative big-five trait taxonomy: History, measurement, and conceptual issues. In: John O. P., Robins R. W., eds. *Handbook of personality: Theory and research*. New York: Guilford Press, 2008, pp. 114–158.
5. Jokela M. Personality traits and reasons for residential mobility: Longitudinal data from United Kingdom, Germany, and Australia. In: *Personality and individual differences*, 2021, no. 180. Available at: https://www.researchgate.net/publication/351763466_Personality_traits_and_reasons_for_residential_mobility_Longitudinal_data_from_United_Kingdom_Germany_and_Australia (accessed: 23.07.2024). DOI: 10.1016/j.paid.2021.110978
6. Liu Han, Chang Fang, Corn H., et al. The impact of parental migration on non-cognitive abilities of left behind children in northwestern China. In: *Journal of Asian Economics*, 2021, no. 72. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.asieco.2020.101261> (accessed: 23.07.2024). DOI: 10.1016/j.asieco.2020.101261
7. Montag C., Sindermann C., Lester D., et al. Linking individual differences in satisfaction with each of maslow's needs to the Big Five personality traits and panksepp's primary emotional systems. In: *Heliyon*, 2020, no. 6 (7). Available at: https://www.researchgate.net/publication/343169688_Linking_individual_differences_in_satisfaction_with_each_of_Maslow's_needs_to_the_Big_Five_personality_traits_and_Panksepp's_primary_emotional_systems (accessed: 27.07.2024). DOI: 10.1016/j.heliyon.2020.e04325
8. Sancak B, Selekc S. N., Sari E. Depression, anxiety, stress levels and five-factor personality traits as predictors of clinical medical students' migration intention: a cross-sectional study of brain drain. In: *The International Journal of Health Planning and Management*, 2023, no. 38, pp. 1015–1031.

9. Shchebetenko S. The best man in the world: Attitudes toward personality traits. Psychology. In: *Journal of Higher School of Economics*, 2014, no. 11, pp. 129–148.
10. Shuttleworth I., Stevenson C., Bjarnason P., et al. Geography, psychology and the «Big Five» personality traits: Who moves, and over what distances, in the United Kingdom? In: *Population, Space and Place*, 2021, no. 27. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.1002/psp.2418> (accessed: 23.01.2024). DOI: 10.1002/psp.2418

УДК 81'42: 81-139:304.3

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЛИМИТАЦИЯ КУЛЬТУРНО- ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

Боронин Александр Анатольевич

- e-mail: inloco@inbox.ru;
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры английской филологии;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Боронин А. А. Лингвоаксиологическая делимитация культурно-языковой общности // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 01.07.2024
- Статья размещена на сайте 07.11.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Проблема выбора основания для делимитации лингвокультуры](#)

[Критический подвид лингвоаксиологической делимитации культурно-языковой общности](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Продемонстрировать познавательную возможность лингвоаксиологической делимитации культурно-языковой общности, представленной в виде дискурсивной модели.

Процедура и методы. Лингвокультурологический метод является основным в проведённом исследовании. Использовались процедуры критического дискурсивного анализа, методологические установки лингвистической лимологии, синхроническое сравнение лингвокультурных феноменов, применялись отдельные приёмы социолингвистического и лингвостилистического анализа.

Результаты. Утверждается приоритетность дискурсивной модели лингвокультуры при сравнении её с текстуальной моделью лингвокультуры. Охарактеризованы предпосылки к выбору основания для делимитации лингвокультуры. Доказано, что лингвоаксиологическая делимитация культурно-языковой общности происходит в форме представления оценочных оппозиций либо оценочных квазиопозиций и полностью соотносится с принципом дополнительности Н. Бора. Обоснован критический подвид лингвоаксиологической делимитации культурно-языковой общности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Раскрыты полная эвристическая состоятельность дискурсивной модели лингвокультуры, а также очевидная уместность лимологического подхода к исследованию не только текста и дискурса, но и культурно-языковой общности. Осуществлено частичное лингвистическое обеспечение гражданско-патриотического воспитания и формирования информационной и медиаграмотности при подготовке будущих учителей иностранных языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

граница, дефектные тексты, дискурсивная модель, лингвоаксиологическая делимитация, лингвокультура

ВВЕДЕНИЕ

Целостное восприятие любой лингвокультуры, будь то автохтонной или неавтохтонной, непременно предполагает её осознание в качестве формальной или онтологической *отдельности*. Осознание дискретности лингвистического объекта,

достигнутое в результате поиска сущностных оснований для его делимитации (т. е. для определения его онтологических границ), является залогом успешного описания и других категориальных качеств объекта исследования. Целью настоящей публикации является показ эпистемологической ценности лингвоаксиологической делимитации культурно-языковой общности. Цель исследования обуславливает постановку конкретных задач: 1) теоретическое обобщённое представление лингвокультуры как схемы-образца в соотношении с традиционным и новейшим объектами лингвистики (текст и дискурс); 2) определение оснований для делимитации лингвокультуры; 3) прикладное использование критического подвида лингвоаксиологической делимитации культурно-языковой общности.

Решение перечисленных задач подразумевает главным образом применение лингвокультурологической методологии, показывающей связь языка и культуры, прежде всего в ценностно-смысловом аспекте. Это применение выражается в качественном анализе разнообъёмных и стилистически / жанрово разнородных фрагментов текстов из естественной (нехудожественной) коммуникации, которые представляют собой порицающие описания чужой и, гораздо реже, собственной культуры. Использовались процедуры критического дискурсивного анализа, методологические установки лингвистической лимологии, синхроническое сравнение лингвокультурных феноменов, применялись отдельные приёмы социолингвистического и лингвостилистического анализа.

В соответствии с уже устоявшимся в гуманитарных науках мнением текст с полным правом трактуется как важнейшее средство выражения культуры *in toto*. Всеохватное осознание текста как дискретного объекта, как отдельной сущности связано с определением его формальных и онтологических границ, что обуславливает первостепенную значимость двух кардинальных процедур, связанных с интерпретацией текста, а именно сегментации, объективный подтип которой зиждется на вполне очевидном усмотрении «строевых единиц текста» [4, с. 292], и делимитации как определения «онтологической дискретности» текста [4, с. 300].

Поскольку, согласно широко известной концепции Ю. М. Лотмана, текст является своеобразным культурным сверхзнаком, чьё означаемое в функциональном отношении можно свести к моделированию некоей реальности, границы самой лингво-

культуры, на первый взгляд, метонимически словно бы сдвигаются до пределов текста, ведь благодаря последнему мы наблюдаем именно культурно обусловленное оречевлённое видение реального или возможного мира. Согласно такой точке зрения выявление культурно детерминированных мотивов и целей текстопорождения позволяет определить и онтологические границы лингвокультуры, к которой относится автор текста.

Однако такая текстуальная модель лингвокультуры страдает неоправданным редукционизмом, ибо не учитывает важнейшего этапа развития гуманитаристики, связанного с разработкой концепций диалогизма и *интертекстуальности* (М. М. Бахтин, М. Бубер, Ю. Кристева и др.), ибо благодаря существованию указанных теорий становится возможным не только вырабатывать содержание понятия «формальные границы текста» (внутренние и внешние границы текста успешно изучаются лингвистикой текста), но и ставить вопрос о границах онтологического характера, которые парадоксальным образом не очерчиваются в пределах и не по внешнему контуру делимитируемого объекта, но приобретают определённую посредством диалогического обращения к чужому тексту.

Ещё одним аргументом не в пользу текстуальной модели лингвокультуры можно признать существующие в разных сферах гуманитарного знания теории, в центре внимания которых находится такое понятие, как дискурс. Оно априори побуждает к выходу за пределы конкретного текста, ибо само выделение дискурса того или иного типа невозможно без сличения *разных* текстовых единиц, их обследования на предмет выяснения сущностных черт, повтор которых предопределяет особенности речевых произведений, становящихся актуальными именно в *стандартных* ситуациях общения, в *общем* деятельностном контексте и в *конкретных* культурно-исторических условиях.

Следовательно, эвристически недостаточная по своей сути текстуальная модель лингвокультуры уступает место дискурсивной модели лингвокультуры, сопрягающей интертекстуальность, учитывающей категорию деятельности, фоновые знания и т. д. С учётом данной модели лингвокультуру логично определить как *максимально широкую совокупность разных дискурсивных типов, находящих своё актуальное выражение в рамках общего политического, культурного и языкового контекстов*

(например, американская лингвокультура, или американская культурно-языковая общность).

Безусловно, границы разных дискурсивных типов не столь явно прочерчены по сравнению с границами текстов, однако всё же допустимо выделять обстоятельства, свидетельствующие о чёткости дискурсивных контуров: стадиальность дискурса как процесса, статичность качеств дискурса как абстрактного объекта рефлексии, возможность создания нового «лимнологического» метаязыка.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ДЕЛИМИТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Основания для делимитации лингвокультуры могут быть самыми разнообразными, в связи с чем важно выбрать наиболее существенные из них. Мы усматриваем три типа предпосылок для осуществления этого выбора. Первый тип предпосылки является смешанным: политическим и культурно-историческим, он непосредственно определяет выбор *актуального* объекта для лингвистической интерпретации.

В частности, несомненна значимость критического лимнологического анализа американской лингвокультуры в современных условиях инициированного США и зависимыми от них странами существенного обострения международной обстановки. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своих выступлениях неоднократно подчёркивал роль информационного компонента в возникшем противостоянии, указывая на развязанную коллективным Западом, чья элита ослеплена русофобией¹, информационно-гибридную войну против России², на создание западными странами целой империи лжи³. Как следствие, в сложившихся условиях «гражданский долг отечественных лингвистов состоит в том, чтобы внести свой вклад в дело интеллектуального и языкового сопротивления ведомой

¹ Интервью Дмитрию Киселёву // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73648> (дата обращения: 17.06.2024).

² Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71165> (дата обращения: 17.06.2024).

³ Совещание о мерах социально-экономической поддержки регионов // Президент России: [сайт]. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/67996> (дата обращения: 17.06.2024).

против России и русской цивилизации информационной войне» [10, с. 5].

Лингводидактическая предпосылка заключается в исключительной важности ценностно-смысловых оснований лингвообразования [6, с. 31], причём, разумеется, не только в соотношении с личностями обучаемых, но и в соотношении с личностью самого педагога. Бесспорно, что объём этих ценностно-смысловых оснований напрямую связан с ценностным фондом лингвокультуры, в условиях которой осуществляется образовательный процесс.

Собственно лингвистическая (и даже шире – общегуманитарная, междисциплинарная) предпосылка имеет несколько составляющих. Первая из них заключается в очень большом интересе к аксиологическим проблемам языка, буквально вспыхнувшем в последнем десятилетии XX в. под воздействием когнитивно-дискурсивной парадигмы [11, с. 7]. Когнитивно-дискурсивный подход дал возможность установить, что «структуры знания, мнения, верования, воображения, “стоящие” за реальной речью реального *homo verbo agens*, изъясняющегося на данном естественном языке, имманентно сопряжены с оцениванием (подчёркнуто нами – А. Б.)» [9, с. 3]. Вторая составляющая упомянутой предпосылки заключается в довольно интенсивном развитии аксиологической лингвистики, предметом которой является «изучение ценностей в лингвокультурном аспекте» [7, с. 6]. Иными словами, аксиологическая лингвистика успешно развивается в методологическом сближении с лингвокультурологией (причём, по-видимому, верно и обратное).

Изложенные предпосылки позволяют сделать важные выводы методологического характера. Первый вывод заключается в следующем. Одними из наиболее существенных и необходимых оснований делимитации любой культурно-языковой общности как системной, а не суммарной совокупности разных типов дискурса (последние, в свою очередь, состоят из системной совокупности дискурсивных событий, таких как, например, дискурсивное событие назначения на должность, происходящее в рамках делового дискурса [8]) являются ценностные аспекты, связанные как с вербальным и невербальным динамическим (в разной мере диахроническим) бытованием этой общности, так и с интерпретацией данных видов бытования в их сложном взаимовлиянии.

Второй вывод связан с выбором способа трактовки тех ценностей, на основе которых происходит делимитация избранной лингвокультуры (прежде всего их личностного и культурно-социального принятия или же неодобрения). Безусловно, благожелательное восприятие ценностей иной лингвокультуры является совершенно естественным во всех контекстах, в том числе и в научном познании, однако нельзя недооценивать и те риски, которые связаны с некоторой утратой научной объективности при рассмотрении изучаемого объекта во всей совокупности его свойств. Кроме этого, очевидно, что *актуальное* истолкование американской культурно-языковой общности с учётом первой предпосылки будет осуществляться как *критический* подвид делимитации.

Желательность такого подхода обусловлена и тем, что в течение последних десятилетий в современных отечественных гуманитарных исследованиях прослеживалась тенденция к сглаживанию отрицательных качеств иноязычных культурных социумов, что сформировало некий положительный исследовательский стереотип, в то время как в зарубежной лингвистике развивалась методология критического дискурс-анализа (Р. Водак, Т. А. ван Дейк, Ю. Линк, Н. Фэркло, З. Эгер и др.), сущность которой диаметрально противоположна положительной исследовательской стереотипизации: в частности, по ван Дейку, в рамках этого направления следует не изучать власть как таковую, а концентрировать внимание на злоупотреблениях (abuse) властью или на таких формах доминирования, которые приводят к социальному неравенству и несправедливости [19, p. 1].

КРИТИЧЕСКИЙ ПОДВИД ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЛИМИТАЦИИ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

Итак, использование методологической установки, формируемой критическим дискурс-анализом, обусловлено стремлением лингвиста принимать за основу те или иные существенные аномальные явления, бытующие в обществе: симптоматичен пример, когда исследователь американских и британских СМИ вначале констатирует факт информационной войны, ведущейся против России (ср. с вышеупомянутой первой предпосылкой для выбора основания по делимитации лингвокультуры), а несколько позже сообщает о применении в своей работе

критического дискурс-анализа [14, с. 200, 201], связанного с ценностным выбором исследователя. Изображённая последовательность неслучайна в связи с тем, что понятие «ценность» многофункционально, оно «выполняет координирующую (между человеком и миром объектов), стимулирующую (направляющую деятельность), дидактическую и регулирующую (прескриптивную) функцию в механизмах жизни» [1, с. 60].

Позволим себе последовать приведённому выше примеру задействия критического дискурс-анализа, заявив о том, что необходимо разрабатывать критический подвид лингвоаксиологической делимитации культурно-языковой общности, в частности американской или британской. Его сущность заключается в оценочно окрашенном обнаружении языковых / речевых и смежных с ними репрезентаций таких явлений, которые играют отрицательную роль по отношению к членам этой общности, а также по отношению к членам других культурно-языковых сообществ. Важно, что приоритет отдаётся именно общей (*‘хороший / плохой’*), а не частной (*‘сладкий / солёный’*) оценке, поскольку именно первая «отражает целостное, обобщённое мнение о предмете, учитывающее разные его свойства и характеристики» [16, с. 12], что позволяет обособить лингвокультуру, приведя всё качественное разнообразие вышеуказанных репрезентаций к единому знаменателю.

Следует отметить, что названный подвид делимитации может осуществляться не только в науке, но и в публицистике: специалисты, изучавшие США, неоднократно отмечали резко выраженные противоположности, связанные воедино в американском национальном характере, а именно индивидуализм и конформизм, внутреннее отчуждение против внешне активной общительности⁴, непостоянство, изменчивость против консерватизма, цинизм против идеализма [12, с. 43, 53]. Ещё два выразительных примера. В американском обществе доминирует примат индивидуальной свободы по отношению к социальному равенству, что делает приемлемым и предельное неравенство [15, с. 69], при этом на когнитивно-коммуникативном уровне равенство представлено в виде постулата о равных возможностях на пути к жизненному успеху и нивелировании в общении классовых различий, возрастной разницы, служебного положения [13, с. 306]. В США высоко ценится прав-

⁴ Манаков А. М. Америка 70-х. Очерки, статьи, корреспонденции. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 3–4.

дивость, ложь порицается и приводит к разрушению репутации [13, с. 307], но при этом, как писал на рубеже 80-х гг. прошлого века журналист В. Николаев, ссылаясь на статистику из американского журнала для деловых людей «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт», неуплата налогов и присвоение сотен миллионов долларов стали делом не менее двадцати миллионов американцев⁵.

Такие разительно разные описания (а их число можно умножать и далее) будто бы расширяют символическое значение практически контрастных полос на американском флаге, а также прямо свидетельствуют о структурном подходе к описанию американской культуры посредством выделения лингвистических сущностей – семантических оппозиций – и вполне соответствуют убеждениям одного из создателей современной физики Н. Бора, согласно которым возможно сближение друг с другом эпистемологических ситуаций, характеризующих различные дисциплины, а также отдельных свойств объектов из разных наук, что в конечном итоге приводит к определённой взаимозаменяемости разных метаязыков и дополнительности описаний, сделанных с их помощью [18, р. 1–2, 4, 21].

Подобный – лингвистический – метаязык описания культуры вполне допустим, так как, если не опираться на метонимические отношения между языком и культурой по модели «часть – целое», а выбрать в качестве методологически оправданной отправной точки автономную модель существования языка и культуры, возможно экстраполировать свойства языковых явлений, выраженных в виде терминов и понятий, на внеязыковые феномены, в частности на культуру; тогда и в языке, и в культуре «можно обнаружить явления стиля, жанра, факты синонимии, омонимии, полисемии» [17, с. 16, 19].

Неавтохтонный истолкователь культуры прежде всего выделяет именно те её смысловые константы, которые представлены в виде оппозиций, связанных с социальными контрастами: так, безудержный шумливый оптимизм американской культуры вступает в гротескное противоречие с жизненными реалиями, такими как формирование общества потребления, высокий уровень преступности, значительное число безработных и бездомных граждан, нелегальная миграция, обострение различных противоречий между социальными группами, структурные проблемы в здравоохранении и образовании, по-

⁵ Николаев В. Американцы // Огонёк. 1980. №21. С. 24.

стоянное загрязнение окружающей среды, приводящая к техногенным катастрофам изношенность транспортной инфраструктуры, наркомания, алкоголизм, суицидальное поведение и проч. Реалии американской действительности не просто жёсткие, они – весьма и весьма жестокие. Это признавали и признают и сами представители властных кругов США, например, бывший сенатор Д. Фулбрайт как-то заявил: «Мы создали общество, главным занятием которого является насилие»⁶. В этом обществе культом стал кольт: так, во второй половине 80-х гг. прошлого века статистика заявляла о том, что каждые 23 минуты в США происходит убийство⁷. И до сих пор число жертв ежегодных убийств в США остаётся стабильно высоким.

Однако необходимо рассматривать преломление отрицательных качеств общества не в социологическом либо сугубо культурологическом, а в *лингвокультурном* контексте. В таком случае имеет смысл обращаться к *тексту* и *дискурсу*, так как именно в них негативные качества находят выражение преимущественно с помощью лингвистических средств.

Проявление акцентуированных черт характера представителей американской культурно-языковой общности в некоторых случаях выражается в создании дефектных текстов. Так, извечная тяга американцев к соперничеству, доминированию в разных сферах жизнедеятельности, проявляющаяся в международных отношениях, служит одной из предпосылок (а конкретнее, культурологической предпосылкой) политического гегемонизма, априори отчуждающего его адептов от гуманистических позиций. Это вынуждает поборников гегемонизма создавать такие тексты, которые могут маскировать проявления антигуманизма. В целях подобной маскировки в дефектных текстах используются дерзкие инвективы, стилистическая контрастность, дезинформация, повышенная степень энтропийности содержания, избыточная метафоризация, наклеивание ярлыков вместо констатации проверенных фактов и т. д. [3, с. 64]. Ещё одним признаком дефектных текстов, репрезентирующих политический дискурс, является введение постулатов, которые якобы не требуют доказательств, т. е. безоговорочное принятие за данность весьма спорных утверждений – вспом-

⁶ Асеевский А. И. Кто организует и направляет международный терроризм? Из послужного списка ЦРУ. М.: Политиздат, 1982. С. 17.

⁷ Поляков Е. Б. Демократия: какая? для кого? Л.: Лениздат, 1987. С. 101.

ним пресловутую мантру коллективного Запада о *порядке, основанном на правилах*.

По сообщению ТАСС, министр иностранных дел РФ С. В. Лавров отмечал, что «этот порядок предполагает расистское деление мира на группу исключительных, априори обладающих индульгенцией на любые действия, и остальные страны, обязанные следовать в фарватере “золотого миллиарда” и обслуживать его интересы»⁸. Внутри американской лингвокультурной общности постулаты о богоизбранности США, о предначертанности им судьбы быть мировым лидером⁹ стали подобными аксиологически сомнительными утверждениями с точки зрения внешнего интерпретатора, проводящего делимитацию американской культурно-языковой общности. Тексты, репрезентирующие названные постулаты или «дискурсивные» концепты (в том числе содержащие широкозначные лексемы /tolerance/, а также фраземы /freedom and democracy, open society/), со стилистической точки зрения могут отличаться велелической, неуместным пафосом, ложной патетикой, энтропией. Так, устойчивое лексико-грамматическое образование highly likely американист Н. И. Бубнова характеризует как *печально известное выражение* [5, с. 619].

Тривиальность содержания при повышенной циркуляции текстов в информационном пространстве также дают основания для отнесения текстов к разряду дефектных: «коммерческие объявления повторяются с такой частотой, что своей банальностью приводят в отчаяние почти всех»¹⁰. С самого момента своего появления телевидение в США стало активно использоваться как средство коммерческого продвижения товаров; характерно, что «первым изображением, появившимся на американских телеэкранах, был тускло поблёскивающий кружок американского доллара»¹¹. Польский публицист М. Березовский, хорошо изучивший жизнь в Америке, отмечал навязчивость рекламы в этой стране¹², ставящей «человека в положение, когда он испытывает нажим со всех сторон»¹³. На

⁸ Лавров: западный «порядок, основанный на правилах», предполагает расистское деление мира // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/15576935> (дата обращения: 17.06.2024).

⁹ Феофанов О. А. Агрессия лжи. М.: Политиздат, 1987. С. 9–13.

¹⁰ Кастро Ф. Агрессивные Штаты Америки. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. С. 378.

¹¹ Стрельников Р. В. В плену телеспрута. М.: Политиздат, 1985. С. 15.

¹² Березовский М. Бог любит Америку / пер. с пол. М.: Политиздат, 1980. С. 15.

¹³ Березовский М. Непременно скандал / пер. с пол. М.: Политиздат, 1986. С. 25.

ощутимый вред, наносимый обществу телевизионной рекламой, которая распространяется в США, указывают и американские учёные¹⁴.

Изложенные оценки трудно назвать слишком эмоциональными или сугубо субъективными, ибо по лингвистическим наблюдениям в рекламном тексте уверенно доминируют языковые инструменты воздействия на реципиента, а не собственно информирование [2, с. 7], т. е. в нём интенсивно отыгрывается одна из кардинальных ролей речи – воздействие, если обратиться к дуальной функциональной модели текста¹⁵.

Диалектическое взаимодействие полярных свойств национального характера американцев способствует поддержанию стабильности системы и обеспечивает равновесность её динамического состояния. Однако в тех случаях, когда диалектическая полярность нарушается, формируются акцентированные черты национального характера, становящиеся объектами более интенсивной автохтонной либо неавтохтонной рефлексии. Закономерно, что эти черты находят явное выражение на *дискурсивном* уровне, выступая маркёрами делимитации национальной лингвокультуры. Ограничимся лишь одним примером из кинодискурса: художественный фильм «Обыкновенные люди» (англ. Ordinary People, 1980, реж. Р. Редфорд) содержит эпизод, в котором разбушевавшаяся непогода на воде приводит к трагической гибели одного из братьев: даже перед тем, как утонуть, герой фильма Бак Джарретт, отчаянно пытаясь удержаться за части судна, произносит ободряющую реплику. Этот эпизод обнажает предельную заострённость одной из основных черт американской культурно-языковой общности – имеется в виду оптимизм, который в нейтральных ситуациях может восприниматься со стороны как дежурный или даже натушный, а в случаях, подобных описанному выше, даже возбуждать в инокультурной аудитории ощущение трагического гротеска.

¹⁴ Геевский И. А., Сетунский Н. К. Американская мозаика. М.: Политиздат, 1991. С. 307.

¹⁵ Чаковская М. С. Текст как сообщение и воздействие (на материале английского языка): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1986. С. 9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диада «язык и культура» стала *locus communis* антропоцентрического языкознания, однако с эпистемологических позиций лингвистической лимологии было бы более правильным вспомнить о другом устойчивом выражении «культура и текст», так как последний обладает несомненной определённой, по крайней мере в плане выражения своих формальных границ, что символически предопределяет перспективность распознавания границ лингвокультуры, какими бы подвижными и тонкими до эфемерности они ни были. Кроме того, текст выступает отправной точкой для построения дискурсивной модели лингвокультуры, что делает более чёткой структуру объекта и позволяет сместить акцент на выбор наиболее подходящих способов исследования.

Дискурсивная модель лингвокультуры может исследоваться с помощью выявления семантических оппозиций, однако следует осознавать крайнюю сложность дискурсивной деятельности (даже отдельная коммуникативная ситуация есть сложнейший пучок порой противоположных факторов), в связи с чем некоторые оппозиции образуются в результате предваряющей их возникновения оценочности, относящейся к разным контекстным способам актуализации качеств, приписываемых объекту оценки. Однако впоследствии при обобщённом описании лингвокультуры как модели возникает структурный синтез, представленный в виде оппозитивных диад.

В настоящей работе было продемонстрировано лимологическое значение «отрицательного лингвокультурного материала», рассматриваемого в аксиологическом разрезе. Совершенно очевидно, что дефектные тексты, относящиеся к разным типам дискурса, хотя и дают некоторое представление об онтологическом статусе тех или иных типов дискурса и даже в деятельностном (дискурсивном) контексте очерчивают содержательные контуры конкретной лингвокультуры, не могут при этом выступать в качестве учебного материала, поэтому необходим тщательный предварительный анализ текстовых данных перед их включением в образовательный процесс.

Хотелось бы надеяться на то, что представленное выше изложение возымеет лингводидактическую значимость, а также послужит импульсом для междисциплинарного диалога в сфере социально-гуманитарных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
2. Борисова Е. Г., Антонова Л. Г., Викулова Л. Г. Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста. М.: Флинта, 2022. 164 с.
3. Боронин А. А. Антигуманизм как лингвистическое явление: дефектные тексты в современном американском политическом дискурсе // Координаты современной урбанистики: новая гуманитарная перспектива. Т. 2 / под науч. ред. И. А. Савченко, Ю. В. Козловой. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 63–65.
4. Боронин А. А. Психолингвистическое обоснование сегментации и делимитации текста // Язык и сознание: психолингвистические аспекты / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.; Калуга: Эйдос, 2009. С. 289–306.
5. Бубнова Н. И. Военно-политический курс США во втором десятилетии XXI века. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 647 с.
6. Гальскова Н. Д., Никитенко З. Н., Трешина И. В. Ценностно-смысловые приоритеты студентов – будущих учителей иностранных языков в условиях цифровизации образования // Преподаватель XXI век. 2023. №1. С. 30–39.
7. Карасик В. И. Языковые мосты понимания. М.: Дискурс, 2019. 524 с.
8. Левченко М. Н. Дискурсивное событие «назначение на должность»: специфика архитектоники официального документа // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 15.06.2024).
9. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов / отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
10. Лингвистика информационно-психологической войны. Кн. II / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. 488 с.
11. Общая и русская лингвоаксиология / под ред. М. С. Миловановой. М.; Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.
12. Очерк американского коммуникативного поведения / под ред. И. А. Стернина, М. А. Стерниной. Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. 209 с.
13. Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.: ГЛОССА; СПб.: Каро, 2004. 336 с.
14. Пономаренко Е. Б. Политическая мифология в современной информационной войне // Человек и его дискурс – б: дигитализа-

ция коммуникативных практик / отв. ред. М. Р. Желтухина. М.; Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. С. 200–212.

15. Самир А. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. М.: Европа, 2007. 167 с.
16. Толстая С. М. Категория оценки в языке и тексте // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2015. С. 11–32.
17. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
18. Bohr N. Atomic Physics and Human Knowledge. New York: John Wiley & Sons Inc., 1958. 102 p.
19. Van Dijk T. A. Discourse and Power. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 320 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Alexander A. Boronin

- e-mail: inloco@inbox.ru,
Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Philology,
Federal State University of Education
ul. Radio 10/2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Boronin A. A. Linguoaxiological delimitation of a cultural-linguistic community. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To elucidate the epistemic value of the linguo-axiological delimitation of a cultural-linguistic community presented as a complex discursive model.

Methodology. The linguocultural method predominates in the study. The procedures of critical discourse analysis and linguolimological analysis were used, as well as synchronic comparison of the linguocultural phenomena. Special techniques of sociolinguistic and linguostylistic approaches were applied.

Results. The preference of the discursive model of linguoculture is asserted when comparing it with the textual model of linguoculture. The prerequisites for choosing the basis for delimitation of linguoculture are characterized. It is proved that linguo-axiological delimitation of a language and culture entity results from the presentation of evaluative oppositions or evaluative quasi-oppositions and is consistent with Niels Bohr's principle of complementarity. The critical subtype of linguo-axiological delimitation of a language and culture entity is substantiated.

Research implications. The full heuristic consistency of the discursive model of linguoculture is revealed. The obvious relevance of the limological approach to the study of both *text* / *discourse* and a cultural-linguistic community is shown. The partial linguistic support for civic and patriotic education and the development of information and media literacy in the training of future teachers of foreign languages is carried out.

Keywords

Boundary / limit, defective texts, discursive model, linguoculture, linguo-axiological delimitation

References

1. Arutynova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii: otsenka, sobytie, fakt* [Types of linguistic meanings: evaluation, event, fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 339 p.
2. Borisova E. G., Antonova L. G., Vikulova L. G. *Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushchego teksta* [Marketing linguistics. Regularities of promotional text]. Moscow, Flinta Publ., 2022. 164 p.
3. Boronin A. A. [Anti-humanism as a linguistic phenomenon: defective texts in contemporary American political discourse]. In: Savchenko I. A., Kozlova Yu. V., eds. *Koordinaty sovremennoi urbanistiki: novaya gumanitarnaya perspektiva. T. 2* [Coordinates of Contemporary Urbanism: A New Humanitarian Perspective. Vol. 2]. Moscow, INFRA-M Publ., 2023, pp. 63–65.
4. Boronin A. A. [Psycholinguistic justification of text segmentation and delimitation]. In: Ufimtseva N. V., Ushakova T. N., eds. *Yazyk i soznanie: psikholingvisticheskie aspekty* [Language and consciousness: psycholinguistic aspects]. Moscow, Kaluga, Eidos Publ., 2009, pp. 289–306.
5. Bubnova N. I. *Voenno-politicheskii kurs SShA vo vtorom desyatiletii XXI veka* [The military-political course of the USA in the second decade of the 21st century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2021. 647 p.
6. Galskova N. D., Nikitenko Z. N., Treshina I. V. [Value-semantic priorities of students - future teachers of foreign languages in the conditions of digitalization of education]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher 21st century], 2023, no. 1, pp. 30–39.
7. Karasik V. I. *Yazykovye mosty ponimaniya* [Language Bridges of Understanding]. Moscow, Diskurs Publ., 2019. 524 p.
8. Levchenko M. N. [Discursive event “appointment to a position”: the specifics of the architectonics of the official document]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2023, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 15.06.2024).
9. Vikulova L. G. *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings]. Moscow, TEZARUS Publ., 2011. 352 p.
10. Skovorodnikov A. P. *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoi voyny. Kn. II* [Linguistics of information-psychological warfare. B. II]. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet Publ., 2019. 488 p.

11. Milovanova M. S., ed. *Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya* [General and Russian linguaxiology]. Moscow, Yaroslavl, Kantsler Publ., 2022. 390 p.
12. Sternin I. A., Sternina M. A., eds. *Ocherk amerikanskogo kommunikativnogo povedeniya* [An Outline of American Communicative Behavior], Voronezh, VGU-MINION Publ., 2001. 209 p.
13. Oshchepkova V. V. *Yazyk i kul'tura Velikobritanii, SShA, Kanady, Avstralii, Novoi Zelandii* [Language and culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zealand]. Moscow, GLOSSA Publ., St. Petersburg, Karo Publ., 2004. 336 p.
14. Ponomarenko E. B. [Political mythology in modern information warfare]. In: Zheltukhina M. R., ed. *Chelovek i ego diskurs – 6: digitalizatsiya kommunikativnykh praktik* [Man and his discourse – 6: digitalization of communication practices]. Moscow, Volgograd, PrintTerra-Dizain Publ., 2020, pp. 200–212.
15. Samir A. The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World (Rus. ed.: Nagib Sh., Kastalskii S., transls. *Virus liberalizma: permanentnaya voyna i amerikanizatsiya mira*. Moscow, Evropa Publ., 2007. 167 p.).
16. Tolstaya S. M. [Category of evaluation in language and text]. In: Tolstaya S. M., ed. *Kategoriya otsenki i sistema tsennostei v yazyke i kul'ture* [The category of evaluation and the value system in language and culture]. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 11–32.
17. Tolstoi N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 512 p.
18. Bohr N. Atomic Physics and Human Knowledge. New York, John Wiley & Sons Inc., 1958. 102 p.
19. Van Dijk T. A. Discourse and Power. New York, Palgrave Macmillan, 2008. 320 p.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АЛГОРИТМ ТИПА ТЕКСТА ФЭНТЕЗИ

Левченко Марина Николаевна

- e-mail: prof_levchenko@mail.ru;
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой германской и романской филологии;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 2, Российская Федерация

Захарова Мария Юрьевна

- e-mail: delehrerin@mail.ru;
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры индоевропейских и восточных языков;
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Левченко М. Н., Захарова М. Ю. Персональный алгоритм типа текста фэнтези // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. №4.
URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 23.09.2024
- Статья размещена на сайте 23.12.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Жанр фэнтези](#)

[Грамматический анализ текста-фэнтези по персональным характеристикам: обсуждение и результаты](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Системное описание персональной архитектоники художественного типа текста фэнтези на трёх языках – русском, английском и немецком – с помощью грамматического моделирования.

Процедура и методы. Для лингвистического анализа текста-фэнтези были использованы системный, структурно-функциональный, описательный, контекстуальный методы, метод сегментного анализа текста, а также типологический метод.

Результаты. На основе проведённого грамматического анализа типа текста фэнтези составлена и доказана его универсальная модель по персональным инвариантным характеристикам на материале трёх указанных языков.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты исследования существенно дополняют типологию текста положениями о возможностях его грамматического моделирования, помогают на практике правильно строить текст на иностранном или родном языке в рамках таких теоретических курсов в вузе, как лингвистика и интерпретация текста, а также при проведении лингвистического анализа текста на занятиях по аналитическому чтению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

категория личности, инвариантный признак, универсальность, грамматическое моделирование, тип текста

ВВЕДЕНИЕ

Как утверждает И. Р. Гальперин в своей работе «Текст как объект лингвистического исследования», любой текст может подвергнуться лингвистическому анализу независимо от того, какому жанру принадлежит избранный для исследования текст [3]. Исследовать можно и тексты классической литературы, и документ законопроекта, и договор о предоставлении услуги, и даже рекламный слоган или SMS-сообщение. Ведь всё это – тексты, и, следовательно, они являются неотъемлемой частью нашей современной жизни. С точки зрения текстологии ценен любой отрывок речи, письменной или устной, ведь речь идёт не только о его литературной ценности и смысловой нагрузке, но и о научном исследовании лексико-семантических конститuentов целого, взятого для лингвистического анализа.

Таким образом, и текст в жанре фэнтези достоин внимания учёных-текстологов. Во-первых, жанр фэнтези сам по себе ещё недостаточно изучен, так как наиболее широко стал распространяться лишь в середине прошлого столетия, а следовательно, является ещё достаточно молодым жанром. Во-вторых, произведения этого жанра редко были подвержены какому-либо лингвистическому анализу именно из-за отрицания литературной ценности текстов жанра фэнтези. В-третьих, так как жанр относительно новый, фэнтези становится популярной и распространённой литературой как среди современных детей и подростков, так и среди взрослых читателей, что говорит в пользу необходимости и актуальности изучения учёными-лингвистами текстов и этого жанра. Таким образом, алгоритм исследования и языковой материал подтверждают *актуальность* настоящего исследования.

Цель исследования – выделить структурные особенности текста жанра фэнтези в плане его персональности как отдельного типа текста. *Задачей* лексико-семантического и текстологического анализа выступает выявление в данной статье характеристик текста фэнтези, отличающих тексты этого жанра от иных существующих текстов по персональным особенностям в трёх языках.

Для лингвистического анализа текста типа фэнтези были использованы следующие *методы*: описательный метод для подробной характеристики персональной архитектоники текстов в жанре фэнтези, типологический метод для выявления специфики и особого качества текста в жанре фэнтези в плане категории персональности, метод грамматического моделирования для составления универсальной модели текста в жанре фэнтези по его инвариантным персональным признакам.

Научная новизна исследования состоит в подробном описании персональной архитектоники художественного текста типа фэнтези с помощью его грамматического моделирования в трёх языках. В статье установлены наиболее важные инвариантные признаки персональной характеристики художественного текста типа фэнтези (как языковой единицы и литературного феномена), которые типологически определяют фэнтези как жанр с грамматической точки зрения. Взаимосвязь типологических свойств именно текстов фэнтези и вариантов реализации его специфических характеристик персональности в трёх языках является новым в исследовании данного жанра.

Материалом исследования послужили три романа, написанные в жанре фэнтези, на русском, немецком и английском языках соответственно: Д. А. Емец «Тайна «Звёздного странника»», К. Функе «Чернильное сердце» (С. Funke «Tintenherz») и Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» (J. K. Rowling «Harry Potter and the Philosopher's Stone»).

ЖАНР ФЭНТЕЗИ

Фэнтези – жанр, которому присуще то, что отсутствует в реальности. Известный писатель-фантаст С. В. Лукьяненко, автор культового бестселлера «Ночной дозор», утверждает, что «каждый текст – это сотворение мира. Иногда – совершенно нового» [10]. И всё же создание собственного мира – задача не из лёгких, ведь фантастический мир должен иметь реалистичную основу, чтобы быть для читателя достаточно правдоподобным и не стать комичным или даже гротескным.

На сегодня тексты жанра фэнтези разделяют на три под-вида: фэнтези само по себе, научная фантастика и хоррор¹. Для настоящего исследования подобраны книги на русском, немецком и английском языках, которые относятся именно к жанру фэнтези, т. е. не являются ни научной фантастикой, ни «ужастиками».

Фэнтези (от англ. *fantasy* – «фантазия») – вид фантастической литературы, основанный на использовании мифологических и сказочных мотивов. В современном виде он сформировался в начале XX в. Огромное влияние на формирование современного облика фэнтези оказал Джон Рональд Руэл Толкин.

Берёт своё начало фэнтези именно в фольклоре и мифах, которые присутствуют в культуре абсолютно любой страны. Мифы учат жизни и передают фрагменты истории того или иного народа. Одно из старейших произведений жанра фэнтези – это всем известный сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь»². Мифологию древних египтян, греков и викингов и по сей день изучают по всему миру, начиная ознакомление с этой древней литературой ещё в школе.

¹ От англ. *horror* – «ужасы».

² Тысяча и одна ночь. Книга первая: Ночи 1–270 / пер. с араб. М. Салье. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. 1104 с.

На протяжении многих лет в европейской культуре были популярны средневековая поэзия и эпические произведения, такие как «Песнь о Нибелунгах» или «Беовульф»³. Фольклор, безусловно, повлиял на становление жанра фэнтези. Поэтому в западном фэнтези часто присутствуют средневековые замки, страшные драконы, отважные рыцари и прекрасные принцессы. Приключения героев – эпичные и героические.

Фэнтези, как и другие жанры художественной литературы, отличается своеобразная композиция построения текста, присущая фантастическим романам независимо от того, на каком языке они написаны. В произведении жанра типа фэнтези, как правило, присутствуют:

1. Магия. Магия (от греч. *mageia* – «волшебство», «чародейство», «колдовство») является неизменным «симптомом» жанра фэнтези. Магические знания всегда окутаны тайной и простым людям неизвестны.

2. Приключения. Приключения в фантастических историях всегда разнообразны.

3. Борьба за мировое господство, власть.

4. Поджанры и типы, возможность их смешения в одном произведении. Фэнтези само по себе разделяют на множество поджанров и субжанров. Например, согласно классификации А. Н. Николюкина, фэнтези делится на: высокое фэнтези, низкое фэнтези, магический реализм, меч и колдовство, тёмную фантазию, басни, сказки и супергеройскую фантастику⁴. Как уже было сказано, один фантастический роман не обязательно должен придерживаться одного субжанра и может иметь в себе черты сразу нескольких типов и подтипов.

1. Локальность, т. е. пространственные различия между фантастическим миром и реальным. Персонажи попадают в параллельные, чудесные и таинственные миры, исследуют их, пытаются понять и объяснить их путём сравнения с собственным миром и его устройством.

Однозначно есть и другие специфические характеристики, выделяющие тексты типа фэнтези среди других жанров художественной литературы. С каждым выпущенным романом жанр получает всё новые и новые черты, ведь мир у каждого

³ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. 627 с.

⁴ Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.

писателя-фантаста свой собственный, а следовательно, полёт фантазии автора ничем не ограничен.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА ФЭНТЕЗИ ПО ПЕРСОНАЛЬНЫМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ: ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Грамматический анализ текста типа фэнтези был произведён с помощью предложенной в коллективной монографии под руководством М. Н. Левченко «Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект)» классификации текстов с применением их моделирования по текстовым категориям и грамматическим признакам [5]. Метод грамматического моделирования универсален и применим к текстам всех видов и жанров, в том числе и к текстам типа фэнтези [1; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 11; 12].

В статье представлена текстовая категория персональности, формирование которой рассматривается на конкретных примерах проанализированных текстовых сегментов на трёх языках.

Персональность выражает в тексте категорию лица, поэтому лингвистические средства её выражения – это те языковые средства, которые обладают наличием признаков лица или ссылки на лицо. К ним относятся местоимения, личные формы глаголов и глаголы в повелительном наклонении, имена существительные, субстантивированные прилагательные, языковые группы, именные и вопросительные предложения.

Л. А. Ноздрина разграничивает лингвистический и литературоведческий аспекты в исследовании лица как грамматической категории [12]. Литературоведение опирается только на форму повествования в тексте, а для лингвистики важны любые формы выражения не только лица, но и числа, а также неопределённо-личные местоимения и вежливые формы (*Вы / Вас / Вам / Вами / о Вас* – русское; *Sie / Ihr* – немецкое; *You* – английское). Такие классы местоимений, как притяжательные, неопределённые и безличные, также затронуты планом выражения текстовой категории персональности, т. е. создают персональную архитектуру текста.

В. В. Виноградов рассматривает категорию лица как часть предикативности предложения, т. е. отношения высказывания к реальности с помощью грамматических категорий [2]. Катего-

рия лица в тексте может быть выражена не только спряжением глаголов.

Многие современные учёные изучают категорию персональности как форму авторской самопрезентации и его концептуальных взглядов [1; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 12].

Согласно вышеизложенным положениям в статье применяется комплексный лингвистический подход к изучению персональности, т. е. текстовая категория персональности трактуется через призму грамматической категории лица.

Остановимся на комментариях русского текста фэнтези. Для анализа был взят роман Д. А. Емца «Тайна «Звездного странника»». Речь в нём ведётся от третьего лица, автор не является непосредственным участником событий. Помимо авторской речи, в тексте присутствуют диалоги, т. е. план самих персонажей.

Сегменты проанализированного текста представлены ниже. Все языковые единицы, имеющие сему *персональность*, выделены в тексте жирным шрифтом.

«Обычно, когда **ребёнку** исполнилось семь-восемь лет, **робот-нянька** переходил к младшим **братьям** и **сёстрам** или от **его услуг** отказывались. **Некоторые**, следуя изменчивой **моде**, меняли **роботов-нянек** через каждые **год** или два, выбирая по **каталогу** более современные **модели**. С **Баюном** **случай** был особый: **он** жил в **семье Андрея** на **правах её члена** не **первую сотню лет** и был **мальчику** уже не **нянькой**, а, скорее, старшим **товарищем**. **Андрей** даже предпочитал **его общество компании ровесников**. **Это** очень не нравилось **отцу мальчика** и раздражало **его**. **Тот бы с удовольствием** отдал **Баюна** в **музей старых роботов**, если бы **мама** не отвоевала домашнего **няньку**»⁵.

В данном текстовом сегменте чётко наблюдаются следующие грамматические средства с семой персональности: имена существительные, личные, притяжательные и неопределённо-личные местоимения, окончания глаголов прошедшего времени, стоящих в мужском, женском и среднем роде, а также во множественном числе, имена прилагательные, являющиеся зависимой частью именных словосочетаний. Стоит отметить, что имена существительные в основном обозначают конкретные понятия, хотя встречаются и абстрактные существительные, такие как «права» и «удовольствие». Среди существительных

⁵ Емец Д. А. Тайна «Звездного странника». М.: Эксмо, 2019. 224 с.

также есть имена собственные – это имя мальчика «Андрей» и домашнее прозвище его робота «Баюн».

Разберём сегмент плана речи персонажей данного романа.

«– Не забывайте блокировать на **ночь дверь**, а то снова соседский **бронтозаврёнок** заберётся. И не засиживайтесь допоздна! Кухонный **комбайн** я зарядила **продуктами** и запрограммировала! Не хватит – закажете в продуктового **центре**»⁶.

Текстовый сегмент представляет собой прямую речь персонажа, т. е. это уже не план автора, а план самого персонажа. Глаголы стоят не только в прошедшем времени, но и в повелительном наклонении, и их окончания тоже выражают персональную принадлежность. Можно наблюдать не только повествовательный характер текстового отрывка, но и взаимодействие персонажей, их желание повлиять друг на друга. Все существительные в данном отрывке обозначают только конкретные понятия и являются именами нарицательными. Существительное «бронтозаврёнок» имеет уменьшительно-ласкательный суффикс «-ёнок» и означает детёныша бронтозавра – стоит отметить, что подобного слова в русском языке нет, но автор намеренно использует данную форму, чтобы подчеркнуть, что на планете Деметре динозавры являются домашними любимцами, и, следовательно, их детёнышей называют ласково.

Продолжим комментарий ещё одного текстового сегмента.

«Перед **ними** поблескивали отполированные **борта «Звёздного странника»**. **Лависсе** показалось, что огромный боевой **флагман** притих и напрягся, словно **пантера**, приготовившаяся к **прыжку**. Достаточно дать **сигнал** – и **звездолёт** вырвется из **ангара** и невидимой **взгляду молнией** затеряется в **просторах Вселенной**»⁷.

Здесь повествование снова ведётся от лица автора, т. е. от третьего лица. Помимо конкретных имён существительных, являющихся именами нарицательными, присутствуют имена собственные, такие как «Звёздный странник» – название корабля, «Лависса» – имя девочки, «Вселенная» – название уникального объекта. Есть и абстрактные имена существительные – «прыжок», «взгляд», «просторы». Помимо существительных, зависимых от них прилагательных, окончаний личных форм глаголов и местоимений, сема персональности встреча-

⁶ Емец Д. А. Тайна «Звёздного странника». М.: Эксмо, 2019. 224 с.

⁷ Емец Д. А. Тайна «Звёздного странника». М.: Эксмо, 2019. 224 с.

ется ещё и в личных окончаниях страдательного причастия «отполированные» и действительного причастия «приготовившаяся» (оба причастия стоят в форме прошедшего времени).

Таким образом, основными характеристиками персональности в русском тексте можно считать высокую степень её детерминированности (присутствие в каждом предложении), двухсистемность (речь автора и речь персонажей), неоднородность (разнообразие грамматических средств), полиперсональность (много действующих лиц) и одноплановость (повествование ведётся одним рассказчиком – автором).

Далее был проанализирован текст фантастического романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень», написанного на английском языке⁸. Повествование идёт от третьего лица, и автор не является одним из действующих лиц. В тексте присутствуют реплики персонажей и диалоги.

Рассмотрим проанализированные сегменты англоязычного текста. Все языковые средства с семой персональности выделены в тексте.

«**It was on the corner of the street that he noticed the first sign of something peculiar – a cat reading a map. For a second, Mr Dursley didn't realise what he had seen – then he jerked his head around to look again. There was a tabby cat standing on the corner of Privet Drive, but there wasn't a map in sight. What could he have been thinking of? It must have been a trick of the light. Mr Dursley blinked and stared at the cat. It stared back. As Mr Dursley drove around the corner and up the road, he watched the cat in his mirror. It was now reading the sign that said Privet Drive – no, looking at the sign, cats couldn't read maps or signs. Mr Dursley gave himself a little shake and put the cat out of his mind. As he drove towards town he thought of nothing except a large order of drills he was hoping to get that day**»⁹ / «На углу улицы он заметил что-то странное – кошка изучала карту. В первую секунду мистер Дурсль не понял, что увидел. Затем он резко оглянулся. Полосатая кошка стояла на углу Тисовой улицы, но карты видно не было. Должно быть,

⁸ J. K. Rowling. Harry Potter and the Philosopher's Stone. 1997 [Электронный ресурс]. URL: https://canonburyprimaryschool.co.uk/wpcontent/uploads/2016/01/Joanne-K.-Rowling-Harry-Potter-Book-1-Harry-Potter-and-the-Philosophers-Stone-EnglishOnlineClub.com_.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

⁹ J. K. Rowling. Harry Potter and the Philosopher's Stone. 1997 [Электронный ресурс]. URL: https://canonburyprimaryschool.co.uk/wpcontent/uploads/2016/01/Joanne-K.-Rowling-Harry-Potter-Book-1-Harry-Potter-and-the-Philosophers-Stone-EnglishOnlineClub.com_.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

это была игра света. Мистер Дурсль усталился на кошку. Она в свою очередь устала на него. Когда мистер Дурсль поехал дальше, он стал наблюдать за кошкой в зеркало заднего вида. Теперь она читала табличку с названием улицы. Нет, просто смотрела на эту табличку! Ведь кошки не умеют читать карты или таблички! Мистер Дурсль тряхнул головой и забыл про кошку. По дороге в город он не мог думать ни о чём другом, кроме большого заказа дрелей, который он надеялся получить в этот день» (здесь и далее перевод авторов статьи – М. Л., М. З.).

В приведённом выше текстовом сегменте можно наблюдать следующие персональные грамматические средства. Конкретные и абстрактные имена существительные, среди конкретных существительных есть имена собственные – имя персонажа «Mr Dursley» и название проезда «Privet Drive». Большинство существительных – это именно конкретные понятия, к абстрактным относятся только 6 существительных: «sign», «sight», «trick», «light», «shake», «mind». В тексте есть личные местоимения «he» и «it», часто повторяется притяжательное местоимение «his», присутствуют неопределённо-личные местоимения «something», «nothing», «what» и указательное местоимение «that». Из глаголов в англоязычном тексте сему *персональности* имеет только глагол «was», стоящий в третьем лице и прошедшем времени.

Следующий сегмент текста представляет персонажный план фэнтези.

«**My dear Professor**, surely a sensible **person** like **yourself** can call **him** by **his name**? **All this “You-Know-Who” nonsense** – for eleven **years** I have been trying to persuade **people** to call **him** by **his proper name**: **Voldemort**. ... **It all** gets so confusing if **we** keep saying “**You-Know-Who**”. I have never seen any **reason** to be frightened of saying **Voldemort’s name**»¹⁰ / «Мой дорогой профессор, наверняка такой разумный человек, как Вы, может называть его по имени? Весь этот “Вы-знаете-кто” нонсенс... 11 лет я пытаюсь убедить людей называть его настоящим именем: Волан-де-Морт ... Это всё становится так запутанно, если мы и дальше будем говорить “Вы-знаете-кто”. Для меня никогда не было причины бояться произносить имя Волан-де-Морта».

¹⁰ J. K. Rowling. Harry Potter and the Philosopher's Stone. 1997 [Электронный ресурс]. URL: https://canonburyprimaryschool.co.uk/wpcontent/uploads/2016/01/Joanne-K.-Rowling-Harry-Potter-Book-1-Harry-Potter-and-the-Philosophers-Stone-EnglishOnlineClub.com_.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

В представленном отрывке наблюдается речь персонажа, повествование ведётся от первого лица, встречаются личные местоимения «I», «we». Среди существительных есть абстрактные понятия: «nonsense», «reason». Среди обозначений персон есть название учёного титула «Professor» и прозвище, данное персонажу из страха называть его настоящее имя «You-Know-Who» (дословно «Вы-Знаете-Кто»), состоящее из личного местоимения «you», глагола в настоящем времени «know» и вопросительного местоимения «who».

Персональная архитектура английского текста характеризуется как: детерминированная (персональные маркеры имеются в каждом предложении), двухсистемная, неоднородная (пёстрая картина персональных маркеров), полиперсональная (много действующих лиц) и одноплановая (повествование ведётся одним рассказчиком – автором).

Далее был проанализирован текст немецкого романа К. Функе «Чернильное сердце» (C. Funke "Tintenherz"). В романе речь ведётся от третьего лица, а рассказчик не является одним из действующих лиц истории. Помимо авторской речи, в тексте присутствует прямая речь героев, раскрывающая наряду с планом автора и план самих персонажей.

Представим примеры проанализированных текстовых сегментов ниже.

«Zuerst **blieb es** still draußen. Nur **der Regen fiel**, wispernd und flüsternd, als habe **die Nacht** plötzlich **eine Stimme** bekommen. Doch dann näherten sich **Schritte dem Haus**, und aus **der Dunkelheit tauchte der Mann auf, der auf dem Hof gestanden hatte**. **Der lange Mantel, den er trug, klebte ihm an den Beinen**, nass vom **Regen**, und als **der Fremde in das Licht trat, das aus dem Haus** nach draußen **leckte, glaubte Meggie für den Bruchteil eines Augenblicks, einen kleinen pelzigen Kopf über seiner Schulter zu sehen, der sich schnüffelnd aus seinem Rucksack schob** und dann hastig wieder darin **verschwand**»¹¹ / «Сначала на улице было тихо. Только шёл дождь, шушукая и шепча, как будто ночь вдруг приобрела голос. Но затем во дворе, по направлению к дому, стали слышны шаги, и из темноты появился мужчина. Длинное пальто облепило его мокрые от дождя ноги, и когда незнакомец вышел на свет, брезжащий из дома, Мэгги показалось на долю секунды,

¹¹ Funke C. Tintenherz Gebundenes Buch [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/fentezi/194516-cornelia-funke-tintenherz.html> (дата обращения: 28.06.2021).

что она увидела над его плечом маленькую мохнатую головку, которая, словно пригнувшись, высунулась из его рюкзака, а потом снова резко спряталась».

Сема *персональности* была выявлена в следующих грамматических средствах. Во-первых, это имена существительные, неотъемлемой частью которых являются артикли (как определённые, так и неопределённые). Большинство существительных – конкретные, но встречаются и абстрактные: «Schritte», «die Dunkelheit», «das Licht», «der Bruchteil», «das Augenblick». Среди имён существительных есть имя собственное «Meggie». Во-вторых, персонально детерминированы местоимения. Наряду с личными местоимениями в тексте имеются притяжательные «seiner», «seinem» и указательные «der», «den», «das». В-третьих, личную форму имеют глаголы, которые в тексте употреблены в форме прошедшего времени (Präteritum). В тексте есть и перфектная глагольная форма «hatte gestanden», она тоже личная. Сему персональности можно обнаружить в окончании глагола «habe», стоящего в изъявительном наклонении. И, наконец, указание на лицо имеют окончания прилагательных, стоящих в именных словосочетаниях и зависимых от имён существительных.

Далее лингвистическому анализу по персональным характеристикам подвергается следующий сегмент речи персонажей:

«Deine Mutter hatte eine Tante. Tante Elinor. Wir waren mal bei ihr, als du ganz klein warst. Sie will schon sehr lange, dass ich ihre Bücher in Ordnung bringe. Sie wohnt an einem der oberitalienischen Seen, ich vergess ständig, welcher es ist, aber es ist sehr schön dort, und es sind höchstens sechs, sieben Stunden Fahrt von hier»¹² / «У твоей мамы была тётя. Тётя Элино́р. Как-то раз, когда ты был совсем маленьким, мы гостили у неё. Уже очень давно она хотела, чтобы я разобрала её книги. Она живёт рядом с одним из верхнеитальянских озёр, я постоянно забываю, каким именно, но там очень красиво, и отсюда максимум шесть-семь часов езды».

Текстовый сегмент ведётся от первого лица, так как является прямой речью персонажа книги. Сразу интересным покажется первое предложение, в котором каждый его член

¹² Funke C. Tintenherz Gebundenes Buch [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/fentezi/194516-cornelia-funke-tintenherz.html> (дата обращения: 28.06.2021).

персонально детерминирован. Притяжательное местоимение «deine» указывает на второе лицо единственного числа, а его окончание «-е» – на женский род существительного «Mutter», от которого зависит местоимение. Глагол «hatte» стоит в форме прошедшего времени, его нулевое окончание – показатель третьего лица единственного числа, таким образом, мы видим сочетание подлежащего «Mutter» и сказуемого «hatte», т. е. предложение является грамматически связанным. Неопределённый артикль «eine» принадлежит существительному «Tante», потому имеет окончание «-е», так как слово «Tante» – женского рода. «Elinor» – собственное имя тёти. В тексте встретился модальный глагол «will», стоящий в третьем лице единственного числа и в настоящем времени (Präsens). Стоит также обратить внимание на абстрактные существительные «Ordnung» и «Fahrt».

Таким образом, основными характеристиками персональной архитектоники текста фэнтези на немецком языке следует считать её детерминированность (иногда даже в каждом слове в предложении), двухсистемность (наличие речи автора и персонажей), неоднородность языковых средств (их чрезвычайное разнообразие), полиперсональность (множество действующих лиц) и одноплановость (один рассказчик).

Проведённый анализ текстовых сегментов на русском, английском и немецком языках позволил выделить инвариантные признаки категории персональности в текстах фэнтези и сопоставить их с типологическими характеристиками жанра фэнтези.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя грамматический анализ разноязычных текстов, относящихся к жанру фэнтези, можно сделать следующие выводы.

Любой текст жанра фэнтези должен быть богат событиями, в нём всегда будет много действий, выраженных глаголами и отглагольными существительными. Без действия жанр фэнтези невозможен.

В плане автора распространена глагольная форма прошедшего времени и третьего лица, имеющая повествовательный характер.

В типе текста фэнтези всегда присутствуют конкретные и абстрактные существительные, имена собственные (как личные, так и наименования географических объектов, планет, стран, улиц, городов – чаще вымышленных), именные и глагольные словосочетания. Преобладающее число существительных в типе текста фэнтези – конкретные имена нарицательные, собственные, обозначение титулов или званий, всегда есть местоимения, чаще – личные и притяжательные, реже – указательные и вопросительные.

На основе проведённого грамматического анализа текста фэнтези составлена его универсальная модель по персональным характеристикам: двухсистемность (наличие дихотомии: речь автора и речь персонажей), всегда детерминированность (категория персональности имеет широкий спектр представленности языковых средств в тексте), неоднородность (палитра языковых средств с семой персональности достаточно пёстрая), полиперсональность (богатое представительство действующих лиц) и одноплановость (передача повествования от одного рассказчика другому не встречается).

Таким образом, можно утверждать, что категория персональности является универсальной языковой категорией, характерной для всех трёх рассматриваемых языков, формирующей устойчивую и системную архитектуру текста фэнтези по данному признаку, что является теоретическим дополнением в общую типологию текстов в языкознании. Материал исследования, представленный на русском, английском и немецком языках, обеспечил возможность составления универсального алгоритма текста-фэнтези по характеристикам категории персональности для трёх анализируемых индоевропейских языков, который может использоваться на практических занятиях по лингвистике и интерпретации текста, а также на занятиях по аналитическому чтению.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать изучение типа текста фэнтези на материале иных индоевропейских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотова Е. А., Былкова С. В. Функционально-семантическая категория персональности и её текстовая функция (на примере текстов современных писателей) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. №2. С. 139–145.

2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Издательство АН СССР, 1975. С. 53–58.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2016. 139 с.
4. Кузнецова М. А. Категория персональности и её текстовой потенциал // Человеческий капитал. 2017. №1. С. 42–45.
5. Левченко М. Н. Интерпретация текста и его грамматических моделей. Типологический аспект. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 240 с.
6. Левченко М. Н., Елистратова И. В., Захарова М. Ю. Personality as a text forming category (on the example of texts of various functional styles) // Opción, revista de Antropología, ciencias de la comunicación y de la información, Filosofía, lingüística y semiotica, problemas del desarrollo, la ciencia y la tecnología. 2018. №14. С. 851–872.
7. Левченко М. Н. Вербальная репрезентация категории персональности в текстах различных языков и функциональных стилей [Электронный ресурс] // Значимые личности в языке и культуре: научное наследие Августа Шлейхера: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, г. Москва, 19 октября 2018 г. / под ред. Г. Т. Хухуни, Е. П. Савченко. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
8. Левченко М. Н., Бирюкова А. В. Языковые особенности философского текста: категории персональности и референтности в «Критике чистого разума» И. Канта [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной лингвистики: материалы VII региональной научно-практической конференции (с международным участием) «Иностранные языки в межкультурном пространстве: методы исследования и технологии обучения», г. Москва, 20 сентября 2019 г. / под ред. М. Н. Левченко. М.: ИИУ МГОУ, 2020. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
9. Левченко М. Н., Захарова М. Ю. Алгоритм интерпретации персональных характеристик библиографического текста // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2020. №2. С. 7–22.
10. Лукьяненко С. В. Проводник отсюда. М.: АСТ: Транзиткнига, 2006. 940 с.
11. Манжелевская Е. В., Стратийчук Е. Ю. Категория персональности в лингвистике текста и прагмалингвистике (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики 2021. Т. 14. №12. С. 3953–3958.
12. Ноздрина Л. А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий. М.: Дрофа, 2009. 256 с.

ARTICLE INFORMATION

Authors

Marina N. Levchenko

- e-mail: prof_levchenko@mail.ru,
Dr. Sci. (Philology), Prof., Department Head,
Department of German and Roman philology,
Federal State University of Education
ul. Radio 10/2, Moscow 105005, Russian Federation

Maria Yu. Zakharova

- e-mail: delehrerin@mail.ru,
Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof.,
Department of Indo-European and Oriental Languages,
Federal State University of Education
ul. Radio 10/2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Levchenko M. N., Zakharova M. Yu. Personal algorithm of the "fantasy" text type. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 4.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To provide a detailed description of the personal architectonics of the artistic type of a fantasy text in three languages – Russian, English and German - using grammatical modeling.

Methodology. Systematic, structural-functional, descriptive, contextual methods, the method of segmental analysis of the text, as well as the typological method were used for the linguistic analysis of the fantasy text.

Results. Based on the grammatical analysis of the fantasy text type, its universal model based on personal invariant characteristics based on the material of the three specified languages is compiled and proven.

Research implications. The obtained research results significantly supplement the text typology with the provisions on the possibilities of its grammatical modeling, help implement correct construction of a text in foreign or native languages within such theoretical courses at the university as text linguistics, text interpretation, as well as when conducting linguistic analysis of the text in analytical reading classes.

Keywords

personality category, invariant feature, determinism, grammatical modeling, text type

References

1. Bolotova E. A., Bylkova S. V. [Functional and semantic category of personality and its text-forming function (on the examples of modern writers' texts)]. In: *Gumanitarniye i sotsyalniye nauki* [Humanitarian and social natures], 2020, no. 2, pp. 139–145.
2. Vinogradov V. V. [About the category of modality and modal words]. In: Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike* [Selected Works. Research on Russian Grammar]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1975, pp. 53–58.
3. Galperin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, URSS Publ., LENAND Publ., 2016. 139 p.
4. Kusnetsova M. A. [The category of personality and its textual potential]. In: *Chelovecheskij kapital* [Human capital], 2017, no. 1, pp. 42–45.
5. Levchenko M. N. *Interpretaciya teksta i ego grammaticheskikh modelej. Tipologicheskij aspekt* [Interpretation of the text and its grammatical patterns. Typological aspect]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2018. 240 p.
6. Levchenko M. N., Elistratova I. V., Zakharova M. Yu. Personality as a text forming category (on the example of texts of various functional styles). In: *Opción, revista de Antropología, ciencias de la comunicación y de la información, Filosofía, lingüística y semiotica, problemas del desarrollo, la ciencia y la tecnología*, 2018, no. 14, pp. 851–872.
7. Levchenko M. N. [Verbal representation of the category of personality in texts of different languages and functional styles]. In: Khukhuni G. T., Savchenko E. P., eds. *Znachimye lichnosti v yazyke i kul'ture: nauchnoe nasledie Avgusta Shlejhera: sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Moskva, 19 oktyabrya 2018 g.* [Significant figures in language and culture: the scientific legacy of August Schleicher: a collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference, Moscow, October 19th, 2018]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2018. 1 CD-ROM.
8. Levchenko M. N., Biryukova A. V. [Linguistic Features of a Philosophical Text: Categories of Personality and Referentiality in I. Kant's Critique of Pure Reason]. In: Levchenko M. N., ed. *Aktual'nye voprosy sovremennoj lingvistiki: materialy VII regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) «Inostrannye yazyki v mezhkul'turnom*

prostranstve: metody issledovaniya i tekhnologii obucheniya», g. Moskva, 20 sentyabrya 2019 g. [Current issues of modern linguistics: materials of the VII regional scientific and practical conference (with international participation) "Foreign languages in the intercultural space: research methods and teaching technologies", Moscow, September 20th, 2019]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2020. 1 CD-ROM.

9. Levchenko M. N., Zakharova M. Yu. [The interpretation algorithm of the personal characteristics of the bibliographic text]. In: *Uchenye zapiski Nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki* [Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics], 2020, no. 2, pp. 7–22.
10. Lukyanenko S. V. *Provodnik otsyuda* [Guide from here]. Moscow, AST Publ., Tranzitkniga Publ., 2006. 940 p.
11. Manzhelevskaya E. V., Stratiichuk E. Yu. [Personality category in text linguistics and pragmalinguistics (by the material of the Russian and English languages)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, vol. 14, no. 12, pp. 3953–3958.
12. Nozdrina L. A. *Interpretaciya hudozhestvennogo teksta. Poetika grammaticheskikh kategorij* [Interpretation of the literary text. Poetics of grammatical categories]. Moscow, Drofa Publ., 2009. 256 p.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-85734 от 03.08.2023 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания www.evestnik-mgou.ru

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, www.old.evestnik-mgou.ru а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU).

При цитировании ссылка на Российский социально-гуманитарный журнал обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы.
Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Туркова Л. В.

Технический редактор:

Глазунова А. А.

Переводчик:

Назарова А. Ю.

Корректор:

Гладунов И. К.

Компьютерная вёрстка

Заботина Д. А.

Системное администрирование сайта:

Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, стр. 2, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 6101,

<https://evestnik-mgou.ru>, <https://oid.evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».